УОРРЕН МЕРФИ • РИЧАРД СЭПИР

ДЕСТРОЕР

БАМБУКОВЫЙ ДРАКОН

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Глубоко в непроходимых джунглях Малайзии лежат охотничьи угодья чудовищного доисторического монстра, чьи мощь и кровожадность заставляют померкнуть самые невероятные легенды… Но нет такой опасности, которой не могли бы противостоять два героя – Римо Уильямс, Верховный Разрушитель на службе самого секретного агентства Америки, и его учитель Чиун, последний мастер великой корейской школы боевых искусств Синанджу…

- Уоррен Мерфи, Ричард Сэпир
  -
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20

Уоррен Мерфи, Ричард Сэпир
Бамбуковый дракон

«Bamboo Dragon» 1997, перевод Р. Волошина

Глава 1

Проклятые джунгли вторглись в сновидения Хоппера. И без того каждое пробуждение обращалось страданием, но теперь он не мог найти отдохновения даже во сне. Его ночные грезы провоняли запахом гниющих растений, наполнились звоном жалящих насекомых и видениями извивающихся змей. И всякий раз где-то там, на заднем плане, в непроглядном мраке, слышалось грозное рычание более крупных хищников, невидимых, но готовых вонзить клыки в плоть человека, сделавшего неверный шаг.

Вместо того чтобы вставать по утрам свежим и отдохнувшим, готовым к изматывающему трудовому дню, Хоппер просыпался изнуренным, измученным сновидениями, которые начинали преследовать его, как только он забирался в спальный мешок и натягивал бурую противомоскитную сетку, похожую на гигантскую паутину. В последние дни Хоппер прекратил бриться, и не столько оттого, что этот несложный ритуал отнимал у него силы, сколько стремясь избежать взгляда на лицо, которое приветствовало его по утрам в зеркале – исхудалая физиономия с запавшими красными глазами и соломенными волосами, упорно бросавшими вызов расческе. Его ввалившиеся щеки были покрыты воспаленной коростой от укусов насекомых, а пятнистый загар, который так ненавидел Хоппер, делал его похожим на жертву биологического эксперимента. Десны Хоппера начали сочиться кровью в четверг ночью – или это была среда? Они кровоточили не так уж сильно, но зубы тем не менее сразу покрылись коричневым налетом, и это была последняя капля, переполнившая чашу. Хоппер подарил зеркало обезьянам, которые являлись по утрам, чтобы устроить в лагере погром, и решил не бриться до той поры, пока у него снова не будет горячей воды и ванной либо не найдется парикмахер, который сумеет привести его в порядок, да так, чтобы Хопперу не пришлось смотреть на свое лицо.

Парикмахерша. Пусть, если хочет, выбреет все его тело и скоблит его до первозданной чистоты, пока Хоппер снова не почувствует себя человеком.

В этот раз у Хоппера сложилось особое, специфическое отношение к джунглям, которые кормили его добрых полтора десятка лет. Хоппер не любил называть свою деятельность работой – это означало бы, что в случае неудачи ты должен искать себе новое место, а для такого человека, как Хоппер с его узкой специальностью и скромным образованием, это было бы

совсем нелегко.

Нет, экспедиции Хоппера не были работой. Они уже давно превратились в рутину. Всякий раз Хоппер использовал одно и то же оборудование, довел свои навыки до автоматизма и научился выполнять простейшие действия, не просыпаясь – собственно говоря, именно так прошли последние десять ночей или около того. Путешествия сулили два возможных исхода: успех или неудачу, но в любом случае Хоппер получал свой гонорар – хотя бы за то, что предпринял попытку.

Итак, причиной его нынешнего состояния оказались джунгли. И это было странно, ведь Хоппер в свое время побывал в самых гибельных и зловонных джунглях от Конго до Амазонки. Ему доводилось общаться с пигмеями и дикарями Мату-Гросу, есть пищу, которой побрезговал бы даже стервятник, выкачивая из местных жителей сведения, которые могли оказаться полезными для дела. Хоппер знал повадки змей, пауков и скорпионов, научился купаться в облегающих трико, чтобы мерзкие паразиты и крохотные рыбки с острыми как бритва плавниками не смогли забраться в прямую кишку или мочеиспускательный канал. Доводилось ему бывать и в пустынях, поверхность которых напоминала старую лопнувшую кожу, – там, где температура в тени (если, конечно, можно было найти тень) достигала пятидесяти градусов и даже хищным мухам доставало ума прятаться до заката солнца. Знавал Хоппер и арктическую тундру, ему доводилось обедать бифштексами из жареного на ворвани мороженого мяса мамонта и наблюдать за тем, как струйка собственной мочи замерзает в воздухе золотистой дугой.

И тем не менее Хоппер всегда выполнял задание.

Что же случилось на сей раз? В чем причина его неприязни к этому месту?

Хоппер сомневался, что дело было в местном климате, напоминавшем погоду в Индонезии в разгар лета – жаркую, влажную, высасывающую соки из всякого, кто был достаточно глуп, чтобы работать в дневные часы. Однако на этот случай человек мог запастись солью и особыми напитками, возвращавшими в кровь утраченные электролиты. Уловок и хитростей было немало – Хоппер лично изобрел многие из них.

Может быть, тучи надоедливых насекомых? Вряд ли. Да, в здешних джунглях обитали москиты невиданных размеров и злобности, а также мухи, укусы которых напоминали подкожную инъекцию и которые всегда нападали сзади. Но Хоппер был привит от целого букета хворей, от малярии до болотной лихорадки, и вооружен специальным репеллентом, производимым для армейских нужд. За сутки на его долю

приходилось от двадцати пяти до тридцати укусов, и с этим можно было мириться.

Что же ему мешало?

Одиннадцать недель раздумий привели Хоппера к выводу, что виновником его страданий явилось место как таковое – совокупность климата и рельефа, ползучих растений и коварных животных – все это вместе поставило его на грань нервного срыва. Сколь бы нелепой и смехотворной ни казалась такая мысль, это было именно так. Место, в котором находился сейчас Хоппер, источало миазмы злобы, вторгавшиеся в плоть и кровь и проникавшие в человеческий мозг.

А может быть, Хоппер попросту сходил с ума.

Одиннадцать недель.

Предполагалось, что работа займет едва ли половину этого срока, но кто-то наверху, по-видимому, недооценил джунгли и рассчитал длительность маршрута, основываясь на туристических путеводителях и картах, уменьшавших страну до размеров почтовой открытки, превращавших могучие реки в сеть тоненьких ручейков, а всепожирающие джунгли – в зеленую кляксу, которую можно было накрыть ладонью. «Планировщики», как они любили себя называть там, в Штатах, не имели ни малейшего понятия о том, что такое перейти вброд реку, кишащую крокодилами, или пробраться по многомильному зловонному болоту по шею в стоячей воде, чувствуя под промокшей одеждой извивающихся пиявок.

Единственным утешением Хопперу была щедрая плата за перенесенные невзгоды – половина авансом, половина после возвращения плюс солидные премиальные в случае успеха. Среди коллег Хоппера, и, в частности, в Лос-Анджелесе, где у него было нечто вроде дома, ходили слухи, что там, где не нашел Хоппер, не найдет никто. Может, это и было преувеличением, но блестящая репутация еще никому не мешала.

Но могла привести к гибели, если ты не следил за каждым своим шагом.

Тогда, в марте, во время короткого совещания, на котором Хопперу предложили очередное задание, оно представлялось вполне выполнимым. Не слишком простым – надеяться на это было бы глупо, – но выполнимым.

Воодушевление планировщиков, отправлявших Хоппера на поиски, питали местные легенды, секретные военные документы и рассуждения, принимающие желаемое за действительное и основанные на космических снимках, сделанных во время полетов двух последних «шаттлов». Ну и запах бешеных денег… может быть. Им был нужен специалист по разведке в «полевых

условиях».

Услышав это, Хоппер невольно улыбнулся. Планировщики говорили о «полевых условиях» так, будто собирались послать его прогуляться по лужайке или пастбищу. Как правило, «поле» оказывалось чем-нибудь совершенно иным: джунглями, пустыней, иногда – суровыми горными вершинами, на которых, как известно, очень трудно (а то и вовсе не возможно) наладить приисковые работы. Хоппер никогда не действовал по чьей-то указке; он тщательно исследовал район предполагаемой экспедиции, изучая его вдоль и поперек, изыскивая всевозможные лазейки, помогавшие его банковскому счету выглядеть не хуже других.

В его работе была одна привлекательная черта: вместо того чтобы действовать на свой страх и риск, Хоппер выступал в роли наемника крупных компаний, которые располагали солидными средствами и соглашались платить вне зависимости от результатов. Всякий раз, когда Хоппер возвращался пустым, работодатели устраивали скандал, но такое случалось редко. К тому времени, когда компании обращались к его помощи, район будущей разведки, как правило, уже бывал основательно изучен теоретическими методами, а шансы на успех подсчитаны при помощи головоломной математики, которой Хоппер не понимал и не пытался понимать. Потом наступала пора полевой разведки, и отныне Хоппер должен был применить все свои знания, опыт и везение на благо людей, которым не хватало умения и смелости прийти самим и взять искомое собственными руками.

Хопперу хватало того и другого… до сих пор.

Он пытался убедить себя, что все это глупости, что в здешних джунглях нет ничего такого, чего бы он не видел раньше. Те же змеи или очень похожие. Те же проклятые пауки, муравьи, мухи, гнус, комары, вши… Такие же, или очень похожие, местные жители с их инстинктивной подозрительностью к чужакам, которые дурили их в прошлом и могут сделать то же самое в будущем, стоит лишь потерять бдительность.

Ясных, отчетливых причин ненавидеть эти джунгли у Хоппера не было. И тем не менее, помимо пота, палящего солнца и запаха гнили – неизменных попутчиков исследователя тропиков, было нечто… Нечто непонятное.

Тоскливое, нудное ощущение опасности.

Между прочим, в своих страхах Хоппер был не одинок. Его чувства разделяли местные жители, которые не желали делиться информацией и еще менее – предоставлять экспедиции проводников, вынуждая Хоппера платить за туземную помощь намного больше обычного. Хоппер не возражал – в конце концов

это были не его деньги, – но несговорчивость обитателей джунглей, граничащая с суеверным ужасом, неминуемо отражалась на деятельности экспедиции.

Первым из трех участников группы сломался Экинс, геолог из Хьюстона. Он становился раздражительным, внимательно вглядывался в тени на марше и упорно смотрел мимо костров в темноту, когда экспедиция становилась лагерем. Уже на исходе второй недели он начал задавать вопросы, интересуясь всем подряд – от туземных обычаев до повадок хищников. Но, поскольку это был его первый поход в девственные леса, поведение Экинса можно было оправдать понятной нервозностью.

Второй жертвой страха, к своему искреннему удивлению, стал сам Хоппер. До сих пор ему казалось, что он успешно скрывает испуг, хотя недостаток здорового сна изматывал его, давил на психику и заставлял совершать многочисленные ошибки. Поначалу Хоппер приписывал свое угнетенное состояние возрасту – в августе ему должно было стукнуть сорок, – но вскоре был вынужден признать, что его ночные кошмары и мрачные, тягостные предчувствия, которые охватывали его в часы бодрствования, объясняются чем-то другим.

И вот теперь, если, конечно, он не ошибся, страх пронял даже Спаркса. Спаркс был их ангелом-хранителем, головорезом с армейским прошлым, который в свое время служил наемником, а впоследствии перешел на работу, обозначенную расплывчатым понятием «служба безопасности». За пять тысяч в год плюс транспортные расходы Спаркса можно было направить в Вашингтон сломать кому-нибудь руку, прослушивать телефон в Бирмингеме... или нянчиться с экспедицией, пробирающейся по джунглям в тысячах миль от Штатов.

Спаркс знал свое дело и не шевельнул бы даже пальцем, не рассчитав все загодя. В момент опасности ему не было равных. Ходили туманные, но упорные слухи о том, что он убивал не только в гражданских войнах стран «третьего мира».

И вот теперь он начинал нервничать, никаких сомнений. В глазах Спаркса поселился страх, а сам он не расставался с винтовкой со снятым предохранителем.

Это все пустая игра воображения, говорил себе Хоппер. Ведь до сих пор не произошло ничего необычного. Носильщики и проводники сохраняли угрюмое молчание, но порой в их поведении сквозили разнообразные табу и суеверия. Само путешествие, хотя и стоившее Хопперу небывалого напряжения сил и усталости, во всех остальных отношениях не было очень уж рискованным. Единственным случаем, сулившим настоящую опасность, была встреча с коброй, когда Хоппер сошел с тропы,

чтобы справить малую нужду.

Путешествие проходило спокойно, и тем не менее Хоппер не мог избавиться от ночных кошмаров.

Они всегда начинались одинаково. Хоппер пробирался сквозь джунгли в предзакатные часы, одинокий и заблудившийся. Он знал, что лагерь находится где-то впереди, в сотне ярдов или около того, но, когда он окликал Спаркса или Экинса, никто не отвечал. В джунглях раздавались заунывные вопли птиц, в подлеске скреблись невидимые грызуны, и казалось, что поблизости нет ни единой человеческой души.

Время во снах течет неуловимо, и все же Хоппер постепенно начинал чувствовать, что за ним следят. По его следу шло нечто большое и голодное. Оно не показывалось на глаза, но было достаточно близко, чтобы Хоппер мог услышать его дыхание. Господи, какое оно было огромное! Судя по звукам, вместо легких у этого создания были кузнечные мехи. Натыкаясь на стволы, чудовище выдирало их с корнем и валило на землю. Охваченный паникой, Хоппер бросался бежать куда глаза глядят, продираясь сквозь колючие ветви, которые цеплялись за одежду и хлестали по лицу. Запах свежей крови приводил преследователя в ярость. Чудовище издавало голодные вопли, словно Кинг-Конг, вышедший на охоту. В конце концов Хоппер натыкался на опустевший лагерь. Он бросался к палаткам под призрачную защиту костра и неизменно спотыкался у дальнего края лужайки, падая лицом вниз. Громадный хищник наклонялся, пока Хоппер не начинал чувствовать его зловонное дыхание. Зубы...

Глаза Хоппера распахнулись, как всегда спасая его от того ужасного мгновения, когда он уже был готов распрощаться с жизнью. Тело, укутанное спальным мешком, обливалось потом. Хоппер дрожал, словно испуганный ребенок.

Он приподнялся и сел на койке, металлические ножки которой стояли в жестянках, наполовину заполненных водой для защиты от ползучих тварей, выпростал ноги из спального мешка и, прежде чем спустить их с кровати, внимательно оглядел пол.

Итак, сон становился все страшнее, чтоб его черти побрали. В этот раз, когда хищник подбирался к Хопперу, он уловил сотрясение земли. Господи, если он не сумеет в ближайшее время избавиться от этого наваждения...

Подземные толчки.

Все, хватит, сказал себе Хоппер. Этот номер не пройдет. Должно быть, его ногу свело судорогой, и ему показалось, будто к лагерю приближается громадное чудовище.

Дикий вопль выбросил Хоппера из кровати. Он запутался в москитной сетке и рвал ее до тех пор, пока не сумел

освободиться. К этому мгновению в лагере зазвучали невнятные крики проводников и носильщиков, послышалась испуганная ругань Спаркса.

Раздался винтовочный выстрел, громкий, словно удар грома.

Хоппер выскочил из палатки и оказался в кромешном аду. Туземцы бросились врассыпную, двое из них пробежали сквозь огонь и выскочили по ту его сторону, даже не вскрикнув от боли. Таково воздействие страха – он приглушает все иные чувства и пускает в ход механизм инстинкта самосохранения, который включается в минуту опасности.

Хоппер осмотрелся, отыскивая взглядом Спаркса и Экинса. Ангел-хранитель экспедиции стоял подле своей палатки в боксерских трусах и носках, приложив к плечу винтовку, нацеленную вверх под углом около сорока пяти градусов. Послышался еще один выстрел, и Хоппер увидел красно-оранжевую вспышку, вырвавшуюся из дула.

Куда он стреляет? И где Экинс? Хопперу казалось, что он слышал крик, но он мог ошибаться, и...

И в это мгновение он увидел неуклюжий призрачный силуэт чудовища из своих снов. Оно шагало вперед, привлеченное вспышками ружейных выстрелов, и поводило головой из стороны в сторону, рассматривая лагерь. Из его скрежещущих зубов свисало нечто вроде тряпичной куклы. По губам и нижней челюсти чудовища стекала кровь. Кукла была одета в зеленые штаны и такую же рубаху, залитые чем-то красным.

Экинс.

Спаркс выстрелил в третий раз, но без толку. Шагающий дьявол повернулся в его сторону, тряхнул головой и выплюнул окровавленное тело. Спарксу пришлось отскочить; тело ударилось о землю, подскочило и рухнуло бесформенной кучей. Спаркс изготовился выстрелить вновь, но не успел.

Теперь чудовище уже не казалось неуклюжим. Оно подпрыгнуло, словно птица, и опустилось на землю, заставив ее вздрогнуть. Спаркс не заметил удара – кошмарное создание обрушилось на него своей тяжестью, сбив с ног и повалив на спину с вывернутыми руками. Винтовка отлетела в сторону. Чудовище быстро клюнуло головой, словно громадный цыпленок, подбирающий зерно, и впилось в Спаркса сверкающими зубами.

Хоппер издал пронзительный вопль и, испугавшись собственного голоса, зажал рот ладонями обеих рук.

Слишком поздно.

Оживший призрак из сновидения перекусил Спаркса пополам, уронил его в грязь и, заслышав безумный крик Хоппера, повернулся в его сторону. Пасть чудовища была набита кровавым

месивом.

Господи! Надо бежать!

И Хоппер побежал.

У него не было времени продумать свои действия. Какой-то уголок его сознания отметил, что он бос и одет лишь в нижнее белье, но если бы он задержался, чтобы взять одежду, а тем более натянуть ее на себя, то чудовище захватило бы его в палатке, и Хоппер присоединился бы к компании Экинса и Спаркса в качестве лакомой закуски к позднему ужину.

Лужайка была невелика. Десяток шагов – и Хоппер оказался среди деревьев и продолжал мчаться вперед, не обращая внимания на камни и колючки и позабыв о змеях. Он понимал, что оставаться в лагере смертельно опасно. Все прочие обстоятельства казались ему второстепенными, и он надеялся преодолеть их по мере поступления.

Бегство от опасности – простейший инстинкт, который включается выбросом адреналина в кровь. Разум Хоппера, до сих пор не оправившийся от изумления, вызванного увиденным, фактически бездействовал. Где-то в его глубине по-прежнему мерцала надежда на то, что все происходящее – не более чем сновидение во сне, еще один ужасный ночной кошмар.

Напрасные надежды.

Хоппер споткнулся, раскинул руки, стремясь сохранить равновесие, и почувствовал, как ему в ладонь впилась зазубренная ветка. Выдернув ее, он увидел кровь и ощутил резкую боль, которая перечеркивала все надежды на то, что это происходит во сне.

Может быть, он сошел с ума? Или подцепил лихорадку, и утомленный, ослабленный болезнью мозг окончательно утратил связь с реальностью? Не лучше ли остановиться и подождать чудовище здесь, на этом самом месте?

В джунглях раздавался громкий треск, и этот звук был ответом на все вопросы. Чудовище гналось за ним, и Хоппер бросился вперед, гадая, видит ли преследователь в темноте или ориентируется по запаху.

Охваченный паникой, Хоппер мчался во весь опор. Какая-то часть его разума действовала четко и ясно, и он подумал, что он ошибался в своих снах. Зловещий мрачный хищник не рычал и не взревывал. Он шипел. Следом за Хоппером двигалась громадная неумолимая паровая машина.

Хоппер подумал о реке, протекавшей к северу от лагеря. Если бы только он выдержал направление и сумел промчаться в темноте милю или, самое большее, две, у него сохранялся шанс на спасение. Этот трюк частенько использовался в кинофильмах

против собак-ищеек: вода смывала запах жертвы, помогая незадачливому беглецу на время оторваться от погони. Но если даже это не удастся, река могла бы оказаться достаточно глубокой, чтобы задержать преследователя или вынудить его отказаться от своих намерений.

Острая боль в легких и внезапный приступ головокружения, едва не свалivший Хоппера с ног, заставили его остановиться. Он привалился к стволу дерева, оставив на коре отпечаток ладони, и сложился пополам, пытаясь унять ноющую боль в боку. Его ступни были изранены и кровоточили. Хопперу казалось, что он стоит на куче бутылочных осколков.

Тишина.

Может быть, ему удалось улизнуть от чудовища, и он в безопасности? В это трудно было поверить, но, с другой стороны, такое огромное создание вряд ли могло двигаться, не производя шума.

Хопперу почудился мягкий толчок, какое-то волнение в воздухе над его головой, и в тот же миг из-за деревьев показались широко разинутые челюсти. Хоппер взвизгнул, метнулся в сторону, дважды перекатился по земле и вскочил на ноги. Его мозг заполнила мысль о жизни и смерти, и, не в силах выбрать нужное направление, он развернулся и помчался наугад в гущу леса.

За его спиной послышалось яростное шипение. Хищник жадно раздувал ноздри, чуя кровь и запах мягкой влажной плоти. Он не знал никаких обычаев, кроме закона пожирания, не ведал иных побуждений, кроме голода.

Лес поглотил Хоппера живьем.

Глава 2

Его звали Римо, и ему казалось, что всякого человека весом более трехсот фунтов, носящего велосипедные шорты, которые облегают бедра так тесно, что кажутся нарисованными и подчеркивают каждую ямочку, бугорок и складку нелепых телес, следует отдавать под суд.

Американская парочка, маячившая перед глазами Римо, являла изрядный тому пример. Одинаковые золотые колечки подсказывали Римо, что перед ним супружеская чета, а нежно сцепленные пальцы говорили о том, что эти двое либо только что поженились, либо находятся под романтическим воздействием прогулки по экзотическому городу. До сих пор они таращились на витрины и останавливались у придорожных прилавков, предлагавших всякую всячину – от одежды ручной выделки, камешков и изделий народного промысла до чучел кобр, застывших в угрожающей позе.

По мнению Римо, их совокупный вес составлял около шестисот пятидесяти фунтов, сосредоточенных в основном пониже талии. Одинаковые очки в роговой оправе, завитые волосы и кричаще яркое туристское облачение делали их похожими на персонажей мультфильма, и уличные торговцы не могли удержаться от смеха, когда нелепая парочка проходила мимо. Разумеется, хихикать в лицо возможным покупателям было бы глупо, но если они уже прошли, терять было нечего.

Римо не знал имен толстяков и окрестил их Фредом и Фридой Фрамп. Они попались ему по чистой случайности, но то, что Римо увязался за ними, случайностью не было. Ему нужно было замаскироваться, и, сколь бы ненадежным ни казалось такое прикрытие, Римо прекратил бродить по городу сам по себе. Одинокий круглоглазый в азиатском городе привлекал взгляды, а трое и больше были туристической группой.

Римо не заговаривал с Фрампами и не собирался этого делать. Он не нуждался в обществе. Ему нужно было лишь некоторое время продержаться у них на хвосте, чтобы выяснить, не следят ли за ним, и при этом не попадаться на глаза окружающим. Чем меньше дородные спутники Римо знали о его планах, тем лучше. Пускай эти двое привлекают внимание, а он будет незаметно держаться в тени.

Малайзия превратилась в туристический центр совсем недавно, и произошло это как бы само собой. До сих пор Малайзии было трудно тягаться с соседями. Таиланд, к примеру, мог похвалиться многочисленными соблазнами – от примет

древней цивилизации в лице монахов в желтых одеяниях и бесстрастных золотых Будд до разнузданных сексуальных игрищ, сдобренных изрядным привкусом наркотиков. Гонконг и Макао затмевали Малайзию на международном финансовом рынке, а Тайвань манил туристов дешевыми сувенирами. Бали славился изысканными танцами, а Бруней обладал самыми крупными в Юго-Восточной Азии запасами нефти и газа. Филиппины и Индонезия предлагали фешенебельные морские курорты, доступные только толстосумам.

По сравнению с преуспевающими соседями Малайзия включилась в гонку за туристскими долларами достаточно поздно и была знакома широкой публике в основном по старинным романам авторов вроде Эмблера, Блэка и Моэма. Однако в последние годы она все чаще привлекала внимание определенного круга путешественников, желавших насладиться экзотикой, не сталкиваясь при этом с заоблачными ценами, кишащими туристами достопримечательностями и обескураживающими языковыми барьерами. Одних влекла всепожирающая страсть к чужеземной культуре, других – первоклассное обслуживание в гостиницах, третьих – лучшие в мире пляжи. Еще одним преимуществом в глазах трусоватых и осторожных жителей Запада оказалось то обстоятельство, что Малайзия была единственной юго-восточной страной, в которой турист, путешествующий во взятом напрокат автомобиле, мог чувствовать себя в полной безопасности.

Тем не менее Римо, покинув гостиницу, отправился осматривать столицу пешком. Куала-Лумпур, на языке местных обывателей – «KJT», представлял собой стремительно расширяющийся политический, промышленный и образовательный центр страны. Последняя перепись населения города, основанная по большей части на догадках и туманных домыслах, определила число его жителей в один миллион. Туристические путеводители указывают примерно вдвое большую цифру.

Куала-Лумпур начинался с небольшого колониального городка, выросшего на месте оловянных приисков. В дословном переводе его название означает «соединение мутных потоков» и происходит от слияния протекающих неподалеку рек Гомбак и Келанг. Впрочем, нынешний Куала-Лумпур мало чем напоминает старые времена. В его архитектуре смешались причудливая древность и современная функциональность. Прихотливые черты общественных зданий Куала-Лумпура – центральный железнодорожный вокзал, городская мэрия и мечеть – являют собой резкий контраст шаблонным линиям недавно выстроенных

зданий высотной школы. Эти два стиля встречаются друг с другом на соседней Маркет-стрит, проходящей по берегу Келанга, – там, где расположен городской рынок, притягивающий местных жителей и туристов, словно магнит – железные опилки.

До встречи оставалось несколько часов, и Римо решил, что торчать в отеле, пытаясь представить себе дальнейшее развитие событий, будет пустой тратой времени. Они с Чиуном поселились в прекрасном номере гостиницы «Мерлин» на улице Джалан Султан Исмаил, но вытащить учителя в город, пока он в который уже раз пересматривал по телевизору свои любимые мыльные оперы, не смогла бы и упряжка лошадей. Еще труднее было бы соблазнить его прогулкой в толпе туземцев китайского происхождения.

– Хорошо еще, что эти люди не японские полукровки, – заметил Чиун, когда они с Римо сидели в аэропорту, дожидаясь прибытия такси. Даже незнакомый человек смог бы понять по голосу старого корейца, как он относится к полукровкам вообще и к японцам в частности. Японская оккупация Кореи 1910 года представлялась Чиуну событием куда более свежим, нежели недавние войны в Кувейте и Боснии.

– К сожалению, японцы забыли урок, преподанный им в Корее, – частенько говаривал Чиун.

– В сорок пятом году, что ли? – спрашивал Римо. – Когда американцы и русские вышибли японцев из Кореи?

– Ваши исторические труды грешат неточностями. Не кто иной, как мастер Синанджу убедил злобного врага покинуть мою страну.

– Как ему это удалось, папочка?

– Он вступил в переговоры с японским императором. Хирохито вывел свои войска, и ему даровали жизнь.

– Очень уж долго они торговались.

При этих словах на лице Чиуна появлялась разочарованная мина.

– Ты по-прежнему мыслишь как белый человек, – сказал он. – Что такое тридцать пять или сорок лет в сравнении с вечностью? У бессмертного Дома Синанджу были куда более важные задачи, чем свержение узурпаторов-варваров.

– Приумножение своего богатства?

– Это вторая по значимости обязанность любого мастера.

– А первая?

– Стремление к просвещению, – отвечал Чиун. – В духе Синанджу.

Сейчас Римо следовало приступить к просвещению в духе предстоящего задания, но последние уроки пришлось отложить

до встречи в отеле «Шангри-ла». Римо мог бы потратить свободное время на отдых, если бы не подозрение, что последние два часа кто-то сидит у него на хвосте.

Римо надеялся, что Фред и Фрида помогут ему разобраться в происходящем. Для этого им нужно было всего лишь оставаться самими собой.

* * *

Задание было очень простое – прикончить круглоглазого. Контракт предусматривал аванс в размере половины, а остаток предполагалось выплатить после того, как Синг Хоп Ма представит доказательства выполненной работы.

Ничего сложного.

Сплошное удовольствие.

Он нанял шестерых малайцев, которые должны были совершить убийство, сделав вид, будто бы это обычный уличный грабеж. Заказные убийства считались в Куала-Лумпуре тяжелейшим преступлением, и местные злодеи удовлетворялись изъятием у туристов карманных денег – американцы называли их «цыплячьим кормом», – поэтому Синг Хоп Ма нимало не сомневался в том, что, если его людей поймают, они будут молчать из страха, повинуясь инстинкту самосохранения. Синг Хоп Ма принадлежал к местному тонгу Бен Хоа и служил наемным убийцей с тех пор, как ему исполнился двадцать один год. Сейчас ему было тридцать три, он родился в семье малайских китайцев, которые сызмала служили тому же тонгу и воспитали юного Синга в духе почтения к традициям клана. Свое первое убийство он совершил в семнадцать лет, и тонг принял его в свое братство с распростертыми объятиями, оказав молодому человеку почести, от которых его отец едва не прослезился. Теперь Синг Хоп Ма был полноправным солдатом клана, и ему поручали задания, требовавшие от исполнителя опыта и мастерства. Как правило, задания эти были связаны с поддержанием внутренней дисциплины или денежными неурядицами, и лишь изредка – как, например, нынешний контракт – поступали со стороны. Услугами тонга могла воспользоваться другая семья или даже круглоглазый – лишь бы только у него хватило денег.

На сей раз объектом внимания Синга был ничем не примечательный американец. Шесть футов роста, темные волосы, ни шрамов, ни татуировок – во всяком случае, на виду. Сингу вручили фотографию, снятую на расстоянии скрытой камерой в

то мгновение, когда объект проходил таможню в аэропорту. Судить о нем по фотографии было трудно. Обычный мужчина спортивного телосложения, но без этих бугристых мышц, которыми в Штатах щеголяют культуристы. В его облике выделялись только необычайно широкие крепкие запястья. Он мог оказаться кем угодно – дельцом или адвокатом, нажившим в одном из своих предприятий смертельных врагов.

Сингу не было нужды вдаваться в подробности. Его интерес в этом деле ограничивался вознаграждением, которое он получал в случае успеха. Ни причины убийства, ни последствия, которые оно могло вызвать за океаном, его не касались. Единственное, что имело значение, была его репутация, и зависела она от тщательности проработки деталей, но Синг проворачивал такие дела добрую сотню раз.

Ему и в голову не приходило, что операция может пойти не по плану.

Вдобавок к фотографии заказчик передал Сингу сведения о том, что его будущая жертва остановилась в «Мерлине», и головорезы-малайцы без труда выследили незнакомца, когда тот вышел из отеля и двинулся вдоль реки по набережной Джалан Ампанг, направляясь к югу в сторону городского рынка. Большинство круглоглазых, экономя силы, предпочитали ездить в такси, но этому пришла охота прогуляться. Он заглядывал в лавки, останавливался то тут, то там, чтобы перебросится словцом с уличным торговцем, но ничего не покупал и даже отмахнулся от разодетых шлюх, заполонивших Маркет-стрит.

Лучше всего было бы прикончить его неподалеку от рынка, думал Синг, втолковывая задание посреднику-малайцу и наблюдая за тем, как тот смешался с толпой и отправился на поиски своих приятелей. Задуманное Сингом групповое нападение было делом необычным, но такие происшествия все же случались. До убийства доходило очень редко, тем более если речь шла о круглоглазых. Единственной приемлемой альтернативой был бы сфабрикованный несчастный случай, но в таком деле на уличных хулиганов надеяться не приходилось, и Сингу Хоп Ма пришлось бы привлечь людей из тонга, уменьшив тем самым причитающийся ему гонорар. Уж лучше нанять малайцев и после завершения операции заграбастать все денежки.

Синг мог бы выполнить задание лично и потешить свою гордость, которая охватывала его всякий раз, когда ему доводилось прикончить круглоглазого, но он не хотел рисковать жизнью и свободой ради дела, не касавшегося семейства напрямую. Если бы этот человек принес вред тонгу – другое дело. В таком случае не потребовалось бы никакой платы, только

распоряжение сверху – и оскорбитель расстался бы с жизнью. Время от времени Синг собственными руками выполнял задания руководства, но такое случалось, лишь если на карту была поставлена честь семьи, а расправа должна была послужить особым предостережением врагу. Сейчас у Синга было поручение иного толка, обычное заказное убийство; ни один член клана не пожелал бы впутываться в такое дело без особой необходимости. Пускай грязную работу выполняют малайцы, а Синг разделит награду со своим начальством.

Синг Хоп Ма был обычным предпринимателем вроде банкира или торговца, с тем лишь исключением, что его сделки порой заканчивались внезапной смертью.

Какая разница? Мужчины и женщины, которых он отправлял на тот свет, заслуживали своей печальной участи; все они были заклятые враги семейства Синга Хоп Ма – осведомители, предатели, воры, бандиты и стукачи, никому не нужные, даже сами себе. А если контракт на убийство поступал со стороны, Синг считал, что у заказчика, готового выложить немалые деньги, были серьезные к тому причины – страх, ненависть или ревность.

Синг заметил, как его жертва увязалась за двумя тучными американцами. Наблюдая за ними с противоположной стороны улицы, он вскоре понял, что эти двое не имеют к объекту никакого отношения. Толстяки не обмолвились с ним ни единым словом, хотя продолжали оживленно торговаться с палаточниками, выбирая сувениры.

Если бы они могли постоять за себя, справиться с троими было бы куда труднее, чем с одним, но беглый взгляд убедил Синга в том, что эти мешки с жиром не представляют ни малейшей угрозы. В таком случае их присутствие могло сыграть убийцам на руку. После того как все закончится, полиция решит, что бандиты охотились не на какого-то отдельного человека, а на американцев вообще.

Внимательно осмотрев рыночную площадь, Синг убедился в том, что поблизости нет ни одного полицейского, и если громилы не оплошают, они смогут без особых затруднений окружить туристов и потребовать ценности и деньги. Вероятно, объект попытается защищаться, и в возникшей суматохе один или несколько головорезов пырнут его ножом. Будь они умелыми убийцами, хватило бы и одного удара, но Синг, желая быть уверенным в том, что дело доведено до конца, потребовал, чтобы жертве нанесли не менее шести ранений. Доказательством его успеха должна была послужить газетная шумиха вокруг убийства круглоглазого на центральном рынке.

Синг Хоп Ма не приближался к объекту, держась позади на

почтительном расстоянии в пятьдесят ярдов. До сих пор сохранялась вероятность, хотя и незначительная, что нападение сорвется. В таком случае малайцы останутся наедине с законом, и, если они выдадут хозяина, им суждена медленная, но верная смерть. Прекрасно зная о репутации Бен Хоа, эти убогие крестьяне не сделают ничего, чтобы спровоцировать хозяина на расправу с их многочисленными семействами.

Синг Хоп Ма приготовился захлопнуть западню.

* * *

Скорее бы начиналось, думал Римо. Он почувствовал «хвост» раньше, чем увидел преследователей, заурядная внешность которых ничем не выделяла их на фоне оживленной рыночной площади. Если бы Римо попросили описать овладевшие им ощущения, он сказал бы, что бандиты излучали враждебность – точно так же, как другие люди излучают страх, тревогу или уверенность. Римо пришлось приложить немало стараний и сил, чтобы воскресить это специфическое чувство, утраченное большинством людей на пути эволюции от «дикого» до «цивилизованного» состояния. Впрочем, уроки Синанджу открыли перед ним очень много спрятанных дверей.

Головорезы еще не успели оказаться в пределах досягаемости, а Римо уже знал, что их шестеро, что все они – малайцы и приближаются к нему парами. Они были не настолько глупы, чтобы перекрикиваться между собой, но, уловив их присутствие, Римо тут же заметил взгляды, которыми обменивались преследователи, сжимая кольцо ловушки.

Их действия были точно согласованы: двое зашли спереди, со стороны Фреда и Фриды, двое следовали за Римо, а последняя пара приближалась справа, пересекая рыночную площадь. Подойдя вплотную, охотники рассыпались полукругом, тесня американцев и пропуская малайцев, которые, заметив опасность, спешили убраться подобру-поздорову.

Фрампы не сразу сообразили, что на их пути возникло препятствие – до такой степени они были поглощены изучением ювелирных изделий на лотке престарелого торговца. И только когда тот принялся торопливо укладывать свой товар, толстяки почуяли неладное. Они заглянули в окружавшие их враждебные лица, побледнели при виде ножей и дубинок, и их телеса затряслись, словно две фигурки, слепленные из желе.

– Каси кита ванг сегала энгкау, – распорядился один из преследователей. – Кошелек или жизнь.

Значит, нападение должно выглядеть обычным ограблением, решил Римо. А уличный торговец должен выступить в качестве свидетеля. То, что грабеж средь бела дня был здесь явлением редкостным, роли не играло. Убийства в Куала-Лумпуре случались еще реже, и, чтобы замести след, бандитам требовалось хотя бы сделать вид, будто их интересуют только деньги.

Римо мельком подумал, что убийцы нацелились на Фреда и Фриду, и тут же отогнал эту мысль. Это были совершенно безвредные люди, если не считать их пренебрежения общепринятыми фасонами одежды, к тому же они ничем не напоминали богачей, из-за которых шестеро закоренелых преступников рискнули бы свободой.

А это значило, что их интересует Римо, иными словами, его маскировка не сработала, но сейчас было не время рассуждать о причинах провала.

Во всяком случае, до тех пор, пока он не покончит с более насущными делами.

– Каси кита ванг сегала энгкау, – повторил главарь шайки, подкрепляя свои слова угрожающим взмахом кинжала в сторону Фрампов. Фред и Фрида взвыли, будто стереопроигрыватель, и вцепились друг в друга. Их полиэстеровые одеяния мгновенно взмокли от пота.

– Не двигайтесь, – произнес Римо, придвигаясь к горе-грабителям. – Вы ошиблись, – добавил он, обращаясь к главарю.

Тот выпучил глаза, помедлил, уясняя смысл предупреждения и, будучи набитым дураком, попросту отмахнулся от него. Он стиснул челюсти и перенес вес тела на выставленную вперед ногу, что свидетельствовало о его намерении сделать выпад. Как только он двинулся с места, уже ничто не могло его спасти.

Бандит скользнул к Римо и уже был готов погрузить кинжал ему в грудь, но в тот же миг его рука внезапно потеряла форму, локтевой сустав разлетелся вдребезги, предплечье треснуло в нескольких местах и вывернулось под неестественным углом, а лезвие кинжала, которым он угрожал Римо, вонзилось между его шестым и седьмым ребром. Даже не успев сообразить, что он уже мертв, головорез сделал несколько шагов по направлению к Фрампам и повалился на землю.

Оставшиеся в живых бандиты навалились на Римо, ответная реакция которого была обусловлена чистыми рефлексами, отчего перед глазами ошеломленных зевак, взиравших со стороны, предстала смазанная картина, напоминавшая нечто вроде расплывшейся кляксы. Римо пустил в ход свои обостренные чувства и, расчленив схватку на отдельные движения, внимательно следил за ними, словно балетмейстер,

наблюдающий за исполнением сложного танца.

Два головореза слева находились достаточно близко к Римо, чтобы немедленно вступить в бой. Один из них поигрывал ножом, другой размахивал цепью. Римо ударил первого в горло, прикончив беднягу на месте, и тем же плавным движением развернул его труп, прикрываясь им, будто щитом. Маслянисто сверкнувшая цепь, словно кнут, обвилась вокруг черепа мертвеца. Римо встретил ее хозяина резким ударом в лицо, раздробив ему нижнюю челюсть и вогнав острые осколки кости в глубину мягкого неба.

Уцелевшие бандиты попытались взять Римо в клещи, приблизившись к нему каждый со своей стороны, но он уже был готов к продолжению драки. Казалось, он даже не прикоснулся к ним – во всяком случае, впоследствии Фред и Фрида заявили полиции, что им почудилось, будто бы нападавшие сами перерезали друг друга, так быстро все это произошло, – но, чтобы убить, совсем не нужно раздавать тяжеловесные оплеухи. Для этого вполне достаточно прикосновения ногтем за ухом либо шлепка ладонью по подбородку с расстояния примерно в один фут.

Стычка длилась не более пятнадцати секунд – не хватило бы времени даже перевести дыхание, – и, когда она закончилась, Римо совершенно спокойно и невозмутимо стоял среди тел поверженных врагов. Потом он посмотрел на Фреда и Фриду и подошел к ним так близко, что его ноздрей коснулся запах их дезодоранта.

– Что вы видели? – спросил он.

Фред моргнул глазами, прятавшимися за стеклами роговых очков.

– Черт его знает, мистер. Все произошло так быстро...

– Так быстро, – тонким голосом поддакнула Фрида.

Впоследствии не менее дюжины свидетелей дадут полиции неясные смутные описания круглоглазого воина, но ни один из них не сумеет точно вспомнить, как он был одет и как ему удалось скрыться с места происшествия спустя считанные секунды после драки. Все они сойдутся в том, что это была самозащита, но следователи еще долго будут тревожиться по поводу присутствия в городе человека, способного учинить такое побоище, несмотря на то что его жертвами стали подонки из подонков, на счету которых было шестьдесят пять арестов за тринадцать лет.

Чего еще можно было ожидать от такого человека?

Между тем объект полицейской озабоченности был в первую очередь озабочен тем, как ему вернуться в отель до назначенной

встречи. Оставалось еще немного времени, и Римо хотел успеть посоветоваться с Чиуном.

Сколь бы призрачной ни казалась эта надежда, Римо все же рассчитывал на то, что вдвоем они сумеют выяснить, кому понадобилась его смерть.

Глава 3

– Что ты знаешь о Малайзии? – спросил его Харолд В. Смит двумя неделями ранее.

– Там жарко, – ответил Римо, хорошенько пораскинув мозгами. – Жарко и влажно.

Смит нахмурился, и его лицо стало похоже на оживший лимон.

– Подумать только, а мы еще удивляемся безобразному состоянию современного образования, – заметил он.

– С тех пор когда я изучал географию, утекло немало воды, – отозвался Римо.

– Оно и видно. Что ж, придется ввести тебя в курс дела.

– С удовольствием.

Собственно говоря, в том-то и состояла работа Смита – просвещать Римо относительно важнейших событий и мест, в которых они произошли, порой – накануне очередного разговора. В сущности, единственное, что объединяло Римо Уильямса и Харолда В. Смита, была постановка и разрешение возникавших задач, а Римо вдобавок был обязан этому обстоятельству своей жизнью.

Харолд В. Смит был руководителем и единственным бессменным служащим организации, которая представляла собой самое маленькое в мире и наиболее засекреченное подразделение, осуществлявшее нелегальные операции. Оно было создано бывшим Президентом США, предвидевшим наступление кризиса исполнительной власти в Америке еще до того, как он разразился, и тайная организация, названная КЮРЕ, получила особое задание – «сохранение Конституции неконституционными мерами». За этой двусмысленной фразой скрывался крохотный сверхсекретный отряд бойцов, имевших дело с врагами и обстоятельствами, к которым закон не мог даже подступиться.

КЮРЕ была командой ассасинов, к числу которых принадлежал Римо Уильямс.

Он действовал в одиночку, без помощников и сил подкрепления, которые могли прийти на выручку в случае затруднений. Для этой работы требовались особые качества и незаурядная личность, и КЮРЕ отнеслась к выбору нужного человека со всей тщательностью, наложив на Римо руку в тот самый миг, когда он менее всего ожидал такого удара судьбы. Организация – если, конечно, ее можно было так назвать – сфабриковала смерть Римо и, вернув его к жизни, сделала ему предложение, от которого Римо не смог отказаться: либо он

становится солдатом невидимого фронта, либо умирает по-настоящему, а доктор Смит отправляется на поиски нового кандидата.

Итак, Римо согласился. И невзирая на его утверждения, будто бы уже ничто не может его удивить, мир оказался полон тайн и загадок, которые Харолд В. Смит любезно подносил ему на тарелочке с голубой каемочкой.

– Что бы вы ответили, если бы вас спросили, как обстоят дела с изучением земного шара в девяностые годы нынешнего века? – осведомился Харолд В. Смит, откинувшись на спинку своего кресла на колесиках.

– Мы наконец-то сумели опровергнуть сказочку о плоской земле, если, конечно, вы не принадлежите к числу людей, которые до сих пор считают прогулку человека по Луне фантастическим фильмом, снятым на невадском полигоне, – ответил Римо.

– Ну а если серьезно? Насколько, по-вашему, изучена поверхность Земли?

Римо задумался.

– Глядя на карту, я могу сказать лишь: «Бывал там-то и занимался тем-то».

– Вот-вот. Глядя на карту.

Губы Смита изогнулись в чуть заметной улыбке, которая лишь изредка появлялась на его лице. В кабинете воцарилось молчание, и полминуты спустя Римо сообразил, что от него ждут ответа.

– Ладно, сдаюсь, – промолвил он. – Что вы имеете против карт?

– Географические карты есть совокупный результат практических измерений и научных домыслов, – ответил Смит. – Начнем с того, что около восьмидесяти процентов земной поверхности покрыты водой – океанами, морями, озерами и реками. Во многих местах толщина водного покрова превышает шесть миль, а усредненная глубина составляет около двух. Водолазы редко отваживаются опускаться глубже пятидесяти морских саженей – то есть трехсот футов, – но даже и в таких случаях они не покидают пределов континентального шельфа. Что творится на дне Тихого океана, какие твари там проживают, не знает никто.

– Даже Жак Кусто?

Смит, охваченный приступом ораторского вдохновения, лишь моргнул и пропустил вопрос мимо ушей.

– Создается впечатление, что, хотя наши представления о подводной жизни и отличаются вопиющим невежеством, мы по

крайней мере хорошо знаем сушу, на которой обитаем. Так?

– Согласен.

– Тогда слушайте. Величайший водопад Земли находится в Венесуэле, на притоке реки Карони. Водопад Анхель низвергается с высоты три тысячи двести двенадцать футов. О нем ничего не знали вплоть до 1937 года, когда там разбился самолет. Летчик открыл водопад по чистой случайности. Тридцать лет спустя картографы обнаружили, что расположенный примерно в тех же краях горный массив Керро Боливар нанесен на все карты, что печатаются в мире, с ошибкой в две сотни миль.

– Халтура, – отозвался Римо.

– Самое обычное дело, – сказал Смит, одобрительно взглянув на собеседника. – Только в Калифорнии насчитывается семнадцать тысяч квадратных миль, которые в последний раз исследовались пешими экспедициями аж в 1859 году. В наше время картографы в основном полагаются на результаты аэрофотосъемки, у них есть даже спутник с лазерной установкой, но этот метод ничего не может сказать о том, что творится под пологом леса.

– В Калифорнии?

– Везде! – воскликнул Смит. – Сидя в чистеньких кабинетах, ученые заявляют, будто бы снежный человек не может существовать в Калифорнии, а ведь их нога в последний раз ступала по этим территориям еще до Гражданской войны. Подумать только!

– Снежный человек?

– Это я так, к слову. Снежный человек – хрестоматийный пример из области загадочных тайн природы.

– Ага.

– Этим и объясняется наш интерес к Малайзии...

– Вот как?

– Что вы знаете о районе под названием Тасик-Бера?

Римо подумал, нахмурился и покачал головой.

– Видимо, я прогулял урок, на котором его проходили.

– Не вы один, – отозвался Смит. – Тасик-Бера расположен в шестидесяти пяти милях к востоку от Куала-Лумпура, но в малазийских джунглях шестьдесят пять миль все равно что тысяча. Достаточно сказать, что этот район практически не исследован.

– Ясно.

– Название «Тасик-Бера» в переводе означает «озеро Бера», но относится к более обширному району, включающему в себя несколько сотен квадратных миль самых страшных болот и джунглей Малайзии. Озеро находится в центре и окружено

чащобой, получившей у белых охотников прозвище «зеленая преисподняя».

– Белые охотники, – презрительно заметил Римо.

В уголках губ Смита на мгновение залегла складка и тут же исчезла. Римо постоянно ставил его в тупик, и при каждой очередной встрече доктору оставалось лишь гадать, какие новые секреты Синанджу усвоил Римо за истекший период.

– Что вы знаете об уране? – спросил Смит, меняя предмет разговора.

– Дорогостоящий ядовитый материал, непригодный для изготовления брючных застежек, – ответил Римо и добавил: – Кто его открыл, не знаю.

– Клэпрот, в 1789 году, – сказал Смит. – Но речь сейчас не о нем.

– Рад это слышать.

– Надеюсь, вам известно, что оружейный уран не относится к числу самых распространенных элементов?

– Кажется, припоминаю, – отозвался Римо.

– Именно этим и обусловлено современное состояние уранового рынка в мире, где каждый хочет иметь собственную атомную бомбу, – продолжал Смит. – Если вам удалось накопить достаточное количество урана, считай, бомба у вас в кармане.

– Если его не конфисковало правительство.

– Совершенно верно! – На лице доктора появилось удовлетворенное выражение. – Добытчикам урана приходится несладко. Они должны найти руду – а это непростая задача – и успеть продать ее за любые деньги, какие удастся выручить, прежде чем какое-нибудь из близлежащих государств наложит лапу на уран и пополнит уже существующие запасы.

– Кажется, мы говорили о Малайзии, – напомнил Римо.

– Да. Так вот, около четырех месяцев назад некая вольная экспедиция отправилась в район Тасик-Бера искать уран в местах, где еще не бывал человек. Они объявили себя птицеловами и запаслись целой кучей поддельных рекомендаций якобы от Орнитологического общества.

«Наконец-то мы подходим к сути», – подумал Римо и внимательно прислушался к словам доктора. Ему вот-вот предстояло получить приказ.

– Группа тринадцать недель не выходила на связь, – продолжал Смит. – Это чрезмерный срок, даже для экспедиции в джунгли, но в предприятиях такого рода главное – секретность. Изыскатели делают все возможное, чтобы сведения о находке не достигли чужих ушей.

– Оно и понятно.

– Восемь дней назад местные жители нашли члена экспедиции, который бродил по берегу реки Паханг в десяти – пятнадцати милях к северу от Тасик-Бера. Это был некий Терренс Хоппер, матерый волк-изыскатель, за плечами которого множество удачных маршрутов по Африке, Австралии и Северной Америке.

– Специалист по урану? – спросил Римо.

– Только в последнее время, – ответил Смит. – Хопперу доводилось искать все что угодно, от нефти до золота и платины. Университетов он не кончал, и тем не менее пользовался репутацией крупнейшего авторитета в своей области.

Смит употребил глагол в прошедшем времени. Значит, Хоппер уже мертв, и Римо не придется его убивать.

– Что же случилось? – спросил он.

– Когда его нашли, Хоппер бредил, был гол, бос и истощен до предела. У него был сильный жар. Но для меня, то есть для нас, важно другое – рассказ Хоппера, собранный по кусочкам медсестрой, которая ухаживала за ним в больнице Бахау.

– Вы сказали, что он бредил.

– Да, верно. Но это еще не значит, что он сошел с ума. Друзья и соперники мистера Хоппера называли его «мудрый крот», и ему было что рассказать.

– Слушаю.

Смит сделал эффектную паузу и продолжал:

– Он заявил, будто бы экспедицию погубило чудовище.

– Опять снежный человек?

– Хуже. Дракон.

– Этого Хоппера нужно было держать не в больнице, а в психушке.

– Тут нет ничего смешного, Римо.

– Оно и видно.

– Дело в том, что уже на протяжении полувека время от времени появляются сообщения о крупных рептилиях, обитающих в районе Тасик-Бера. Вы ведь не читали «Затерянный мир востока» Уовелла?..

Это был риторический вопрос. Смит прекрасно знал, что Римо читает только то, что необходимо для успешного выполнения заданий. Ну и книжки с комиксами.

– Может быть, просветите меня? – спросил Римо.

– В 1951 году Стюарт Уовелл исследовал часть территории Тасик-Бера, опрашивал местных жителей, изучал их культуру. Он привез с собой легенду об огромном хищнике, которого туземцы называли Нагак, что в приблизительном переводе означает «гигантская кобра».

– Змея?

– Рептилия, – поправил Смит. – Описания хищника весьма противоречивы, кроме того, Уовелл выяснил, что лишь немногие из тех, кто его видел, остались в живых.

– Похоже на сказку.

– Пока не оцените достоверность источника. Уовелл лично слышал зловещий рев и видел огромные следы.

– Но фотоаппарата у него, конечно, не было.

– Его слова подтверждаются свидетельствами малазийских полисменов и солдат. В шестьдесят втором году королевские BBC организовали поиски легендарного чудовища.

– Готов спорить, они его не нашли.

– Вы правы.

– А это значит, что...

– Сообщения продолжают поступать по сей день. Каждый год или два появляются все новые сведения. В основном в британской периодике.

– Полагаю, это и есть то, что они называют затишьем в прессе.

– Сейчас это не имеет значения. Рассказ Хоппера – или бред, называй как хочешь – вызвал очередной всплеск интереса к Тасик-Бера. В эту самую минуту музей Естественной истории организует экспедицию, которая прочешет район и навсегда положит конец его загадкам.

– Так вот куда идут денежки налогоплательщиков.

– Как бы то ни было, через пятнадцать дней экспедиция выступит из Куала-Лумпура и отправится на встречу с неизведанным.

– Замечательно, – отозвался Римо, сдерживая зевоту.

– Рад, что вы так думаете. Вы отправитесь с ними.

– Что вы сказали?

– Им нужен герпетолог, – ответил Смит.

– А кому он не нужен?

– Сначала они обратились к доктору Клэренсу Отто. Он получил степень в университете Сан-Диего и работает в зоопарке Буэна. Если вы в течение последнего десятилетия читали что-нибудь о рептилиях, вы должны помнить это имя.

– Еще бы, – ответил Римо, ухмыляясь.

– К несчастью для экспедиции, в прошлые выходные с доктором Отто случилась неприятность. Если не ошибаюсь, его сбила машина, а водитель скрылся. Гипс снимут не раньше Дня Благодарения.

– Какой позор.

– А это значит, что нашим охотникам на драконов нужно

срочно искать замену.

– Ну и?...

– Они остановились на вашей кандидатуре.

– Не знаю, как бы это объяснить... – протянул Римо. – Но я совсем не разбираюсь в ящерицах.

– У вас есть время подучиться, – ответил Смит. – Я уже собрал необходимые материалы, и вы ознакомитесь с ними без особого труда.

– Все зависит от того, с кем мне предстоит общаться.

– Особых сложностей не предвидится, – заверил Смит, кладя на стол тонкую пластиковую папку. – Снаряжая экспедицию, музей исходил из того, что этот Нагак, если, конечно, он существует, представляет собой нечто вроде динозавра, поэтому костяк группы составлен из специалистов по окаменелостями. Вы будете единственным, кто имеет дело с живыми тварями.

– Чисто теоретически, – заметил Римо.

– Большего и не потребуется, – пообещал Смит. – Все, что вам придется делать, – это время от времени ронять словечко-другое по-латыни и изображать из себя ученого.

– Ага.

– Вы справитесь, я уверен.

– А вам не приходило в голову, что кому-нибудь из моих коллег захочется услышать знакомое имя?

– Отныне вы – доктор Рентон Уорд из нью-орлеанского серпентария, – сказал Смит. – У вас есть печатные труды – десяток монографий и книга о гадах Нового Света. Мы предоставим вам возможность ознакомиться с ними. Между прочим, ни в одной из публикаций нет фотографии автора.

– Это очень кстати. А что же сам доктор Уорд?...

– КЮРЕ предоставила ему оплаченный отпуск на Таити. И даже если кто-нибудь вздумает навести о нем справки, вы в полной безопасности.

– Вы что же – подкупили всех сотрудников серпентария?

– Мы помогли им получить разрешение на вывоз нескольких представителей таиландской фауны, занесенных в Красную книгу. И пополнили их бюджет на строительство.

– Последний вопрос: из-за чего вся эта суматоха?

– Из-за урана, – ответил Смит.

– Сдается мне, вы насмотрелись «Звездных войн».

– При чем здесь это?

– Они там только и делают, что ищут магический кристалл.

Поразмыслив над словами Римо, Смит решил оставить их без ответа.

– У нас есть основания полагать, что целью экспедиции – по

крайней мере нескольких ее участников – является поиск урана, а не динозавров. Если им удастся найти следы Хоппера и выяснить, чем он занимался, им не составит особого труда наложить руку на месторождение.

– С чего они взяли, будто бы Хоппер нашел то, что искал? Вы ведь говорили, что он был в беспамятстве.

– У него был сильный жар. – Смит нерешительно помедлил, глядя на Римо поверх стола, и добавил: – Я могу ошибаться, но его недуг вряд ли был вызван вирусом или бактерией.

– Чем же?

– Вскрытие показало, что Терренс Хоппер умер от лучевой болезни, – сказал Смит.

На этом инструктаж закончился, и Римо отправился зубрить.

* * *

Следующие две недели Римо провел за школьной партой. Он прочел дюжину книг о рептилиях и амфибиях, впитывая сведения и заучивая их наизусть при помощи навыка сосредоточенности, приобретенного за долгие годы уроков Синанджу. Римо узнал, что рептилии и их родственники вовсе не «хладнокровные» твари, что они умеют приноравливать температуру своего тела к теплу окружающей среды. Он уяснил различия между гадюками и более древними и примитивными представителями класса Elapidae с их короткими неподвижными зубами, вооруженными парализующим ядом. Римо выучил ареал обитания и брачные обычаи основных видов, населяющих Южную Азию, и мог бы, не колеблясь, отличить аллигатора от крокодила. В случае необходимости он мог бы определить пол черепахи по строению панциря и указать различия между двумя подотрядами. Эрудицию Римо пополнила пухлая энциклопедия доисторических животных, расширившая его познания об эпохе, в течение которой планета находилась в распоряжении гигантских рептилий. Проштудировав «свою» книгу «Систематика гадов Нового Света», Римо почувствовал, что знает предмет как свои пять пальцев.

Впрочем, это никак не помогло ему в объяснениях с Чиуном.

Мастер Синанджу редко интересовался подробностями операций, а уж о причинах, которыми руководствовался Смит, давая то или иное задание, и вовсе никогда не спрашивал. Чиуну было достаточно того, что доктор Харолд В. Смит, которого он считал могущественным, хотя и безнадежно одряхлевшим стариком и сумасшедшим Императором, выбрал ту или иную цель и требует уничтожить ее. Ассасины Дома Синанджу служили

наемными убийцами целое тысячелетие, а то и дольше. Многотомные повествования о ремесле Синанджу были пронизаны его духом, находившим свое отражение в лозунге «Смерть питает жизнь».

Но пачка тяжеловесных фолиантов, отвлекавших Римо от изучения поэзии Унга и дыхательных упражнений, все же заинтересовала мастера Синанджу. Как-то раз Римо застал Чиуна с книгой в руках. Это был шестидесятипятистраничный обзор о древесных лягушках Азии. Чиун листал ее, выражая свои чувства едва заметным поднятием бровей.

– На сей раз у меня особое задание, папочка, – сообщил Римо.

Чиун безразлично взмахнул рукой, пропуская его слова мимо ушей.

– Императору Смиту виднее, – сказал он, а про себя добавил: «Этому старому болвану».

– Что ты знаешь о драконах? – тут же спросил Римо.

– Драконы?

– Эдакие, знаешь ли, огромные ящеры, которые плюются огнем.

– Сарказм – свидетельство дурных манер, – заметил мастер Синанджу.

Римо закатил глаза.

– То-то ты так часто пускаешь его в ход.

– Вздор. Мастер Синанджу не вступает в перебранку с дураками. Мои слова – это мудрые наставления тем, кто совершает ошибки из-за невежества, глупости и самонадеянности. И если мои замечания уязвляют гордость дураков, то лишь потому, что помогают им осознать собственную никчемность.

– Так как насчет драконов?

Прежде чем ответить, Чиун надолго задумался.

– Давным-давно, – наконец заговорил он, – еще до того, как Всевышний создал венец своего творения, первого корейца, Ему показалось забавным населить землю чудовищами. Они были очень разнообразны, но в большинстве своем совершенно глупы. Лишь некоторые из них обладали коварством и жадностью, свойственными современному человеку – кроме корейцев, разумеется. Подобно людям, они убивали для развлечения и собирали черепа, как будто старые ящеричьи кости могут иметь какую-то ценность. В конце концов Творцу надоело наблюдать за ними, и Он уничтожил большинство драконов, чтобы освободить место для человека.

– Большинство?

– По моему мнению, в котором, вероятнее всего, и заключена истина, Создатель, охваченный желанием узреть совершенство во

плоти, не позаботился как следует очистить Землю от чудовищ. Некоторые из них уцелели и скрылись в подземных пещерах. Они следили за размножением людей, которые пожинали неслыханные плоды, производимые землей. Потом драконы стали угрожать человеку, собирая дань в виде золота, серебра, драгоценных камней и девственниц.

– Девственниц?

– Даже дракон нуждается в пище, – ответил Чиун.

– Ну да, конечно. Я не подумал.

– Об этом остается только пожалеть.

– Так, значит, ты веришь в драконов? – спросил Римо.

– Вера есть вопрос личных пристрастий и суждений, – сказал Чиун, – в то время как мудрый человек предпочитает опираться на факты, а веру и убеждения оставляет для сердечных дел.

– Прости, мой папочка, но я хотел спросить...

– Ты хотел узнать, остались ли драконы на земле, – прервал его Чиун. – Мой опыт мастера Синанджу не в силах дать ответ на этот вопрос, но существует предание...

– Какое?

– Давным-давно, еще до эпохи Тамерлана, когда мастер Ким только овладевал совершенством Синанджу, в наших манускриптах появилась запись о глупом драконе, который охотился на людей из моей деревни. Он был очень стар, этот чешуйчатый червь, и выведывал мысли простых людей, пожирая их мозги. Разумеется, он не знал Синанджу, как, скажем, горилла из зоопарка не знает корейского языка.

– Что же случилось?

– Мастер Ким одолел дракона, пустив в ход лишь малую часть своего умения, – ответил Чиун. – Надеюсь, ты понимаешь, что для Синанджу размер не имеет никакого значения.

– Итак, Ким убил дракона.

– Мастер Ким, – поправил Чиун. – Обратившись к древним свиткам, ты найдешь там изумительный рецепт приготовления тушеных ящериц.

– Нет уж, увольте.

– Подумать только, какая привередливость! И это говорит человек, который еще недавно питался обугленной коровьей плотью. – Чиун осмотрел гору справочников, высившуюся на столе. – И что же, в этих книгах нет ничего о драконах? – спросил он.

– Среди их авторов нет ни одного корейца.

– И они тем не менее претендуют на истину в последней инстанции? Неслыханная дерзость.

– Я отправляюсь охотиться на дракона, – сказал Римо. –

Некоторое время меня здесь не будет.

– Найти дракона в нынешнем мире очень трудно, а то и вовсе невозможно, – заметил Чиун.

– Это не важно, – ответил Римо. – Смита больше всего интересует уран.

«Совсем рехнулся старик», – подумал Чиун, а вслух сказал:

– Император всегда прав.

– Полагаю, ты вряд ли захочешь сопровождать меня.

– Мы будем останавливаться в Синанджу?

– На сей раз – нет. Я очень сожалею, папочка.

– Там будет телевизор?

– Почти наверняка.

Чиун на мгновение задумался, потом кивнул:

– Я еду. Если есть еще на земле места, где остались недобитые драконы, мастер Синанджу обязан там побывать.

– Я тоже так думаю, – поддакнул Римо.

– Еще бы. Ты уже научился распознавать совершенство, даже если не в силах его достичь.

Глава 4

От шумной площади центрального рынка до улицы Джалан Султан Исмаил, где располагался отель Римо, было около мили. Он преодолел это расстояние пешком, предпочитая скрываться в гуще толпы. Римо не захотел брать такси, поскольку не верил в совпадения. А в нынешней обстановке вполне можно было ожидать повторения попыток перехватить его на улице. По дороге с рынка никто не преследовал Римо, но в данном случае это было слабым утешением.

Итак, его разоблачили. Кто-то попытался его убить, и это нападение при всей его топорности ясно давало понять, что легенда Римо раскрыта. Рассуждая логически, он должен был прервать выполнение задания и, захватив Чиуна, как можно быстрее вернуться в Штаты. Но Римо знал, что не уедет.

Вероятно, его упрямство отчасти объяснялось самолюбием – слабостью, которую из него не сумели вытравить ни Чиун, ни мудрость Синанджу. Нельзя было сбрасывать со счетов и его патриотизм, черту, до сих пор изумлявшую учителя, который никак не мог понять желание человека – а тем более опытного ассасина – жертвовать жизнью во имя такого абстрактного понятия, как «Бог и Отчизна».

– За что ты так любишь Америку? – спрашивал Чиун своего ученика в первое время их знакомства.

– Я верю в то, – отвечал Римо, – что моя страна дала многим людям замечательные возможности и заслуживает, чтобы ее защищали.

– Но почему? – настаивал Чиун.

– Потому что я американец.

Спорить с ним было бесполезно. Невзирая на уговоры Чиуна, считавшего, что человек, обвиненный в убийстве, которого он не совершал, а впоследствии вынужденный поступить на службу, навязанную ему силой, ничем не обязан своей стране, Римо оставался непоколебим в своей верности Соединенным Штатам.

Над Америкой нависла угроза распространения ядерного оружия, попавшего в нечестивые руки. И если в Малайзии найдется оружейный уран, доблестные патриоты обязаны сделать так, чтобы он не объявился в Багдаде, Тегеране, Бейруте или сотне других мест, в которых атомная бомба смогла бы послужить искрой, которая разожжет всемирную войну.

Римо получил это задание случайно, а может, свою роль сыграла ее величество Судьба. Как бы то ни было, он считал выполнение этой задачи своей личной привилегией.

Когда Римо вошел в номер, Чиун смотрел телевизор, сидя на полу в безупречной позе лотоса и наслаждаясь обожаемым «Секретным пламенем любви». Судя по всему, в этот вечер Уитни Кэлендер должна была наконец сделать выбор между своим мужем, волокитой по имени Артуро, и красавцем адвокатом Стетсоном Китингом, уже давно бросавшим на нее пламенные взгляды, правда, со стороны.

– Как дела у Кэлендеров?

– Артуро – болван, ослепленный алкоголем, – ответил Чиун, – но у него еще остался шанс. Этот Китинг – не пара для Уитни.

– Законникам верить нельзя.

– Ты говоришь очевидные вещи.

Римо уселся на кровать, стоявшую у телевизора, и дождался очередной рекламной паузы.

– Сегодня я был на рыночной площади, и кто-то пытался меня убить, – сказал он, когда Чиун на мгновение отвлекся от экрана.

– Тупоголовый бандит?

– Все было подстроено так, чтобы создать видимость случайного нападения, – ответил Римо. – Но это были наемные убийцы.

– Тупоголовые бандиты, – повторил Чиун. – Будь они настоящими ассасинами, остались бы в живых.

– Откуда ты знаешь, что я их убил?

– Ты хоть и глуп, но не безнадежен. И ты уцелел. Сколько их было?

– Шестеро.

Губы мастера Синанджу тронула горделивая улыбка, но он тут же нахмурил брови.

– Значит, это были самые заурядные громилы.

– Хотел бы я знать, кто наслал их на меня, – сказал Римо. – Пока я не выясню этого, буду вынужден действовать вслепую.

– Не верь ни единому человеку, и тебя не застанут врасплох, – посоветовал Чиун.

Рекламная красотка с белоснежными зубами уступила место рассерженной физиономии Уитни Кэлендер. Камера двинулась в сторону и поймала в кадр Артуро, который смотрел на супругу, держа в руке стакан виски.

– Вот к чему приводит потакание собственным слабостям, – пробормотал Чиун.

– Я ухожу, – заявил Римо. – Мне пора на встречу с остальными.

Если Чиун и слышал его слова, то не подал виду. Его сияющие глаза вновь были прикованы к экрану, а сердце и душа окунулись в выдуманный мир интриг и несчастий, в котором

обитали Кэлендеры, Мак-Гривзы, Поттеры и иже с ними.

Римо не уставал изумляться той трепетной любви, которую Чиун питал к мыльным операм, презирая при этом все американское. Если бы Римо не знал так хорошо учителя и кристальную ясность его мышления, он мог бы воспринять страсть мастера к телесериалам как предвестник наступающего увядания рассудка.

Римо покинул номер, неслышно закрыв дверь и защелкнув замок. Мастер Синанджу, сидевший на полу, отвернулся от Уитни Кэлендер и бросил взгляд в сторону выхода.

– Не верь никому, – тихо промолвил он по-корейски. – И будь осторожен, сын мой.

* * *

Отель «Шангри-ла» находился в четырехстах ярдах к югу от гостиницы «Мерлин», на перекрестке улиц Джалан Рамли и Джалан Султан Исмаил. «Шангри-ла» считался одним из самых современных и роскошных отелей Куала-Лумпура. Здесь было несколько ресторанов и более семисот номеров.

Римо показалось, что по пути между гостиницами за ним никто не следил, впрочем, в этом не было надобности, ведь его легенда лопнула как мыльный пузырь. Враги могли попросту подождать, пока Римо не проявит себя, словно муха, попавшая в паутину.

С тем лишь исключением, что Римо никак нельзя было назвать обычной мухой. Стычка на рыночной площади показала, что он может крепко ужалить.

Когда Римо регистрировался в отеле «Мерлин», портье передал ему записку Саффорда Стокуэлла, который приглашал доктора Уорда присоединиться к компании в семнадцать ноль-ноль, чтобы познакомиться с остальными участниками экспедиции и обсудить последние мелочи перед отъездом, намеченным на следующее утро. Римо не стал звонить Стокуэллу, предпочтя пока держаться в тени, но вовсе не собирался упустить возможность взглянуть на своих будущих сотоварищей по путешествию в джунгли.

Особенно теперь, когда стало ясно, что кто-то из них желает его смерти.

Руководитель экспедиции поселился в номере четыреста тринадцать. У Римо было вполне достаточно времени, чтобы подняться по лестнице, отказавшись от поездки в лифте. По пути он еще раз вспомнил все, что сообщил ему Смит о Саффорде

Стокуэлле. Выдающийся палеонтолог, автор множества научных трудов и нескольких знаменитых находок, доктор Стокуэлл был выпускником Гарварда и его гордостью. В последнее время он занимался азиатскими динозаврами, и это обстоятельство делало его наиболее подходящей кандидатурой для путешествия по Тасик-Бера. С другой стороны, ему было пятьдесят восемь, и последние шесть лет он ограничивался преподавательской деятельностью, лишь изредка совершая набеги на страницы печатных изданий. Если учесть его возраст и здоровье, Стокуэлл вполне мог бы оказаться балластом, как только экспедиция рассталась бы с асфальтированными дорогами и катерами. Представить его в роли убийцы было трудно, но до личной встречи ничего нельзя было сказать наверняка. Приближающаяся старость и расстройство денежных дел на закате лет вполне могли изменить характер этого человека, особенно если молва о частной жизни Стокуэлла не была пустой сплетней.

Он преподавал в Джорджтауне, подрабатывая на полставки в Смитсоновском институте, и в вашингтонских академических кругах распространились слухи об интрижке знаменитого охотника за динозаврами и его протеже, некой Одри Морленд. Кое-кто утверждал, что они скоро поженятся. Римо видел фотографии Одри – со снимков на него глядела жизнерадостно улыбающаяся блондинка. Одри окончила Калифорнийский университет, специализировалась в палеоботанике и была на четверть века моложе Стокуэлла. Они познакомились вскоре после того, как девушка прибыла в Джорджтаун и заняла место на кафедре, и, когда Стокуэллу предложили возглавить малазийское предприятие, с его стороны было вполне естественно назначить ее своей помощницей.

Что же до предполагаемой романтической связи, Римо не знал, да и не желал знать, насколько верны эти сведения, хотя и полагал, что было бы проще, окажись Одри Морленд влюблена в профессора. В таком случае Римо мог быть уверен, что ее участие в экспедиции не связано с корыстными побуждениями и она не станет искать уран, а уж тем более нанимать убийц.

При взгляде на пустоту, царившую в коридоре четвертого этажа, создавалось впечатление, что этаж вымер. Римо закрыл за собой дверь лестничной клетки, присмотрелся к номерам, которые были видны оттуда, где он стоял, и двинулся направо, разыскивая табличку с цифрами четыреста тринадцать. Здесь, в гостиницах Востока, не разделяли суеверных опасений Запада, связанных с «несчастливыми» числами.

Остановившись у номера четыреста тринадцать, Римо помедлил и прислушался, чуть повернув голову и склонив ее к

двери. Любой другой человек уловил бы только невнятное бормотание голосов и отдельные слова, но чувства Римо были отточены уроками Синанджу, и он слышал разговор четко и ясно. Беседовали четверо, двое из них были американцы, третий, судя по выговору, – британец, четвертый – местный житель, во всяком случае, азиат.

– Что мы, в сущности, знаем об этом докторе Уорде? – спросила американка томным голосом, который даже в эту минуту не потерял своей призывности. – Я хочу сказать, никто из нас даже не видел его в лицо.

– Мы находимся в равном положении, – отозвался ее соотечественник. – Он тоже не видел нас.

– Вы понимаете, о чем я говорю, – сварливым тоном заявила женщина.

– Нам еще повезло, что нашелся кто-то, так быстро согласившийся поехать в экспедицию, – произнес пожилой мужчина, судя по всему, тот самый Саффорд Стокуэлл. – Как бы то ни было, я читал книгу Уорда и несколько его монографий. Он знает свой предмет.

– Даже если так...

Римо трижды стукнул в дверь, почувствовав, как легко было бы пробить насквозь ее деревянную панель, и подумав, что, поступи он так, у членов экспедиции было бы о чем потолковать у лагерных костров. Но Римо еще не был готов показать свое истинное лицо, разве что его обман раскрыт полностью и окончательно. Путешественникам предстояла долгая дорога в джунглях, и Римо намеревался как можно дольше играть свою роль.

Дверь распахнулась, и он увидел на пороге ходячую гору мускулов в одежде защитного цвета, эдакого героя джунглей, накачанного стероидами и издававшего неистребимый тошнотворный запах потного хищника в задубелой от солнца шкуре. Рост этого чудовища составлял шесть футов и пять-шесть дюймов, а из-под зачесанных назад волос песочного цвета выглядывало лицо, словно вырезанное из кожи. Мужчина буквально уткнулся носом в лицо Римо, сверля его взглядом холодных серых глаз. Его нос, судя по всему, побывал в жестокой переделке, а лицо рассекал глубокий шрам, начинавшийся под левой бровью, пробегавший по скуле и оканчивавшийся чуть ниже уха.

– Кто вы?

«Вот он, британец», – подумал Римо и ответил:

– Рентой Уорд.

Из-за спины громилы выступил пожилой человек и протянул

ладонь. У него было крепкое рукопожатие, за которым, впрочем, не чувствовалось большой силы.

– Прошу вас, входите, доктор Уорд. Мы как раз говорили о вас.

– Тогда все ясно.

– Что именно?

– Ясно, отчего горят мои уши, – ответил Римо.

– Ага. – В старческих глазах ученого мелькнуло смущение, но он тут же отогнал его и представился: – Доктор Стокуэлл. Саффорд Стокуэлл.

«Бесстрашный вождь, – подумал Римо. – Можно подумать, я не знаю, кто ты таков». В досье Стокуэлла был указан возраст пятьдесят восемь лет, но на взгляд ему можно было дать все семьдесят. Седые волосы, причесанные на манер Джорджа Буша, и изможденное лицо с отвислыми щеками. Энергия и румянец, которые, должно быть, украшали профессора в течение долгих лет охоты за останками динозавров, уже давно исчезли без следа под светом кабинетных ламп. Разумеется, Стокуэлл мог оказаться сильнее, чем выглядел, но Римо был уверен в том, что уже в самом начале путешествия руководитель экспедиции повиснет тяжким бременем на плечах группы, если ей придется столкнуться с препятствиями, преодоление которых потребует физических усилий.

– Моя помощница доктор Морленд.

Эту фразу профессор произнес напыщенным тоном торжествующего победителя, хвастающего своим трофеем.

И каким трофеем! Одри Морленд была миловидной блондинкой с голубыми глазами, придававшими ее ангельскому личику утонченность на грани экзотики. Ее восхитительная грудь свободно дышала под блузкой таиландского шелка, а ноги, казалось, были созданы для подиума, на котором проходят демонстрации мод, а вовсе не для звериных тропинок в джунглях.

– Зовите меня Одри.

– С удовольствием. Рентой Уорд, к вашим услугам.

Наставник Одри торопливо втиснулся между ней и Римо, поворачивая его в сторону громилы, занявшего пост у двери.

– Это Пайк Чалмерс, – сказал Стокуэлл. – Наш ангел-хранитель, если угодно.

Чувствуется армейская выправка, подумал Римо. Вероятно, в прошлом Чалмерс служил наемником; он производил впечатление человека, которому нравится убивать ради убийства.

Чалмерс сунул Римо лапищу размером с бейсбольную перчатку. Его хватка наводила на мысль о гидравлическом прессе, и Римо напрягся, готовый к любому повороту событий.

– Так вы и есть тот самый профессор змеиных наук? – спросил Чалмерс, продолжая стискивать его руку.

– Совершенно верно.

Римо не видел смысла пускать в ход грубую силу. Вполне достаточно было соответствующим образом прижать кистевые нервы и сухожилия. Он почувствовал, как костяшки пальцев громилы соприкоснулись и начали перекатываться, будто шарики в подшипнике, и ему пришлось сдержать себя, чтобы не сломать Чалмерсу кости. Лицо великана сморщилось, он высвободил ладонь, спрятал ее за спину и пошевелил пальцами, выясняя, целы ли они.

– Ну и, разумеется, наш сопровождающий из министерства внутренних дел, – продолжал Стокуэлл, подводя Римо к тощему малайцу лет тридцати. – Второй заместитель министра Сибу Бинтулу Сандакан.

Вместо рукопожатия маленький Сандакан отвесил легкий поясной поклон. Обычно Римо придерживался непринужденных американских манер, но, вспомнив недавнюю суровую отповедь Чиуна, решил соблюсти этикет. Он приложил все усилия, чтобы выказать должное почтение, и его поклон вышел чуть более глубоким и торжественным, чем у Сандакана, а глаза опустились долу. Второй заместитель министра казался польщенным.

– Я надеюсь, вы примете приветствия и наилучшие пожелания моего правительства, – произнес Сандакан. – Сопровождать высоких гостей в путешествии по джунглям – честь для меня.

– Это честь для нас, – отозвался Римо, ни на йоту не отклоняясь от требований этикета.

Он осмотрел комнату, по очереди заглядывая в обращенные к нему лица и пытаясь уловить признак того, что кто-то из новых знакомых удивлен или разочарован, увидев его живым. Пайк Чалмерс, смотревший на Римо, будто раненый медведь, конечно, заслуживал особого внимания, но в его повадке не было и намека на то, что он нанял банду, настигшую Римо на рыночной площади. Судя по всему, Чалмерс принадлежал к числу людей, которые с удовольствием занялись бы грязным делом лично. Что касается остальных, то Сандакан и Стокуэлл выглядели совершенно безобидно, а Одри Морленд послала Римо улыбку, граничившую с кокетством.

Вот и вся информация к размышлению.

Логика подсказывала Римо, что кто-то из присутствующих, а может, группа из двух-трех человек задумали убрать его с пути еще до того, как экспедиция покинет Куала-Лумпур. Злоумышленник оказался куда более сведущим в искусстве

маскировки, чем ожидал Римо. Рассчитывать на то, что враг ненароком раскроет свои замыслы и выдаст себя здесь, в номере гостиницы, не приходилось. Это должно было произойти, когда экспедиция углубится в дебри джунглей.

И тем не менее подозрения Смита подтверждались. Судя по всему, в группу затесалось подставное лицо, а то и несколько, и они были твердо намерены обезопасить себя и свой возможный успех, избавившись от темной лошадки.

Каким же образом противник вскрыл истинную сущность Римо? Может быть, нападение на рыночной площади было ударом вслепую, попыткой вывести из состава экспедиции незнакомого человека? Может быть, в этом деле участвуют все четверо и даже отсутствующий доктор Отто?

– Не пора ли перейти к делу? – предложил Стокуэлл, возвращая мысли Римо к текущим событиям.

– Я готов.

На стеклянном кофейном столике лежала топографическая карта два на три фута, придавленная с двух сторон пепельницами. Вокруг стола расположились пять кресел. Римо сел слева от Одри Морленд, а место напротив занял Пайк Чалмерс. Доктор Стокуэлл вынул из кармана складную указку, вытянул ее на всю длину и, подавшись вперед, открыл совещание.

– Мы находимся здесь, – сказал он, ткнув в точку на карте, обозначавшую Куала-Лумпур. – А цель нашей экспедиции... вот здесь.

Кончик указки скользнул примерно фут влево от Стокуэлла и уткнулся в голубое пятно озера, растопырившего на карте свои отростки, словно уродливая бесформенная ладонь.

– Тасик-Бера, – внушительно произнес Стокуэлл, подчеркивая важность момента. – Примерно шестьдесят пять миль к востоку от провинции Паханг. Глядя на карту, можно вообразить, что это будет легкая прогулка.

– Ничего себе, легкая, – отозвался Чалмерс. – Эти джунгли сожрали столько отличных парней, что их даже всех не перечислить.

– Как я уже сказал... – профессор позволил себе бросить на великана короткий взгляд, – ...это путешествие кажется легким только на бумаге, но у нас наготове план. Нам придется двигаться поэтапно, и первым шагом будет завтрашний перелет в Темер-Лох. Оттуда мы отправимся на катере к югу и, преодолев еще сорок миль, окажемся в Дампаре. Как вы видите, самолеты туда не летают.

– И ни одной приличной дороги, – добавил Чалмерс.

Прежде чем продолжать, доктор Стокуэлл откашлялся.

– Проводник будет ждать нас в Дампаре. Мистер Сандакан уже отдал соответствующие распоряжения.

– Совершенно верно, – отозвался маленький малаец, обращаясь ко всем присутствующим. – Мы наняли одного из лучших проводников в провинции.

– Дорога из Дампара до Тасик-Бера займет, вероятно, около трех суток, – сказал Стокуэлл. – Везде, где возможно, мы будем двигаться на каноэ, но, боюсь, остаток пути придется преодолеть пешком.

– Хорошенько поработать ногами, – ввернул Чалмерс, по-прежнему глядя на Римо в упор.

– Вы хорошо знаете Азию? – спросила Одри, легонько прикоснувшись к предплечью Римо и тут же отдернув руку.

– Не очень, – ответил тот, не отрывая взгляда от карты.

– Я читал вашу книгу о пресмыкающихся Нового Света, – сказал Стокуэлл. – Это великолепный труд.

– Полагаю, в Азии все будет несколько иначе, нежели в Южной Америке. – Римо чуть заметно улыбнулся, словно оправдываясь.

– Змей здесь ничуть не меньше, если хотите знать, – заявил Чалмерс.

– Многие из них, должно быть, опасны, – произнесла Одри голосом, приличествующим скорее испуганной девице из мелодрамы, чем ученой даме, стоящей на пороге великого открытия.

– Разумеется, определенная опасность существует, – признал Римо. – Наибольшую угрозу в тех местах, куда мы направляемся, представляют кобры и питоны, но я сомневаюсь, что нам доведется повстречаться с королевской коброй.

– О Господи, только не это. – Одри вздрогнула, и ее округлые груди колыхнулись под обтягивающей тканью блузки.

– В отличие от американских большинство малазийских змей скромнее по размерам и менее опасны. Самым распространенным видом является Trimeresurus, как наземные, так и древесные его представители, однако они очень редко нападают на человека, если их не потревожить.

– А как насчет больших змей? – На сей раз пальцы Одри легли на колено Римо.

– Из крупных змей в Малайзии встречаются только сетчатые питоны, – ответил Римо, широко улыбаясь в ответ. – В соответствии с официальными данными, их длина достигает тридцати пяти футов.

– Они тоже представляют опасность? – спросила Одри.

– Нет, если только вы не попытаетесь их схватить. Правда,

как-то раз семифутовый питон съел четырнадцатилетнего малайца, но это единственный зарегистрированный случай, когда человек оказался проглочен целиком.

– Подумать только, – дрожащим голосом произнесла Одри. – Съеден заживо!

– Я бы не стал волноваться, – заметил Римо. – Скорее нас сожрут москиты.

– Или чертовы крокодилы, – добавил Чалмерс, щуря глаза от дыма сигареты без фильтра, которую он раскуривал.

– Разумеется, мы не можем полностью исключить возможность встречи с заплутавшим крокодилом, – признал Римо. – И тем не менее в интересующем нас районе они не водятся.

– Вы уверены? – вызывающим тоном осведомился бывший солдат.

– Да, мистер Чамберс.

– Чалмерс.

– Извините, я оговорился. – Римо вновь повернулся к девушке, сияя улыбкой. – Самый распространенный вид крокодилов Юго-Восточной Азии – это Crocodilus siamesis, их ареал обитания находится в двухстах милях к северу отсюда. Есть и другой вид, Crocodilus porosus, более крупные крокодилы-людоеды, но они предпочитают прибрежные воды. Отсюда их прозвище – «морские крокодилы». Конечно, кто-нибудь из них может подняться по реке, вот сюда... – Римо ткнул пальцем в карту, и его локоть коснулся бедра Одри, – ...но это маловероятно.

– Слава Богу, у нас в экспедиции есть настоящий знаток, – язвительно произнес Чалмерс.

– Полагаю, нам всем есть чему поучиться, – ответил Римо.

– Если повезет, – перебил Чалмерс, – то мы столкнемся со зверем побольше крокодила.

– Саффорд... – В голосе Одри послышался упрек.

– Да, я знаю, – сказал Стокуэлл. – Не хочу обескураживать вас, но тем не менее позволю себе скрестить пальцы.

– Вы действительно надеетесь обнаружить в Тасик-Бера доисторическое животное? – заговорил Сибу Сандакан.

– В сущности, доисторические виды отнюдь не редки, – ответил Стокуэлл. – Взять, к примеру, самого обычного таракана или крокодилов, о которых говорил доктор Уорд. Их прародитель, Protosuchus, обитал на Земле еще в период триаса, и за прошедшие двести миллионов лет крокодилы практически не изменились.

– Невероятно! – Глаза маленького малайца загорелись

энтузиазмом. – Значит, надежда все-таки есть.

– Вы имеете в виду, надежда обнаружить что-нибудь из ряда вон выходящее? – Стокуэлл с улыбкой посмотрел на Одри Морленд, с трудом скрывая воодушевление. – Мне кажется, в районе Тасик-Бера может случиться все что угодно. Надеюсь, вы запаслись надлежащей экипировкой? – добавил он, обращаясь к Римо.

– Походная одежда, жидкость против комаров и тому подобное, – ответил Римо. – Все это осталось у меня в гостинице, и мне нужно время упаковаться.

– Нас всех ждут предотъездные хлопоты, – согласился Стокуэлл. – Поэтому предлагаю разойтись и встретиться за завтраком в ресторане на первом этаже. Полагаю, шесть утра – не слишком рано?

– Только не для меня, – ответил Римо, а остальные разом качнули головами.

– Итак, в шесть часов.

Стокуэлл встал из-за стола, взмахнул рукой, словно преподаватель, распускающий студентов, и Римо двинулся к выходу. На полпути к двери его догнала Одри. Она остановила Римо, взяв его за руку теплыми пальцами.

– Я очень рада, что вы присоединились к нашей маленькой компании, доктор Уорд.

– Зовите меня Рентоном.

– Очень хорошо. Я рада, что вы едете с нами, Рентой.

– Я тоже рад.

– Увидимся завтра.

– С утра пораньше, – ответил Римо.

Улыбка Одри могла бы послужить гимном зубной пасте.

– Я буду ждать, Рентой.

Римо спустился на лифте, дав отдых ногам. Его по-прежнему занимала мысль – кто из этих людей хотел убить его на рыночной площади и когда последует вторая попытка.

Глава 5

– Что вы о нем думаете?

– О ком? – спросила Одри Морленд.

Саффорд Стокуэлл снисходительно улыбнулся:

– О нашем докторе Уорде. Похоже, он пришелся вам по сердцу.

– Не будьте дураком, Саффорд. Обычный профессиональный интерес, не более того.

Они сидели в номере Стокуэлла, наконец-то оставшись вдвоем, но профессор по-прежнему чувствовал себя неуютно. Он понимал, что его состояние отчасти объясняется естественными опасениями и тревогой. На рассвете им предстояло отправиться в путь, который вполне мог привести Стокуэлла к самому громкому провалу в его долгой карьере.

Помимо мысли о предстоящей охоте профессора занимало неясное тягостное беспокойство, в котором Стокуэлл боялся признаться даже самому себе.

– Если Уорд вам понравился, в этом нет ничего зазорного, – промолвил он.

– Господи, я едва успела его разглядеть. – В голосе Одри проскользнули нотки раздражения, которые мог уловить всякий, кто умел разбираться в ее настроении.

– Я лишь хотел сказать...

– Что? Что вы хотели сказать, Саффорд?

Вопрос заставил профессора умолкнуть. В Джорджтауне, где они вели совместную преподавательскую деятельность и нередко появлялись на людях вдвоем, уже никто не сомневался, что Стокуэлл и Одри Морленд состоят в «тесной связи». Стокуэлл не поддерживал этих слухов, но и не считал нужным их опровергать. И если население Джорджтауна, состоявшее в основном из ровесников профессора и людей старше его, вбило себе в голову, что Стокуэллу удалось покорить сердце Одри, то не станешь же из-за этого бегать по университетскому городку и пресекать сплетни.

По правде говоря, Стокуэлл был испуган, когда его ушей впервые (и совершенно случайно) достигла молва о нем самом. Удивление быстро сменилось гневом, но, прежде чем профессор успел поставить болтунов на место, он – тогда еще бодрый пятидесятишестилетний мужчина – почувствовал нечто вроде воодушевления.

Слухи тешили его гордость.

Ему было приятно сознавать, что знакомые мужчины, многие

из которых были младше, считают его достаточно привлекательным и полным сил, чтобы завоевать внимание женщины тридцати с немногим лет, с внешностью кинозвезды и ярким, живым характером. Еще больше профессору польстило то обстоятельство, что многие коллеги-женщины приняли слухи за чистую монету. Они поверили в него.

Профессора все чаще раздражало собственное отражение в зеркале – картина, которую он предпочитал не замечать, полагая ее неизбежным злом. В последние годы зеркало превратилось во врага, являя собой оживший портрет Дориана Грея и напоминая Стокуэллу о разрушительном действии времени, которое начинало угрожать ему лично. Непрекращающиеся слухи о его похождениях в роли Казановы заставляли профессора внимательнее вглядываться в свое лицо, пытаясь понять, что в нем увидели другие.

Он так и не понял, что в нем нашли окружающие, но в конце концов это перестало его волновать. Пересуды, льстившие самолюбию Стокуэлла, все ширились, раздувая его гордость, и, хотя он так и не решился сблизиться с Одри по-настоящему (ведь гордость и смелость – это совсем разные вещи), профессор постепенно привык думать о себе и о ней как... ну, скажем, как о влюбленной паре. Для этого не было никаких оснований, и Стокуэлл частенько бранил себя за бесплодную мечтательность, находя при этом наслаждение в притворстве и успокаивая свою совесть тем, что оно никому не вредит.

За исключением тех мгновений, когда его охватывали приступы ревности.

Стокуэлл сознавал, что ревность – это верх глупости, и до сих пор ему хватало здравого смысла держать свои чувства при себе, скрывая их от окружающего мира.

Вплоть до нынешнего вечера.

– Простите, Одри. – Он понимал, что ответил невпопад, но у него не было ответа, который позволил бы выпутаться из щекотливой ситуации. – Я вовсе не хотел читать вам нотации, словно нудный папочка.

– Я – бедовая девчонка, Саффорд. – Слова Одри выражали очевидную истину, подтверждения которой профессор наблюдал ежедневно с тех самых пор, когда они познакомились. – И я могу постоять за себя.

– Конечно.

– Спасибо вам за заботу, но я пересекла полмира вовсе не для того, чтобы втюриться в первого встречного.

– Я имел в виду другое, – сказал профессор, надеясь извлечь из разговора хоть какую-то пользу. – Мне любопытно узнать, что

вы думаете о докторе Уорде как о человеке, пополнившем нашу маленькую семью.

– Хороша семейка! – фыркнула Одри, изумив Стокуэлла презрением, прозвучавшим в ее голосе. – По крайней мере Уорд не похож на Чалмерса. Господи, как он мне надоел своим хвастовством и рассказами о животных, которых убивал ради забавы!

– Нам не обойтись без такого человека, как Чалмерс. Надеюсь, вы понимаете – в джунглях может случиться всякое.

– И тем не менее он грубиян и задавака. Мне не нравится, как он смотрит на меня, словно выбирая кусок мяса.

– Он оскорбил вас?

Вопрос вырвался сквозь сжатые зубы Стокуэлла прежде, чем он успел прикусить язык. В самом деле, что он мог сделать, если Чалмерс вздумал приставать к Одри? Вызвать его на дуэль? Сама мысль об этом казалась нелепой.

– Пока нет, – ответила Одри к вящему облегчению профессора. – Просто он мне не нравится. Я ему не доверяю.

– У Чалмерса отличные рекомендации.

– От его старых приятелей, вне всяких сомнений, – отозвалась Одри. – Люди вроде Чалмерса всегда держатся друг за дружку, как всякая клика.

– Вы полагаете, он что-то задумал? – спросил Стокуэлл.

– Откуда мне знать? Если мы найдем чудовище – если оно существует, конечно, – то кто помешает Чалмерсу убить его, чтобы разжиться очередным трофеем?

Стокуэлла охватило страстное желание принять позу доблестного героя, но он понимал, что это выглядело бы пустопорожним хвастовством.

– Мы все, – сказал он. – Мы остановим Чалмерса общими усилиями. Не забывайте, с нами идет Сандакан, представитель государства. И при всей грубости господина Чалмерса он вряд ли осмелится бросить вызов малазийскому правительству. Как вы полагаете?

– Животное, которое мы ищем, могло бы потянуть на миллионы, Саффорд. На миллионы долларов в банке. Хотя...

Одри могла не продолжать. Стокуэлл уловил неверие в ее голосе, но побоялся спорить, не желая выставлять себя набитым дураком. Поиски живого динозавра отдавали донкихотством, если не откровенным безумием, и тем не менее профессор с радостью ухватился за возможность возглавить экспедицию, сам не понимая, что подвигло его на этот шаг – скука преподавания и работы на полставки в Смитсоновском институте, или жажда славы и известности, которые уже начинали от него ускользать.

Профессор согласился, невзирая на возможные насмешки и жертвуя своей прочной репутацией. Если экспедиция вернется в Джорджтаун с пустыми руками... что ж, Стокуэлла будет ждать его работа – спасибо контрактной системе, – а сейчас он не видел необходимости думать об унижении, с которым ему пришлось бы столкнуться. Кое-кто из университетских шутников уже называл его профессором Челленджером, и если Стокуэлла постигнет неудача, у них появится отличный повод позубоскалить.

– Я уверен, что власти сумеют справиться с любым затруднением подобного рода, – сказал он. – Наша задача – найти чудовище, не так ли?

– Вы правы, конечно, – отозвалась Одри, – и тем не менее я вовсе не обязана любить Чалмерса.

– Ну что вы, милая, разумеется, нет. – Набравшись храбрости, Стокуэлл решил рискнуть: – Не желаете ли бокал вина?

– Пожалуй, не стоит, – сказала Одри, смягчая отказ улыбкой. – Завтра рано вставать, а у меня еще много дел.

– Понимаю. – «Даже очень хорошо понимаю», – подумал Стокуэлл и добавил: – Что ж, увидимся утром. Покойной ночи.

– И вам того же.

Одри ушла в свой соседний номер, и профессор запер за ней дверь на два оборота. Осторожность никогда не бывает излишней.

* * *

– Вы верите этим россказням?

Сибу Сандакан стоял по стойке «смирно», не отрывая взгляда от начальника, сидевшего по ту сторону огромного тикового стола. Прежде чем ответить, Сибу надолго задумался, хотя в течение последних недель вопрос этот поднимался и обсуждался в министерстве довольно часто.

– По-моему, их руководитель вполне искренен, – сказал он наконец. – Не знаю, верит ли он в динозавра, но надежда есть. Профессора снедает тщеславие.

– А остальные? – спросил Гермук Сайяр, первый заместитель министра внутренних дел Джантана Сепаруха.

– Англичанин жаден до денег. Он пойдет куда угодно, лишь бы платили. Что касается нового американца, то, мне кажется, ему любопытно, хотя он и настроен скептически.

О женщине он не сказал ни слова, да его и не спрашивали. Сибу и его непосредственный начальник относились к женщинам одинаково. У себя в Вашингтоне светловолосая американка могла считаться профессором, но всерьез представить ее в роли главы

экспедиции было невозможно. Женщины следуют за мужчинами; так было всегда и так будет всегда.

– Ну а вы, Сибу? Как вы оцениваете их шансы?

– Шансы найти динозавра? – Сандакан нахмурился и погрузился в размышления, не желая выглядеть суеверным крестьянином. – Вам знакомы эти легенды Тасик-Бера, сэр. Вы сами читали доклады наших солдат и полицейских.

– Верно. Но я хотел бы узнать ваше мнение.

– Я не верю в сказки, – ответил Сибу, – но в таком деле ничего нельзя сказать наверняка.

– Наш министр выразил определенную обеспокоенность в связи с гибелью господина Хоппера.

– Неужели?

– Как вам известно, Хоппер искал уран. Вы знакомы также с обстоятельствами его смерти.

– Так точно, сэр.

– В министерстве подозревают, что новую экспедицию интересует уран, а не чудовища, – продолжал Гермук.

– Полагаю, таможенники проверили их оборудование.

– В пределах дозволенного. Спрятать простой счетчик Гейгера не составило бы никакого труда. А если потребуется – приобрести в Малайзии.

– В составе группы нет специалистов по горному делу, – напомнил Сибу.

– Это неизвестно.

– Как так?

– В наши дни трудно сказать, кто есть кто. Паспорт можно подделать, биографию – высосать из пальца. Американцы большие мастера на фальшивки.

– Вы полагаете, в этом участвует их правительство? – Сама эта мысль привела Сандакана в замешательство.

– Я лишь перебираю возможные версии, – ответил Гермук Сайяр. – Но почему бы и нет, в конце концов?

– Они рискуют вызвать шумиху.

– Им есть из-за чего рисковать. Ставка очень высока, Сибу.

– Надеюсь, мы не позволим нарушить свой суверенитет?

– Американцы весьма коварны, – сказал заместитель. – Они подкупают чиновников, угрожают введением экономических санкций, когда затронуты их интересы, даже финансируют государственные перевороты, когда иные средства исчерпаны.

– Я буду бдителен, – заверил его Сибу.

– Вопрос в том, достаточно ли будет простой бдительности.

– Что вы имеете в виду?

– Мы должны быть готовы к ответным действиям при первом

признаке вероломства, Сибу. Вы понимаете?

Сибу кивнул, скорее в силу привычки, чем понимания. Беседа принимала неприятный оборот. Он не был шпионом, а уж тем более – солдатом или полисменом. Его образование и опыт никак не вязались с играми в рыцарей плаща и кинжала, которые, судя по всему, затевал Гермук Сайяр.

– Вы возьмете с собой вот это. – Заместитель министра положил на стол маленькую пластмассовую коробочку размером не более пачки сигарет и подтолкнул ее к Сибу. – Это радиопередатчик, специально разработанный для экстренных случаев. С его помощью нельзя отправить сообщение в обычном смысле этого слова – в него нельзя говорить, и ничего нельзя принять. Соображения простоты требуют, чтобы устройство имело лишь одну кнопку. После того как она нажата, передатчик в течение восьми часов излучает непрерывный сигнал особой частоты. С завтрашнего полудня до вашего возвращения в министерстве в ожидании сигнала будет дежурить специальное подразделение с вертолетами.

Сибу Сандакан совсем упал духом.

– О каких экстренных случаях вы говорите? – спросил он.

– Вам судить, Сибу. Если, к примеру, американцы вместо динозавров найдут уран, им потребуется охрана и защита.

«Что-то вроде домашнего ареста», – подумал Сибу. Потом правительство извинится, но уран уже будет в руках государства. Что ж, это было бы только справедливо, и все же Сандакан не хотел ввязываться в дела, к которым он не был готов ни морально, ни профессионально. Но отказаться выполнять приказ министра он не мог.

Пластмассовый футляр казался практически невесомым. Сибу погладил кнопку большим пальцем, пытаясь представить, что случится, если к коробочке приложить силу в фунт-другой.

– Надеюсь, вы понимаете, что пользоваться устройством нужно осмотрительно.

Это был самый настоящий приказ, никаких сомнений.

– Разумеется, сэр, – ответил Сибу. В это мгновение его занимала совсем другая мысль. – А что, если?...

– Продолжайте.

– Что, если экспедиция достигнет своей цели?

– Хотите сказать, если они найдут доисторическое животное?

– Да, сэр.

Гермук Сайяр улыбнулся.

– В таком случае членам экспедиции также понадобится помощь и защита. Как вы полагаете, Сибу?

– У них есть англичанин...

– Мы не можем позволить ему угрожать вымирающим видам. Особенно если учесть, какую выгоду они могут принести государству.

– Сомнительно...

– Подумайте сами, Сибу. Мы сможем еще шире развернуть индустрию туризма. Вы смотрели «Парк юрского периода»?

– Нет, сэр.

– Посмотрите. Настоятельно рекомендую. Уж если музеи извлекают прибыль, выставляя запылившиеся кости, представьте, каким увлекательным, современным предприятием окажется демонстрация живых существ.

Вообразить себе такое было невозможно, и Сибу пропустил слова начальника мимо ушей.

– Так точно, сэр, – сказал он.

– Надеюсь, вы уяснили задание? Не вздумайте паниковать. Включайте прибор только при чрезвычайных обстоятельствах. Если экспедиция найдет уран или гигантского ящера, вы немедленно дадите нам знать. Иначе...

– Я понимаю.

– Что ж, в таком случае вам нужно отдохнуть. Вас ждут небывалые приключения.

– Так точно, сэр.

Сибу сунул передатчик в карман и закрыл за собой дверь, мечтая лишь об одном – чтобы это задание передали кому-нибудь другому. Горожанин до мозга костей, он не испытывал ни малейшего желания бродить по джунглям, спать под противомоскитной сеткой и следить за каждым своим шагом, чтобы не напороться на ядовитую змею. Все остальное – динозавры, уран и геополитика – было слишком сложной материей, чтобы попусту ломать голову. Сибу должен был лишь ждать и наблюдать, готовясь нажать кнопку при появлении динозавра либо первых признаков двуличия американцев.

Если повезет, сказал он себе, то вся эта затея обратится пустопорожней тратой времени. Сибу полагал, что сумеет вытерпеть насмешки коллег, пока через неделю-другую они не найдут себе новой забавы.

В противном случае его ждало нечто страшное.

Сибу Бинтулу Сандакан опасался, что чащобы джунглей пополнятся еще одним вымирающим видом, и даже летучий эскадрон бравых вояк мало чем поможет ему, если прибудет с опозданием.

* * *

Пайк Чалмерс закурил последнюю сигарету, скомкал опустевшую пачку и швырнул ее на пол, не потрудившись отыскать пепельницу. По его мнению, малайцы жили словно грызуны, теснясь в своих крохотных клетушках щека к щеке, и даже лучшие из них слезли с деревьев от силы два поколения тому назад. Ее величество совершила ошибку, отказавшись от колоний – Индии, Ямайки, Кении и прочих, – но что толку проливать слезы над убежавшим молоком. Поезд ушел и уже не вернется.

Пайк Чалмерс тосковал по золотым дням британской империи, хотя те времена миновали еще до того, как он родился. Пайку было восемь, когда погиб его отец, павший жертвой восстания мау-мау в Кении. Потом были годы нищеты в Манчестере, хотя вдова Чалмерса-старшего получала пенсию за погибшего мужа. Поэтому не было ничего удивительного в том, что в возрасте семнадцати лет Пайк завербовался в армию, но к этому времени великие войны уже закончились. Трижды побывав в Северной Ирландии, Чалмерс решил, что с него довольно. Некоторое время он служил наемником в Африке, но потом осознал, что куда проще и выгоднее стрелять в беззащитных животных, чем охотиться на людей, которые могли дать сдачи. Проводники сафари всегда были нарасхват, и даже когда сентиментальные «зеленые» начали поигрывать своими законодательными мускулами, добившись запрета большинства традиционных видов охоты, трусоватые туристы с фотоаппаратами по-прежнему нуждались в отважных мужчинах, которые сопровождали бы их в путешествии и возвращали домой в целости и сохранности.

Но Пайк жаждал настоящей крови. В старые добрые времена человек мог убить носорога или тигра ради удовольствия и получить шикарный трофей, знак доблести, от которого не отказался бы ни один настоящий мужчина. Белокожие охотники всегда славились храбростью, знанием дикой местности и количеством добытых черепов.

Мир изменился, и эти перемены пришлись Чалмерсу не по вкусу. Пронырливые общественные деятели, не ограничиваясь вопросами охоты, начинали совать свой нос повсюду, от взаимоотношений полов до курения. Соединенные Штаты выбрали президента, который в молодости уклонялся от военной службы, а теперь пообещал повысить налоги, дабы защитить американцев от самих себя. Британская королевская фамилия тем временем погрязла в скандалах и бесчестии.

Пайку Чалмерсу нередко казалось, что он родился слишком поздно, что его эпоха миновала задолго до того, как он появился

на свет. Он с радостью обратил бы время вспять и, перескочив в прошлое лет на тридцать пять – сорок, по праву занял свое место среди людей, которые построили империю, раскинувшуюся по всей планете.

Впрочем, зачем стеснять свое воображение?

Будь Чалмерс способен на чудеса, он бы вернулся назад лет на сто, когда все только начиналось, когда была разрешена охота на зулусов, буров и афганцев. Тогда Британия правила морями, и никакому кафру даже в голову не пришло бы хныкать и канючить насчет своих «прав».

Разумеется, ни чудес, ни машин времени не бывает, но все же настоящему мужчине даже и теперь могла улыбнуться удача, как бы ни измывалась над ним злая судьба. Судя по тому, как складывалась в последнее время жизнь Чалмерса, ему вот-вот должно было повезти, и, хотя коллеги считали согласие Пайка отправиться на охоту за динозаврами чистым сумасбродством, он был уверен, что их устами глаголет черная зависть. Ревнивые дураки завидовали везунчику, который нашел непыльную работенку, в то время как они оставались прозябать не у дел.

Ну а если удача?..

Представьте себе, что где-то там, в джунглях, его ждет огромный динозавр. Размышляя о возможностях, которые сулил успех, Пайк не мог сдержать улыбки. Он мог бы удалиться на покой и жить на доходы от продажи прав на кинофильмы либо нанять за гроши борзописца, который сочинил бы за него книжку, и переехать в Ирландию, где литераторы освобождены от налогообложения. Он мог бы принимать участие в телевизионных шоу, словно какая-нибудь рок-звезда. Пускай американские профессора кропают справочники, набитые схемами, диаграммами и зубодробительной латынью, которую могут прочесть только такие же книжные черви, как они сами. Настоящая слава приходит с успехом у широкой публики.

Пайк Чалмерс подумал даже, не стоит ли нанять литагента, если деньги начнут притекать слишком быстро, чтобы управляться самому. Жизнь – суровая штука, но он сделает все, чтобы оседлать судьбу.

Ну а если ему не захочется делить славу с кем-то еще, что ж – Пайк Чалмерс сумеет найти способ оказаться единственным уцелевшим участником экспедиции. Сгинуть в малазийских джунглях проще простого, даже если там не найдется подходящего динозавра, который сожрал бы останки. Подопечные Чалмерса были сущими детьми, младенцами, затерявшимися в лесу. Он мог избавиться от них в два счета, даже не вспотев при этом. В отсутствие улик некому будет опровергать его версию, что

бы он ни наплел. А уж он постарается придумать что-нибудь героическое, что привлекло бы к нему всеобщее внимание.

Пайк уже начал размышлять о том, кто сыграет его роль в фильме, который рано или поздно появится на экранах, но вовремя остановился. Считать невылупившихся цыплят было серьезной ошибкой, особенно если речь шла о яйцах динозавра. Чалмерс не был ученым, но вполне отчетливо представлял себе, сколь ничтожны шансы на то, что в джунглях сохранились существа, вымершие бесчисленные миллиарды лет назад. Простая цепь логических рассуждений подсказывала, что экспедиция скорее всего окажется заурядной прогулкой за чужой счет.

Впрочем, это еще неизвестно.

Даже если они не найдут динозавра, Пайк намеревался получить в пути кое-что сверх обычного жалованья. Эта Одри Морленд – классная цыпочка, никаких сомнений. Правда, она уже отшила Пайка, как часто поступают такие бабенки, но это случилось в роскошном отеле, где Одри могла вызвать прислугу и потребовать бокал шампанского, как только пожелает.

Другое дело джунгли, где ты вынужден распрощаться с мягкими подушками, сухой одеждой и изысканной снедью. Единственной проточной водой в Тасик-Бера будут дожди и лесные ручьи, а соседями окажутся змеи, скорпионы да голодные тигры.

Не говоря уже о Пайке Чалмерсе, самом грозном из всех живых существ.

Еще до того, как закончится их маленькая прогулка, Одри Морленд придется познакомиться с его способностями, и не только на тропе, но и в спальном мешке. Поначалу она будет брыкаться, но кто сможет помешать настоящему мужчине, когда настанет решительный миг?

Эта мысль вернула Чалмерса к воспоминаниям о новом участнике группы, Рентоне Уорде. Странный парень этот Уорд. Судя по виду, он не сумел бы разорвать листок бумаги двумя руками, и тем не менее едва не сломал Пайку пальцы. Костяшки правой ладони Чалмерса до сих пор саднили, словно он хватил кулаком по бетонной стене. Видимо, Уорд пустил в ход какой-то хитрый прием, но в следующий раз Чалмерс будет настороже. Надо лишь не спускать с Уорда глаз и при первой возможности устроить несчастный случай.

Подумать только – Одри Морленд начала заигрывать с этим ничтожеством, едва их представили друг другу. Но это не имело значения. Пройдет два-три дня, и она поймет, что у нее нет выбора. Старикашка, с которым она приехала, не справился бы и с котенком, а этот местный чиновник... желтопузый он и есть

желтопузый.

У Чалмерса не было и тени сомнения в том, что всякая женщина непременно захочет переспать с мужчиной, который сумеет показать ей, кто хозяин положения. Некоторых приходилось уламывать, но он ни разу не дал промашки – если не считать лесбиянок, разумеется. Но даже им Чалмерс порой умудрялся втолковать, какую возможность они упускают.

Настоящий мужчина имеет право – даже обязан – не щадить себя, когда речь заходит о женщинах. А Чалмерс был человеком долга.

Короче говоря, его чванливых спутников ждет немало сюрпризов. Наблюдать за тем, как они станут выкручиваться, будет истинным удовольствием.

Пайк почувствовал, что он не в силах ждать. Да и стоит ли?

Ночь только начиналась, а его уже охватило предчувствие удачи. Первым делом – купить сигарет, а потом можно будет отправляться на поиски приключений.

Глава 6

– Ты хочешь сказать, что ни один из твоих попутчиков не был испуган, увидев тебя живым и здоровым? – спросил Чиун.

– По-моему, нет. Я не заметил ничего особенного.

Мастер Синанджу издал звук, похожий на кудахтанье.

– Белые люди пренебрегают искусством наблюдательности, – заявил он.

– Я смотрел в оба, – ответил Римо. – Вероятно, кому-то из них удалось скрыть свои чувства.

– Значит, ты смотрел невнимательно, – изрек Чиун. – Всегда существуют признаки, изобличающие лжеца. Нарушение ритма дыхания. Испарина на лбу. Судорожное подергивание бровей.

– Ничего этого не было, – сказал Римо. – Их громила бросал на меня сердитые взгляды, но он не произвел на меня впечатления большого ума.

– Ты показал ему свое истинное лицо? – спросил Чиун.

– Ну... не совсем.

– Значит, все-таки показал.

– Так, легкое рукопожатие, только чтобы поставить его на место.

– Точнее говоря, чтобы возбудить его подозрения. Он белый?

– Да. Британец.

– Считай, что в этот раз тебе повезло. Белокожие люди в своем невежестве слепы перед сияющим величием Синанджу. Он, наверное, подумал, что ты тягаешь железо или занимаешься аэробикой вместе с круглоглазыми девицами, которых1 показывают по телевизору.

Римо уложил вещи, еще раз проверил ванную и шкаф, не забыл ли он чего, и наконец застегнул «молнию» вещмешка.

– Между прочим, – заметил он, – нельзя исключать, что меня преследует кто-нибудь не из членов группы.

Чиун пожал плечами под складками кимоно, скрывшими его движение.

– Все возможно, – сказал он. – Даже обезьяну можно научить петь. Но логично ли это?

– Ты прав.

– Еще бы.

Представить себе, что за Римо охотится кто-нибудь посторонний, было невозможно. Кроме КЮРЕ, о нем не знала ни одна душа, к тому же он находился под прикрытием тщательно разработанной легенды. Кто, кроме людей из академических кругов, мог знать о докторе Рентоне Уорде? Кому из них могло

прийти в голову убить его, да не где-нибудь, а в малазийских джунглях? Даже если доктор задолжал самым безжалостным нью-орлеанским кровопийцам-ростовщикам, они наверняка расправились бы с ним дома, там, где ситуация находилась у них под контролем. И уж, конечно, прежде чем позаимствовать у доктора имя и личность, КЮРЕ досконально изучила его подноготную.

Как ни старался Римо, отделаться от мыслей о нападении ему не удавалось. Бандиты с рыночной площади явно нацеливались на него – или «Рентона Уорда», – потому что кто-то очень не хотел, чтобы он присоединился к экспедиции Стокуэлла. Мотив оставался неизвестен, и вывести его на основании данных, которыми располагал Римо, было невозможно.

«Что нам известно?» – спрашивал он себя. Рассчитывать на показания бандитов не приходилось. Вырвать у них имена работодателей мог разве что специалист по спиритизму и столоверчению. Таким образом, оставалось четверо, у каждого из которых могла быть собственная причина не желать появления в экспедиции нового человека. И более десятка возможных комбинаций, если двое (или более) противников выступали сообща. До сих пор у Римо не было ни малейшей зацепки или улики, позволявшей связать новых знакомых с попыткой убийства.

В конце концов Римо оставил попытки угадать, зачем кому-то, доселе незнакомому, потребовалось его убивать. Вероятным причинам не было числа – от зависти коллег до обычной алчности. Проверка, проведенная КЮРЕ, полностью исключала личное знакомство доктора Уорда с членами экспедиции.

А если речь шла о заочной вражде, то один взгляд на лицо новичка дал бы остальным понять, что в группу затесался лазутчик.

Это соображение вновь заставило Римо вернуться к размышлениям о том, каким образом кому-то – тем более ученому, протирающему штаны за столом, – удалось так быстро сорвать с него фальшивую личину.

– Куда ты идешь? – спросил Чиун.

Римо не смог сдержать улыбки. Он неподвижно стоял у кровати, рассматривая свой вещмешок, и тем не менее Чиун почувствовал, что его подопечный собрался уходить. Старый кореец безошибочно угадывал намерения ученика.

– Думаю прогуляться, – ответил Римо.

– Вот она, логика белых людей, – заметил мастер Синанджу. – Тебя ждет долгий путь сквозь джунгли, а ты собираешься бесцельно расхаживать по городу.

– Я гуляю, чтобы расслабиться. Ты же знаешь, мне не нужно много времени для сна.

– Тебе нужно побольше тренироваться, – заявил Чиун. – Ученик, постигший только первоначальные ступени Синанджу, обязан каждый час бодрствования отдавать занятиям.

– Займусь по возвращении с охоты на динозавра.

– Я вынужден уступить, поскольку этого потребовал Император Смит, – продолжал Чиун, – но ты совершенно не подготовлен.

– Жаль, что ты не сможешь к нам присоединиться, – сказал Римо.

– Ты хочешь, чтобы я бродил по джунглям, словно дикарь? – Сама мысль об этом, казалось, ввергла Чиуна в ужас.

– Что ж, ты в любом случае не прошел бы приемных испытаний, – сказал Римо. – У тебя нет ученой степени.

– Мудрый человек не нуждается в том, чтобы к его имени присовокупляли бессмысленные слова.

– Вот тут ты прав, – отозвался Римо.

– А ты сомневался?

– Я постараюсь не задерживаться и скоро вернусь домой.

– Твой дом находится в Синанджу. А эта комната – всего лишь помещение для отдыха и хранения одежды.

– Не засиживайся у телевизора допоздна. Это помешает тебе уснуть.

– Клевета. Кореец, дух которого озаряет свет Синанджу, обладает непоколебимым спокойствием.

Последнее слово всегда оставалось за Чиуном, даже если ему приходилось шептать по-корейски. Римо ничего не ответил и закрыл за собой дверь. Запирать замок не было необходимости. Вздумай какой-нибудь воришка забраться в номер, его ожидал бы неприятный сюрприз.

Римо вышел на лестницу. Ему предстоял спуск по десяти пролетам, и он преодолел этот путь, шагая по перилам – для тренировки. Если бы Римо снял обувь, спускаться было бы проще, но он прекрасно справился и так. Задержавшись на пороге вестибюля, Римо проверил пульс и частоту дыхания.

Невзирая на затраченные усилия, то и другое было в норме.

Перед ним расстилался Куала-Лумпур, непроглядная тьма и яркие огни которого были напоены ароматами жасмина, карри, сате и запахами китайской кухни, к которым порой примешивалась вонь сточных канав. Римо двигался в сторону небольших окраинных улочек, незримо наблюдая за тем, что творится у него за спиной. Если его и преследовали, то слишком осторожно и умело, чтобы даже обостренные чувства Римо

смогли уловить постороннее присутствие. Разумеется, исключать такую возможность было нельзя, и тем не менее...

Посвятив наблюдениям около четверти часа, Римо убедился в отсутствии слежки. Теперь, располагая относительной свободой, он получил возможность хорошенько подумать. Как ни говори, Чиун был прав, утверждая, что ему еще учиться и учиться. Римо размышлял, а ноги тем временем несли его вперед.

Пройдя около километра, он свернул на Маркет-стрит и слился с темнотой, будто призрак.

* * *

Одри Морленд покинула отель «Шангри-ла», не имея никакой определенной цели. Вещи уже были упакованы, а спать не хотелось; наоборот – ей казалось, что она попусту потеряет время, если уляжется в постель и начнет считать овец или проделывать что-либо в этом роде. А бороться с возбуждением при помощи снотворного Одри не привыкла.

До общего сбора за завтраком оставалось восемь часов, а отъезд должен был состояться еще час-полтора спустя. Одри размышляла о джунглях и их тайнах, которые ждали ее у самой черты городских огней, затмевавших звезды, и ей хотелось, чтобы путешествие началось сейчас же, сию минуту.

Успокойся, Одри, всему свое время, говорила она себе. Если нервы разгуляются, и вовсе не уснешь.

Эта мысль напомнила ей о докторе Уорде.

Он показался ей симпатичным мужчиной, не то чтобы стандартным красавцем с экрана, но она нипочем не выгнала бы его из своей постели. Его окружала особая аура, которую Одри очень редко замечала в своих коллегах, – скрытая чувственность, выявить которую можно было, лишь приложив определенные усилия. Рентой Уорд излучал уверенность, далеко превосходившую апломб исследователя, сквозивший в его монографиях и учебниках. Доктор Уорд был не столько ученым мужем, сколько настоящим мужчиной.

Подумав о несчастном Саффорде, Одри улыбнулась. Она прекрасно знала о ходивших в Джорджтауне трогательных слухах, намекавших на пылкую страсть между ней и профессором Стокуэллом. Одри в меру своих сил поддерживала сплетни, исходя из личных соображений. Во-первых, они помогали ей держать на расстоянии прочих университетских воздыхателей и, похоже, льстили самолюбию ее мнимого покровителя, создавая иллюзию любовной интриги, которая освобождала Стокуэлла от

необходимости решительных действий.

По странному совпадению, именно сегодня Стокуэлл впервые выказал признаки ревности. Вероятно, его язык развязала смена обстановки, восточная экзотика. Одри сознавала, что данное обстоятельство заслуживает самого пристального внимания. Завлекать Саффорда было бы глупо, поскольку это непременно вызвало бы непонимание и ссору, которая не сулила Одри ничего хорошего.

Как ни пыталась Одри сосредоточиться на главной цели путешествия, ее мысли упрямо возвращались к Рентону Уорду. Пайк Чалмерс его невзлюбил – это было очевидно, – но Чалмерс явно страдал манией величия, погрузившись в восхищенное самосозерцание и полагая, что любая женщина должна считать его подарком небес. Каждый раз, когда он смотрел на нее раздевающим взглядом, напоминавшим прикосновение липких рук, по телу Одри пробегали мурашки. Она безошибочно угадала желания Чалмерса уже в тот миг, когда их представили друг другу. За ним придется присматривать в пути, ведь, оказавшись в джунглях, типы вроде Чалмерса легко превращаются в первобытных людей, хотя Одри вовсе не была уверена, что прародители человеческого рода заслуживают такого сравнения. Вздумай Чалмерс удовлетворить свои прихоти и взять то, что ему хочется, он пойдет напролом, не спрашивая согласия Одри.

Ночной клуб выглядел точь-в-точь как всякий другой капкан, расставленный на туриста, посетившего Юго-Восточную Азию. Среди кричаще-ярких неоновых трубок сновали юркие гекконы, но Одри было все равно. Здесь она могла отвлечься от воспоминаний о гостиничном номере и забыть о назойливости вездесущих торговцев с их кустарными поделками, превратившими город в один огромный базар.

В продымленном помещении, залитом вспышками стробоскопической лампы, надрывался обшарпанный магнитофон. Барри Манилофф уведомлял всех, кто его слушал, что он пишет песни для того, чтобы их распевал весь мир. Навстречу Одри вышла улыбчивая официантка и, уяснив, что гостья явилась одна, усадила ее за столик у бара.

– Вы американка?

– Да. А что?

Официантка вновь улыбнулась.

– Tudak sisah, – сказала она. – Все в порядке.

Вскоре официантка вернулась, неся ром, кока-колу и крохотный американский флажок на зубочистке, воткнутой в пробку, и поставила его рядом с ароматизированной свечой, которая была единственным источником света, если не считать

мерцания стробоскопа.

Ну да, конечно, подумала Одри, усмехнувшись. Американский флаг – что-то вроде ярлыка с надписью «турист», и принесли его затем, чтобы мужчины, засевшие в баре, не приняли посетительницу за проститутку, вышедшую на промысел. Где-нибудь в другой части мира такой флажок вызвал бы враждебную реакцию, даже, вероятно, оскорбление действием, но в Малайзии, по слухам, американцы не вызывали очень уж сильной ненависти. Если все будет хорошо, Одри могла выпить рюмочку-другую, немножко развеяться и вернуться в отель, чтобы ухватить часок-другой сна перед подъемом, назначенным на полпятого утра.

– Как я понимаю, вы тоже одна?

У Одри упало сердце. Она узнала этот голос еще до того, как увидела неясный силуэт Пайка Чалмерса, который высился у ее стола, словно медведь гризли. Какое невезение – выбрать тот самый бар, в котором он убивал время.

Что это – случайность? Не мог же Чалмерс следить за ней от самых дверей отеля.

– Вот так сюрприз, – отозвалась Одри, старательно скрывая испуг, вызванный таким совпадением.

– Вы не против, если я сяду за ваш столик?

– Честно говоря...

– Вот и славненько. – Чалмерс вытащил второе кресло, обошел стол и уселся рядом с женщиной по левую руку. – Вдвоем нам будет хорошо и уютно.

– Я не могу задерживаться долго, – предупредила Одри.

– Ничего страшного. – Чалмерс поймал проходившую мимо официантку и заказал двойной чистый виски. – Я и сам не могу уснуть, – продолжал он. – Такое, знаете ли, волнение, беспокойство...

– Полагаю, в этом путешествии вам вряд ли удастся увидеть что-нибудь, чего вы не видели раньше.

– Кто знает, – сказал Чалмерс, не спуская взгляда с ее груди.

Одри почувствовала, как сжались ее соски. Причиной тому было смущение и беспокойство, но Одри знала, что Чалмерс поймет это по-своему. Ну что ей стоило надеть куртку или хотя бы лифчик?

– Насколько мне известно, вы уже бывали в малайских джунглях.

– Дорогая, я бывал всюду – в Африке, на берегах Амазонки, в Новой Гвинее, в Индии. Джунгли везде одинаковы. Меняются лишь хищники, но управляться с ними – моя специальность.

– Мне так и сказали.

– Во всяком случае, одна из моих специальностей.

Увидев, как Чалмерс подмигивает ей, Одри едва удержалась от крика. Этот человек был похабником высшей пробы, живым воплощением мужского шовинизма. Одри внезапно обуяло желание сбить с него спесь.

– Я никогда не понимала того возбуждения, которое вызывает убийство беззащитных животных, – сказала она, заливаясь краской гнева, но продолжая улыбаться.

– Беззащитных? В джунглях бывает только одно беззащитное существо – неопытный человек. Вас могут прикончить муравьи и мухи, не говоря уж о кабанах, кошках и быках. Как-нибудь я покажу вам шрамы, которые ношу на своей шкуре, – пообещал Чалмерс, скаля желтые зубы. – Уж лучше вам прекратить сочувствовать зверью и обратить капельку внимания на меня.

– Нельзя же отрицать, что когда вы выходите на охоту с ружьем и капканами, любые действия животных, направленные против вас, диктуются стремлением к самозащите.

На лице Чалмерса появилась злобная улыбка.

– Самозащита, говорите? Посмотрим, что вы скажете в лесу, увидев голодного шакала или тигра, который обнюхивает застежки вашей палатки. В такое мгновение вы будете несказанно счастливы, если рядом с вами окажется настоящий мужчина.

– Надеюсь, до этого не дойдет, – отозвалась Одри. – А теперь прошу прощения...

Она поднялась из-за стола и собралась уходить, так и не притронувшись к выпивке, но Чалмерс одним глотком осушил свой бокал и вскочил на ноги.

– Ночью на улицах небезопасно, – заявил он, в упор разглядывая вырез блузки Одри. – Я провожу вас, милочка. Доставлю домой в целости и сохранности.

– Что ж, если вы настаиваете...

– Ага. Настаиваю.

* * *

Прокуренный, источавший алкогольную вонь кабачок на Маркет-стрит не понравился Римо с первого взгляда, и он прошел бы мимо, если бы в тот же миг на пороге не показалась Одри Морленд, сопровождаемая ревом магнитофона и Пайком Чалмерсом, едва не наступавшим ей на пятки.

Вдвоем они выглядели донельзя нелепо. Они остановились на тротуаре, словно подыскивая нужные слова, которые позволили бы им закончить безрадостное свидание. Бросив на Чалмерса пытливый взгляд, Римо тем не менее заметил, что тому хочется,

чтобы эта ночь никогда не кончалась. Что же до лица Одри, то на нем можно было прочесть все что угодно – от скуки до алкогольного оцепенения. Римо слишком недавно познакомился с Одри, чтобы судить наверняка, и у него сложилось лишь неясное впечатление, будто бы компания здоровяка англичанина ее тяготит.

Римо отступил назад, скрывшись в мраке ближайшего переулка. Незадачливая парочка, обменявшись несколькими словами, отправилась в сторону «Шангри-ла». Римо позволил им отойти на полквартала и двинулся следом, забавляясь мыслью о том, что теперь он следит за кем-то вместо того, чтобы шарить глазами по сторонам, наблюдая, не следит ли кто-нибудь за ним.

Они миновали около десятка кварталов, когда Пайк Чалмерс решил перейти в наступление. Эта улица была гораздо уже большинства иных, а фонари стояли далеко друг от друга. Шагая в двадцати футах позади, Римо увидел, как Чалмерс положил руку на плечи женщине, а Одри уклонилась от его прикосновения, словно рука Пайка была наэлектризована.

– Ну-ну, дорогуша, не надо упрямиться.

Теперь, когда они отдалились от шумной Маркет-стрит, голос Чалмерса звучал ясно и отчетливо.

– Не трогайте меня! – Одри отпрянула в сторону и качнулась на каблуках.

– В глубине души ты ведь только этого и хочешь, не так ли? – спросил Чалмерс.

– Ничего подобного, мужлан вы этакий!

– «Мужлан» – это значит «настоящий мужчина», мой птенчик. А еще у меня есть сосиска, которая как нельзя лучше поместится в твоей кастрюльке, если я не ошибаюсь.

Римо со скоростью ветра беззвучно преодолел разделявшее их расстояние и оказался за спиной Чалмерса.

– Как тесен этот мир!

Чалмерс повернулся, обратил к Римо свое лицо, прищурился в темноте и, наконец узнав его, ухмыльнулся.

– Чертовски тесен, – сказал он. – А тебе лучше проваливать отсюда, да побыстрее.

– У вас неприятности?

– Все в порядке, господин доктор.

– Да, у нас неприятности! – воскликнула Одри и метнулась к Римо, вцепившись теплыми пальцами в его бицепс. – Вы не проводите меня в гостиницу?

– С удовольствием, – ответил Римо.

– Ты уверен? – осведомился Чалмерс. – Если ты будешь вмешиваться в чужие дела, боюсь, это не доставит тебе особого

удовольствия.

– Ты пьян, дружище. Может быть, тебе лучше завалиться на боковую, чтобы не проспать завтрашний самолет?

– Мы еще посмотрим, кто из нас завалится на боковую!

Чалмерс вложил в удар весь свой вес, но без особого успеха. Римо действовал осторожно, не желая убивать громилу, но все же сбил его с ног, и Чалмерс потерял сознание еще до того, как упал на асфальт.

Одри изумленно глазела на великана, распростертого на тротуаре.

– Господи, – промолвила она. – Что случилось?

– По-моему, он поскользнулся и ударился головой, – ответил Римо. – Мы можем попробовать отнести его в гостиницу.

– Не надо. Пускай проспится на свежем воздухе.

– Ну, если вы уверены...

– Да, уверена. Если у него украдут бумажник, это послужит ему хорошим уроком.

Одри взяла Римо под руку, и они, оставив поверженного гиганта валяться на улице, вышли на Джалан Пуду и двинулись по направлению к «Шангри-ла».

– Слава Богу, вы подоспели вовремя, – сказала Одри. – Еще минута, и мне пришлось бы несладко.

– Вам следует быть более осмотрительной, назначая свидания, – заметил Римо.

– Типун вам на язык! Я не стала бы встречаться с этим пещерным человеком ни за какие коврижки. Он нашел меня в клубе... впрочем, не важно. Я просила Саффорда... доктора Стокуэлла избавиться от Чалмерса, но он, говорят, лучший в своем деле.

– А именно?

– Чалмерс убивает животных, – произнесла Одри с едва скрываемым презрением. – Этакий, знаете ли, знаменитый белокожий охотник.

– Я и не знал, что мы отправляемся на охоту, – сказал Римо.

– Верно. Наша экспедиция – не охота. Но мы были вынуждены принять меры предосторожности – таково требование страховой компании, к тому же, честно говоря, я бы не хотела встретиться в своей палатке со львом.

– Львы живут в Африке, – сообщил Римо.

– Как бы то ни было, Стокуэлл сказал, что этот наемник остается в составе группы... если, конечно, он не раскроил себе череп и успеет очухаться до утра. Боюсь лишь, что в таком случае нам придется отложить путешествие и искать замену.

– Чалмерс будет в полном порядке, – заверил ее Римо. – Но я

и врагу не пожелал бы той головной боли, которая ждет его с утра.

– Это послужит ему хорошим уроком, – повторила Одри. – Впрочем, хватит болтать об этом пресмыкающемся. Как я понимаю, вы родом из Нью-Орлеана?

– Я работал там последние восемь лет, – сказал Римо, припоминая сведения о Рентоне Уорде, собранные КЮРЕ. – А родился я в Канзасе.

– За что вы так любите змей?

Римо улыбнулся:

– За что вы так любите растения и животных, вымерших миллионы лет назад?

– Вы правы. Сдаюсь. – Одри на мгновение задумалась, потом продолжала: – Я увлеклась ими незаметно для себя, Рентой. Там, в Калифорнии, я начинала как ботаник и садовод, потом записалась на курс доисторической жизни. Он должен был заполнить пустое место в моем расписании. Курс как курс, ничего особенного, но лекции заставили меня задуматься. Как это получилось, что виды, господствовавшие на Земле в течение многих миллиардов лет, просто взяли и исчезли? Если бы нам удалось раскрыть эту тайну, мы, может быть, сумели бы спасти самих себя.

– Хотите сказать, над нами нависла угроза вымирания?

– С каждым днем человечество все больше загрязняет воздух, океаны и почву. Планета перенаселена, а управляют ею люди с неустойчивой психикой, способные в одно мгновение стереть нас с лица земли. И даже если Советский Союз рухнул, что из того? Одно государство не может отвечать за все несчастья, происходящие в мире. Почему вы смеетесь? – Одри заметила улыбку Римо, сочтя ее едва ли не оскорблением.

– Я не смеюсь, – сказал Римо, пытаясь унять гнев женщины. – Дело в том, что вы говорите скорее как человек, возглавляющий демонстрации, чем ученый, собирающий ископаемые древности.

– Я занимаюсь и тем и другим, когда есть время, – ответила Одри. – А чем увлекаетесь вы?

– Предпочитаю сидеть в серпентарии и доить своих змей.

Одри хихикнула, словно молоденькая школьница.

– В ваших словах мне почудилось что-то непристойное.

– Что ж, может, так оно и есть, – согласился Римо.

– Кто же ваша любимица?

– Змея, вы имеете в виду? Самец королевской кобры. Двенадцать футов мышц, зубы и яд, одной дозы которого хватило бы, чтобы убить дюжину людей. Он проживает в Нью-Орлеане со своей супругой.

– Как же вы управляетесь со своими змеями?

– Я дою каждую из них раз в месяц.

– Вы, должно быть, очень храбрый человек.

– Опасность поддерживает меня в отличной форме. Существует немало грозных змей – гадюки, коралловые змеи, бушмейстеры, – но если вы оплошали с королевской коброй, вам конец.

– У вас волшебные руки.

– Моя магия заключена в запястьях.

– Надеюсь, вы мне покажете, как это делается.

– У вас есть змея?

– Что-нибудь придумаем.

– Боюсь, это будет непросто, – сказал Римо.

– Полагаю, вы были очень заняты там, в Нью-Орлеане, – продолжала Одри. – Я читала о женщинах во Французском квартале...

– Ну что вы.

– Бросьте, Рентой. Не говорите мне, будто вы ведете жизнь монаха.

– У меня мало свободного времени, – произнес Римо, словно оправдываясь.

– Хорошо, что мы успели пригласить вас, прежде чем работа окончательно вас истощила. Одна лишь работа, и ничего кроме работы.

– Мне сказали, что в этой экспедиции придется хорошенько потрудиться, госпожа доктор...

– Зовите меня Одри.

– Да, конечно.

– Вы правы. Мы отправляемся в трудное путешествие, но, по-моему, не существует законов, которые запрещали бы нам развлекаться в пути.

– Не знаю таких, – отозвался Римо, подумав.

– Так в чем же дело?

Они находились в квартале от «Шангри-ла» и быстро к нему приближались. Заметив это, Одри отпустила локоть Римо и вложила ладонь в его пальцы.

– Вы спасли мне жизнь, – сказала она.

– Это преувеличение.

– Ну, тогда честь. Позор бывает хуже смерти.

– Мне кажется, вы отлично можете постоять за себя в одиночку.

– Вдвоем веселее. Я чувствую себя в долгу перед вами.

– Как-нибудь в другой раз, Одри. Отложим матч из-за дождя. Мне нужно укладывать вещи, готовиться к отъезду.

– Из-за дождя, говорите?

– Если вы не возражаете.

– Ну что ж, – промолвила женщина, поднимаясь на цыпочки и целуя Римо в уголок рта. – Вам нужно поспать. Приберегите свои силы на потом.

– Увидимся утром.

– Не забудьте захватить галоши, – добавила Одри. – В джунглях нас ждут ливни и слякоть.

– Еще бы, – отозвался Римо.

Глава 7

– Эта женщина домогалась тебя? – спросил Чиун.

– Во всяком случае, мне так показалось, – ответил Римо.

Чиун поднял руку и постучал костлявым указательным пальцем по лбу ученика.

– Голова дана тебе, чтобы думать, – сказал он. – Похоть – это искушение, которое нужно преодолевать, инструмент для достижения высших целей. Обман заложен в самой природе женщины.

– Я слушаю тебя, папочка.

– Но слышишь ли?

– Мои уши дрожат от усердия.

– Опять шутишь, словно обезьяна в зоопарке.

– Мне пора, – сказал Римо, глянув на часы. – Известному ученому не пристало опаздывать.

Чиун сидел на своем привычном месте перед телевизором, хотя аппарат и не был включен.

– Если тебе удастся добыть драконий клык, привези его с собой во что бы то ни стало. Это прекрасное лекарство, укрепляющее мужскую силу.

– Зачем нам оно? – спросил Римо. – Мы ведь обязаны преодолевать искушение, а наш инструмент служит высшим целям.

– Ты слишком молод, чтобы разбираться в таких вещах.

– Мне пора, – повторил Римо.

– Не спускай глаз с англичанина, – сказал Чиун, услышав скрип двери за своей спиной. – Ты проявил беспечность, оставив его в живых.

Может быть, Чиун прав, думал Римо, дожидаясь лифта. Сегодня утром он решил ради разнообразия пренебречь лестницей.

С другой стороны, убить Чалмерса на улице на глазах Одри Морленд означало вызвать множество затруднений, от полицейского расследования до задержки отправления в район Тасик-Бера. Что же до громилы-англичанина, то либо он усвоил урок, либо нет. В любом случае его неуклюжие приемы драки не представляли особой опасности.

Главное – не поворачиваться к Чалмерсу спиной, когда у него в руках ружье.

Римо примчался к «Шангри-ла» на такси и оставил свои вещи у портье. К этому времени остальные члены группы уже собрались в помещении, из которого тянуло запахами съестного.

Официант-китаец проводил Римо к столику и усадил в свободное кресло рядом с Одри Морленд. Чалмерс сидел напротив с лейкопластырем на носу и обводил окружающее мутным взором.

– Похоже, у кого-то выдалась бессонная ночка, – сказал Римо, и в ту же секунду его бедро стиснула теплая ладонь.

– Я в полном порядке, – отозвался Чалмерс.

– Что ж, давайте закажем завтрак, – сказал доктор Стокуэлл.

В меню ресторана значилась «традиционная американская кухня», то есть склизкая яичница, размякший бекон и булочки, напоминавшие плоские маисовые лепешки. Римо попросил рис – кушанье, которое трудно испортить, разве что поместив его в пылающую жаровню. За завтраком шел разговор о планах на ближайшее будущее. Беседу возглавлял Стокуэлл.

– До отправления рейса в Темер-Лох осталось около часа, – сообщил он, терзая мокрый бекон. – Надеюсь, вы все готовы.

Присутствующие издали невнятное утвердительное бормотание. Удовлетворившись услышанным, Стокуэлл некоторое время молчал, намазывая гренок маслом, потом заговорил вновь:

– Насколько мне известно, мы прибудем в Дампар к четырем или пяти часам – в любом случае слишком поздно, чтобы встречаться с нашим проводником. Предупреждаю: условия там не сравнимы с тем, что мы имеем здесь. – Профессор неопределенно взмахнул ножом и вилкой. – Это будет последняя ночь, которую мы проведем под крышей – до самого конца путешествия.

– Как долго, по вашему мнению, продлится экспедиция? – осведомился Римо.

– Это трудный вопрос, доктор Уорд. Все зависит от поведения животного, которое мы будем искать.

– Если, конечно, эта кошмарная тварь существует, – проворчал Чалмерс.

– Мы должны смотреть в будущее с оптимизмом, – заявил Стокуэлл. – Покуда сохраняется надежда, мы будем искать динозавра, придерживаясь духа научной любознательности.

– Еще бы, – согласился Римо и повернулся к малайцу. – Каково официальное отношение властей к поискам динозавров?

Низкорослый заместитель министра заулыбался.

– Мое правительство весьма озабочено сохранением исчезающих видов, – сказал он.

– Как и мы все, – ввернул Стокуэлл. – Уверяю вас, господин Сандакан.

– Разумеется, в наших законах нет статей, определяющих статус уцелевших доисторических животных, но премьер-министр

Малайзии Султан Азлан Шах считает, что было бы логично распространить на живых динозавров действие правил, касающихся предметов старины.

– Прежде чем наложить на зверя клеймо, его нужно поймать, – заметил Чалмерс.

– Я должен напомнить вам, господин Чалмерс, что дикая природа Малайзии охраняется государственным законодательством и конвенциями, принятыми Организацией Объединенных Наций в соответствии с принципами...

– Мы опаздываем, – вмешался Стокуэлл, прекращая спор. – Давайте закругляться.

Четверть часа спустя, уложив полевое снаряжение в кузов фургона «додж», группа катила к аэропорту, расположенному в пятнадцати милях от города. Римо покорно занял место рядом с Сибу Сандаканом, Стокуэлл и Одри Морленд сидели впереди, а Пайк Чалмерс устроился на заднем сиденье. Римо чувствовал холодный взгляд охотника, буравивший его затылок, но Чалмерс молчал и не предпринимал враждебных действий.

Он отложил их до тех пор, пока экспедиция не углубится в джунгли, подумал Римо. Вероятно, Чалмерс попытается устроить несчастный случай.

Что ж, посмотрим.

Если давешний урок пропал зря, в следующий раз Римо не станет миндальничать.

В аэропорту их встретил пилот, худощавый длиннолицый австралиец с копной нечесаных волос. Его самолет, видавший виды «Хевиленд оттер», судя по всему, побывал во многих передрягах, но содержался в отменном состоянии. В салоне было восемнадцать мест, и у пассажиров было достаточно пространства, чтобы вытянуть ноги. Прежде чем подниматься на борт, участникам экспедиции пришлось подождать, пока двое малайцев в замызганных комбинезонах погрузят багаж. Одри Морленд улучила минутку, чтобы перебросится с Римо словцом.

– Я должна держаться рядом с Саффордом, – сказала она. – Надеюсь, вы понимаете.

– Да, конечно, – отозвался Римо безразличным голосом, и, прежде чем Одри отвернулась, в ее глазах что-то сверкнуло. Римо не мог сказать наверняка, что именно – раздражение или возбуждение.

Наблюдая со стороны за погрузкой, он заметил огромный оружейный кофр с буквами «П. Ч.», начертанными на черной пластмассе. Вслед за кофром последовал запертый на висячий замок металлический ящик меньших размеров, в котором можно было хранить пистолет и солидный запас патронов. Римо не знал,

что у Чалмерса на уме и на кого он работает, но был уверен: британец настроен серьезно и готов стрелять на поражение.

Как только они заняли кресла и пристегнулись ремнями, австралиец завел двигатели и, разогнав летучее такси по взлетной полосе для частных и коммерческих рейсов, оторвал машину от земли. Сделав круг над аэродромом, он выровнял самолет и направил его на северо-восток, к Темер-Лоху, что находится примерно в пятидесяти милях от Куала-Лумпура.

Перелет был сравнительно коротким, и с учетом крейсерской скорости «Оттера» должен был продлиться около двадцати минут, однако еще до того, как самолет лег на курс, внизу показались подернутые дымкой испарений джунгли, среди которых то тут, то там вздымались зазубренные горы. Пейзаж представлял собой красноречивое свидетельство того различия, что разделяет города и девственные леса Юго-Восточной Азии. Он навевал Римо множество воспоминаний о службе в рядах морской пехоты, когда он отстаивал интересы своей страны в войне, которая в глазах нынешней молодежи стала событием глубокой старины.

Тогда джунгли были смертельно опасны; такими они оставались и теперь, но Римо был уже не тот. Уже не было того зеленого парнишки-пехотинца, всегда готового к драке, охваченного стремлением к самоутверждению. Те дни прошли и остались в далеком прошлом.

Солдатскую жизнь никак нельзя было сравнить с тем пространством новых измерений, которые открыли перед Римо уроки Синанджу. Впрочем, на этом пути бывали и жуткие, неприятные мгновения, например, когда Чиуну пришло в голову превратить ученика в воплощение Шивы-Разрушителя, но Римо предпочитал не вспоминать об этом.

Темер-Лох был для Куала-Лумпура тем же, чем Виктормилль для Лос-Анджелеса, не хватало лишь пустыни. Стоило путешественникам выйти из самолета, их охватила душная влажность, а джунгли подступили вплотную, словно бросая пришельцам вызов. На гудронированном шоссе экспедицию поджидали два одинаковых фургона «ниссан» – один для пассажиров, другой для экспедиционного имущества. Чалмерс счел необходимым поехать вместе с багажом. Автомобили доставили группу прямиком к речным докам.

Судно экспедиции нельзя было даже сравнивать с «ниссанами».

– Какая прелесть! – заметила Одри, взирая с безопасного причала на малайцев, грузивших оборудование на борт. – Эта лодка напоминает мне старую ленту – как бишь ее название? Фильм о путешествии по реке в джунглях.

– «Черная лагуна»? – предположил Римо.

– Нет, другой. Там, где играют Богарт и Бэколл.

– Богарт и Хэпберн, – поправил Стокуэлл. – Фильм называется «Африканская королева».

– Да-да, тот самый.

– Какая разница? – произнес Римо, приближаясь вплотную к Одри. – Если мне не изменяет память, герои обоих фильмов в конце концов тонут.

– Все-таки наша лодка не такая рухлядь.

– Во всяком случае, она способна держаться на плаву. Далеко ли до Дампара?

– Чуть больше сорока миль вниз по течению, – отозвался Стокуэлл, присоединяясь к Римо и Одри. – Насколько я мог понять, по пути нам предстоит несколько раз пристать к берегу.

Так оно и вышло. Судя по всему, их судно, катер «Баби Кали», было нагружено чем попало, от почты до бакалейных товаров, и должно было посетить не менее десятка пристаней, расположенных между Темер-Лохом и Дампаром. Живой груз пронзительно пищал и кудахтал, осыпая палубу перьями, но большая часть товаров была упакована в мешки и ящики. Здесь можно было отыскать все что угодно – фрукты, овощи, медикаменты и даже сменный мотор для испорченного электрогенератора.

В трюме у носа посудины было несколько крохотных кают, набитых многоярусными койками, наводившими на мысль о летнем лагере, но Римо предпочел устроиться на палубе у бортовых поручней, откуда открывался вид на проплывающие мимо джунгли. В его голове, конечно же, вновь зашевелились воспоминания, и тем не менее он заметил кое-что, чего не замечал в своей предыдущей жизни, когда его в ущерб всему остальному занимала лишь игра «Убей или будешь убит». Из крон деревьев то и дело взмывали стайки птичек всех цветов радуги. Время от времени из воды с плеском выпрыгивала рыба, ловя роящихся в воздухе насекомых. Из-за кустов, обрамлявших речные берега, осторожно выглядывали туземцы, уверенные в том, что их никто не видит.

Горизонты Синанджу далеко выходили за рамки прочих боевых искусств и философии Дэвида Кэррэгайна, которой проникнуты фильмы белокожих авторов, изображающих на телеэкране мистические картины азиатского бытия. Синанджу – это был образ жизни, приводивший человека в состояние гармонии с природой, превращавший его тело, душу и разум в одно целое. Искусство Синанджу не было религией в привычном смысле этого слова, обозначающем диктат проповедника или

священных книг, которые навязывают покорной пастве моральные запреты, подкрепляя их обещанием страданий и наслаждений в зависимости от готовности человека пасть ниц перед всемогущим божеством. Наоборот, задачей мастера Синанджу было научить избранных всеми силами развивать свои способности. Леность, равнодушие, неправильное питание могли вернуть их в первоначальное состояние, а усердные дыхательные упражнения служили пропуском в неведомые прежде миры.

– У меня дух захватывает, – сказала Одри, подходя к Римо.

Римо огляделся.

– А где доктор Стокуэлл? – спросил он.

– Внизу, – ответила Одри, удрученно улыбнувшись. – Похоже, у него легкий приступ морской болезни.

– Но ведь мы плывем по реке.

– И тем не менее.

– А Чалмерс?

– Полагаю, забавляется со своим оружием. Хотите, чтобы я сходила за ним?

– Мне он не нужен.

Одри повернула лицо к джунглям и, приблизившись к Римо еще на полшага, прикоснулась к его плечу своим плечом и оперлась о поручень.

– До сих пор моя практическая деятельность ограничивалась раскопками в Штатах, – сказала она, понизив голос, словно поверяя Римо секрет. – До сих пор не верю, что я уже здесь. Это похоже на...

– Волшебный сон?

– Совершенно верно.

– Если хотите, могу вас ущипнуть.

– Это что – намек?

– Ну...

– Я искренне чувствую себя в долгу перед вами. За то, что вы сделали прошлой ночью.

– Прошлой ночью?

– Спасли меня от Чалмерса.

– Чепуха, не стоит вспоминать, – отозвался Римо.

– Как я понимаю, он поскользнулся и ударился головой. И тем не менее с его носом произошла странная вещь, вы не находите? Я готова поклясться, что он упал на спину.

– Было темно, – сказал Римо. – Я не обратил внимания.

– Как бы то ни было, вы вступились за меня, не испугавшись человека, вдвое большего вас по размерам. Если бы не вы... я нимало не сомневаюсь, что он собирался... ну, вы понимаете.

– Все это уже в прошлом.

– Я не хочу, чтобы он с нами ехал, Рентой, – продолжала Одри. – Там, куда мы направляемся, может случиться всякое. Я была бы счастлива, если бы рядом оказался кто-нибудь, на кого можно положиться.

Одри повернулась к Римо и приблизилась к нему еще чуть-чуть, при этом ее упругая грудь уткнулась ему в руку. Сегодня на Одри был бюстгальтер, но даже через несколько слоев ткани безошибочно чувствовался упорный натиск ее соска.

– У вас есть доктор Стокуэлл, – напомнил Римо.

Хохот Одри, непринужденный и громкий, застал его врасплох. В смехе женщины не было и следа застенчивости.

– Саффорд? Прошу вас! – Сосок Одри, словно подчеркивая ее слова, продолжал тыкаться в руку Римо. – Когда такой человек спускается с вершин академического Олимпа на грешную землю, он... Словом, до Клинта Иствуда ему далеко.

– Даже если нужно защитить близкого человека?

Щеки Одри порозовели, она моргнула и вновь расхохоталась.

– Господи, только не говорите мне, что эта бессмыслица докатилась из Джорджтауна до самого Нью-Орлеана!

– Какая бессмыслица?

– Сплетни о нашей с Саффордом пламенной любви. Я бы с радостью задушила того болтуна, который пустил этот слух.

– Значит... ничего такого не было?

Одри подбоченилась, уперев одну руку в бедро, а другой взявшись за поручень.

– Неужели я похожа на ископаемое, Рентой?

– Ничуть.

– То-то же. Мы с Саффордом работаем вместе, и мы друзья. За последние три года мы появлялись на людях вдвоем едва ли с полдюжины раз. Он очень любезный человек, понимаете? И совершенно безобидный.

– Судя по всему, вам надоели его безобидность и любезность.

– А кому они не надоедают? – Одри вновь приблизилась к Римо, обдав его жаром своего тела.

– Что ж, Чалмерс всегда к вашим услугам.

– Меня не привлекают особи чужого вида. – Одри запнулась и посмотрела в глаза Римо. – А вы... Вы не... Я хочу сказать...

– Что «не»?

Одри подняла руку и взмахнула ладонью, расслабив запястье.

– Вы сами знаете.

Настала очередь Римо рассмеяться.

– В последнее время – нет, – ответил он.

– Да, я так и поняла, – сказала Одри, прижимаясь к Римо бедром на тот случай, если он не заметил настойчивого натиска

ее груди. – Женщины хорошо в этом разбираются.

– Интуиция, – заметил Римо.

– И это тоже.

– А что же доктор Стокуэлл? Он знает, что вы – лишь друзья?

– Должен бы. Во всяком случае, между нами ничего не было.

– Порой мужчина видит то, что ему хочется видеть.

– Уж не знаю, что он видит, но я ничего ему не показывала. Я не отвечаю за воображение других людей.

– Я бы не хотел менять предмет разговора...

– Так не меняйте.

– Позвольте все же чуть-чуть отклониться от темы.

Одри недовольно надула губы.

– Что ж, если без этого не обойтись...

– Я хотел спросить о динозаврах.

– Ясно. Вы хотите узнать, верю ли я в то, что мы найдем затерянный мир? – Одри улыбнулась и покачала головой. – Честно говоря, не верю.

– И все же вы здесь.

– Да, я здесь, черт побери. Когда вы в последний раз заглядывали в аудиторию, Рентой?

– Давно.

– Я провожу семинары для студентов четыре дня в неделю, – продолжала женщина. – Я знаю, мои занятия нельзя назвать очень уж напряженными, а платят совсем недурно. В конце концов наш университет – это вам не захолустная школа, где ученики ходят с пистолетами. Я не жалуюсь... впрочем, нет. Жалуюсь. Но без особой горечи. Меня заела скука, Рентой. Каждые год-полтора я публикую очередной отчет о следах доисторического прошлого, играю в кабинетную политику. Но сейчас... Это ведь настоящее приключение. Подумать только, а вдруг мы найдем что-нибудь интересное?

– Например, полезные ископаемые, – подсказал Римо, забрасывая наживку.

– Мне и в голову не приходило сравнивать себя с вольным старателем, но, может быть, вы правы, – отозвалась Одри. – Вы отправляетесь на поиски и что-то находите либо возвращаетесь домой с пустыми руками. Но по крайней мере вы что-то делаете.

– Вы слишком молоды, чтобы пускаться во все тяжкие, – заметил Римо.

– Я не так уж молода, но за комплимент спасибо.

– Это не комплимент.

– Полагаю, вам трудно понять меня, не побывав в моей шкуре. Ведь вам, чтобы развлечься, достаточно подоить своих змей.

Римо улыбнулся.

– Заведите себе хобби, – предложил он.

– У меня есть хобби, – ответила Одри. – Но оно требует осторожности. Якшаться со студентами – упаси Бог! А к большинству своих коллег я бы не подошла и на пушечный выстрел.

– Что ж, если у вас такие чрезмерные запросы...

– Вы были бы удивлены, узнав, какой я гибкий человек, – сказала Одри.

– Возможно.

Их внимание привлек всплеск у берега и длинный чешуйчатый хвост, уходящий под воду.

– Так вы говорите, здесь нет крокодилов?

– Имея дело с живыми существами, нельзя забывать о том, что они не подчиняются выдуманным правилам, – промолвил Римо.

– От этого жизнь становится лишь интереснее, – подхватила Одри. – По каким правилам играете вы, Рентой?

– Живи сам и давай жить другим, – сказал Римо. – Все, что происходит вокруг...

– Вы женаты? – прервала его Одри.

– Ну... есть одна на примете.

– Мне кажется, вы до сих пор... обладаете определенной свободой выбора.

– Как и все мы... пока не умрем.

– Я удивлена.

– Отчего же?

– Таких мужчин, как вы, женщины стремятся привязать к себе навсегда.

– Так поступает большинство женщин, во всяком случае, многие. Их принуждает к этому особый инстинкт.

– Я – не большинство, – сказала Одри.

– Я уже заметил это.

– Мне нравятся мужчины с чувственной натурой. Мужчины, способные взволновать женщину.

– Неужели это трудно?

– Вы не поверите, но это так. В моей жизни бывало немало таких, знаете... бум, бам, спасибо, мадам.

– Отвратительно.

– Но это не значит, что я недотрога.

– У меня и в мыслях не было считать вас недотрогой.

– Порой это даже забавно – короткий, ни к чему не обязывающий роман.

Римо улыбнулся и покачал головой.

– Я в этом не разбираюсь.

– Вы очень много потеряли, – заявила Одри. – Вам нужен хороший учитель.

– Я отдаю все свои силы работе.

– Нуда, конечно. Работа, и ничего, кроме работы.

– Вы попали в точку.

Левая рука женщины скользнула под поручень и скрылась из виду. Ее теплые пальцы легонько погладили застежку брюк Римо.

– Вы тоже.

Послышался свист, и «Баби Кали» резко свернула к берегу, направляясь к прогнившему деревянному пирсу. Там стояла белокожая монахиня лет пятидесяти в окружении туземцев.

– Пойду проведаю Саффорда, – сказала Одри. – Вернемся к нашему разговору позже.

– Жду с нетерпением, – отозвался Римо.

* * *

По сравнению с Дампаром Темер-Лох мог бы показаться чем-то вроде лондонской Таймс-сквер накануне Рождества. Под ногами жалобно скрипел покосившийся причал, словно грозясь вот-вот рухнуть. На берегу виднелось около десятка строений, вплотную окруженных джунглями. Из-за влажности лесная гниль быстро распространялась на все, что не было вычищено или покрашено. Местный «отель» представлял собой восемь хижин, выстроенных в ряд фасадами к реке в пятидесяти ярдах от воды. Из оборудования тут были металлические койки, походные стулья, складные столы, газовые лампы, множество противомоскитных сеток и дизельный электрогенератор, который то и дело выходил из строя без видимых причин. Помимо хижин, на берегу располагались полуразвалившаяся лавка, крохотный лазарет, школа, состоявшая из единственного помещения, и общественная столовая.

Экспедицию встретил коренастый приземистый малаец, втиснутый в изрядно поношенный костюм из синтетической ткани. Его масляная улыбка напомнила Римо о продавцах подержанных машин, но оказалось, что этот человек владеет всем, что только было в Дампаре – от замков на дверях до полчищ заразных микробов. Здороваясь с гостями, он щедро расточал комплименты, бросая на Одри плотоядные взгляды, которые смутили бы и бывалую проститутку. Туземные грузчики принялись перетаскивать из катера багаж, а хозяин проводил участников экспедиции в их «номера».

Каждому досталась отдельная хижина – никаких тебе соседей по комнате.

Экспедиция прибыла в Дампар более или менее по расписанию – в пределах той точности, которая принята в Юго-Восточной Азии, то есть, как и ожидалось, двигаться в дальнейший путь было уже поздно. Ночь в джунглях опускается с пугающей быстротой; нависающие над головой плотные кроны деревьев поглощают львиную долю солнечных лучей, поэтому сумерек практически не бывает.

На ужин подали нечто вроде жаркого с картофелем в пластмассовых мисках, а также хлеб домашней выпечки и чуть тепловатый кофе. Римо безропотно расправился с угощением, подавив желание навести справки о происхождении мяса. Он с удовольствием заказал бы рис и овощи, но в Дампаре не было ни официантов, ни меню.

После ужина его спутники погрузились в беседу, длившуюся около часа. Стокуэлл вынул карту и принялся наносить на нее уточняющие штрихи, а Чалмерс время от времени вставлял свои замечания. Судя по всему, до сих пор британцу не доводилось охотиться в Тасик-Бера, и он ограничивался рассуждениями общего характера, вспоминая истории об алчных тиграх, трясинах, заросших редчайшими орхидеями, и тому подобных ужасах джунглей. Римо держал рот на замке, встречаясь взглядом с великаном охотником, когда этого нельзя было избежать, и улыбаясь Одри всякий раз, когда она наступала ему на ногу под столом.

Путешественники разошлись около девяти вечера, готовясь отойти ко сну, но Римо предпочел отправиться на пристань. «Баби Кали» продолжала свой путь на юг к Бахау и Сигамату. Когда двое суток спустя ветхая посудина двинется обратно на север, экспедиция будет уже далеко.

Одри отыскала Римо у воды. Он почувствовал ее приближение по запаху репеллента, который теперь служил женщине взамен духов. Вместо того чтобы заговорить первым, Римо позволил ей застать себя «врасплох».

– Я не пожалела бы доллара, чтобы выведать ваши мысли.

– Они не стоят тех денег.

– Не может быть. Ведь мы находимся на том пороге, за которым начинается самое волнующее приключение в нашей жизни. Мужчина и женщина, затерянные в девственном лесу.

– То место, куда мы отправляемся, отнюдь не похоже на райские кущи, – заметил Римо.

– Это так. И я счастлива, что рядом со мной будет человек, умеющий обращаться со змеями.

– Простейшее правило, доступное любому: все, что движется и дышит, неприкосновенно.

– Звучит достаточно мрачно.

– Чтобы выжить, надо уметь держать себя в руках.

– Жаль. Я только и думаю о том, как укротить большого зверя, – сказала Одри.

– Будьте осторожны со своими желаниями, – предупредил Римо.

– Я всегда осторожна.

– Знаете анекдот о черепахе и скорпионе?

– Что-то не припомню.

– К черепахе, которая собралась переплыть через реку, подошел скорпион и попросил взять его с собой. «Я не могу вас перевезти на тот берег, – сказала черепаха. – Вы ужалите меня, и я умру».

– Какая умница, – похвалила Одри.

– Скорпион подумал и сказал: «Я не ужалю вас, госпожа черепаха, ведь я не умею плавать и непременно утону».

– В этом есть свой смысл.

– Черепаха подумала и согласилась. Она посадила скорпиона себе на спину и вошла в воду. На полпути между берегами она почувствовала внезапную жгучую боль и онемение, охватившее ее конечности. «Зачем вы ужалили меня, господин скорпион? – воскликнула черепаха. – Теперь мы оба умрем». В ответ скорпион пожал плечами и сказал: «Не смог удержаться».

– Чудесная сказочка на сон грядущий. В чем же ее мораль?

– Я лишь рассказал анекдот, – заметил Римо. – А вы понимайте как хотите.

– По-видимому, мне отводится роль черепахи, – промолвила Одри. – Не очень-то лестное сравнение.

– Вместо черепахи мог быть лебедь. Смысл от этого не изменится.

– А вы, значит, скорпион?

– Может быть.

– Мне так не кажется.

– Вы еще не видели моего жала, – сказал Римо.

– Была бы рада. Что мешает нам уединиться в моей хижине и...

– Мне бы не хотелось будить соседей.

– Не бойтесь. Я не из тех, кто кричит.

– Может быть, я закричу.

– Гадкий мальчишка. – Одри всмотрелась в глаза Римо. – Вы отвергаете меня? – спросила она.

– Ничуть. Давайте скажем так: встреча отложена из-за дождя.

– Ожидание не причиняет страданий, если не затягивается слишком долго, – ответила Одри, поворачиваясь к хижинам. – Но не забывайте: в джунглях нас ждут сильные ливни.

– Я помню.

– В таком случае желаю вам приятных сновидений.

Глава 8

Римо проснулся с петухами, в буквальном смысле этого слова. Кто-то привез в Дампар с десяток клушек и сухопарого задиристого кочета, и их шумная возня во дворе «гостиницы» подняла Римо с постели незадолго до рассвета. Он не стал изнурять себя тренировкой, лишь, как обычно по утрам, проделал несколько упражнений, помогавших поддерживать форму, – немножко дыхательной гимнастики и приемов тай-чи, боевого искусства, которое, как утверждал Чиун, позаимствовало все свои секреты из Синанджу.

Одевшись и приготовившись к очередному дню путешествия, Римо вышел из хижины около, шести утра, в тот самый миг, когда дневной свет начинал пробуждать джунгли к жизни. Впрочем, жизнь в лесу не замирала и в темное время суток. Вокруг бродили хищники, и их зловещее рычание сулило новичку бессонную ночь. Но с восходом солнца мрачные тени отступали, дожидаясь, пока светило не закатится вновь.

Десять минут спустя проснулся Пайк Чалмерс. Ночью он налепил на нос свежий пластырь, и теперь на его загорелом лице сияло белоснежное пятнышко. Синяк под глазом уже начинал менять цвет, превратившись из пурпурного в розовато-лиловый, который в ближайшие два-три дня должен был смениться ядовитым желто-зеленым оттенком.

Охотник не стал приближаться к Римо, лишь смерил его взглядом, повернулся и неторопливо побрел к столовой, откуда доносились ароматы съестного. Пятнадцать минут спустя все пятеро членов экспедиции собрались за общим столом, и слуги-малайцы подали яичницу, жареную рыбу и жареные овощи. Если местные жители и опасались чего-то, то только не избытка насыщенных жиров.

– Неужели все это зажарено в свином жиру? – спросила Одри обеспокоенным голосом.

Римо нахмурился.

– Покуда разгружали лодку, я не заметил ни одного ящика растительного масла, – сказал он.

– Кошмар. Я опять стану толстой, как в школьные годы.

– Не забывайте, где мы находимся, – мягко упрекнул ее Стокуэлл. – Наши хозяева сделали все, что было в их силах.

– Да, конечно. Простите, Саффорд.

– Вам не нужно извиняться, дорогая.

– Что-то я не вижу нашего проводника, – заявил Чалмерс, как будто знал его в лицо.

– Я уверен, он уже здесь, – ответил Сибу Сандакан, обращаясь ко всем присутствующим и бросая на Чалмерса мимолетный скептический взор.

Каковы бы ни были его познания в деле убийства животных и опыт путешествий в джунглях, Пайк Чалмерс, судя по всему, так и не выучился хорошим манерам. Один лишь доктор Стокуэлл не замечал его вызывающей грубости; Римо объяснял это обстоятельство глубокой сосредоточенностью профессора на цели экспедиции.

– Сколько времени потребуется, чтобы добраться до Тасик-Бера? – спросила Одри.

– Двое суток в самом благоприятном случае, – ответил Стокуэлл.

– Если у нас не возникнет затруднений с чертовыми туземцами, – добавил Чалмерс.

Сандакан пронзил англичанина суровым взглядом.

– Позвольте заверить вас, что наш народ не испытывает враждебности к вашей экспедиции, – изрек он.

– Я говорю не о вас, жителях городов, – с явной издевкой отозвался Чалмерс. – А о тех чертовых лесных обезьянах, что ждут нас впереди.

– Я нахожу ваш выпад оскорбительным, сэр!

– Неужели? Что ж, я...

– Прошу вас, господа! – Румянец возбуждения, вспыхнувший на щеках Стокуэлла, придал облику профессора живость, о которой Римо до сих пор даже не подозревал. – Я полагаю, в этом предприятии мы выступаем единой командой. Раздоры могут повредить нам и поставить под угрозу наши планы.

Чалмерс несколько секунд сердито смотрел на Стокуэлла, потом швырнул на стол салфетку и отправился восвояси, проворчав напоследок:

– Проклятые желтопузые.

– Я должен извиниться за Чалмерса, мистер Сандакан. Каковы бы ни были его взгляды, мы их не разделяем. – С этими словами Стокуэлл обвел рукой стол, указав на Римо и Одри, сидевшую рядом.

– Может быть, вам стоило пригласить кого-нибудь другого, – сказал малаец.

– Согласна с вами целиком и полностью, – ввернула Одри.

– Видите ли, у нас было мало времени, а у Чалмерса отличные рекомендации. Между прочим, от вашего правительства, – ответил Стокуэлл, бросая встречный упрек. – Попытаться заменить Чалмерса в последний день было бы равносильно отмене экспедиции.

– Даже если и так... – Судя по всему, слова профессора показались заместителю министра неубедительными.

– Обещаю вам, что Чалмерс не создаст нам трудностей в лесу. Ручаюсь своим именем, – сказал Стокуэлл.

Сандакан глубокомысленно нахмурился.

– В таком случае, доктор, коли вы берете на себя ответственность за действия мистера Чалмерса...

Ага. Римо заметил сети, расставляемые малайцем, но не сделал ничего, чтобы помешать Стокуэллу угодить в ловушку.

– Ну, разумеется, – ответил профессор. – Итак, решено. Не будем падать духом.

– Что ж... – В голосе малайца не было и следа убежденности, но спорить он не стал.

Проводник ждал их у дверей столовой. Это был молодой человек лет тридцати, с копной ниспадавших на плечи угольно-черных волос, давно не видевших расчески. Левая половина лица проводника была изуродована четырьмя глубокими шрамами, пробегавшими от скулы до подбородка. Когда он улыбался, поврежденная половина его лица морщилась, собираясь складками, напоминая Римо мятую фотографию.

Появился хозяин и представил гостям незнакомца. По его словам, Кучинг Кангар был одним из лучших проводников и следопытов в окрестностях.

– Никто не выслеживай тигра, как Кучинг, – сказал хозяин и добавил, указывая на лицо молодого человека: – Один раз, я думай, он подошел слишком близко.

– Спасибо, успокоил, – проворчал себе под нос Чалмерс.

– Сначала мы плыть на каноэ, – сообщил проводник. – А потом, если вы действительно хотеть найти Нагак, мы идти пешком.

– Мы действительно хотим его найти, – ответил Стокуэлл, улыбаясь за всех четверых.

– У вас хватит ружей, чтобы убить Нагака? – осведомился проводник.

– Оружие – моя забота, – заявил Чалмерс. – Полагаю, «уэзерби-магнум» справится с кем угодно.

– Мы вовсе не намерены убивать чудовище, – сказал Стокуэлл, обращаясь скорее к Чалмерсу, чем к проводнику. – Мы надеемся отыскать его, изучить, может быть, сделать несколько фотографий.

Кучинг Кангар, казалось, был сбит с толку.

– Значит, вы не стрелять? – спросил он.

– Разве что из фотоаппарата, – ответил Стокуэлл, глядя на Сибу Сандакана, одобрительно кивнувшего головой. – Мы не

собираемся охотиться.

– Скажите это Нагаку, – сказал молодой человек, безразлично пожав плечом. – Он не любить посетителей.

Следующие полчаса были посвящены погрузке багажа и оборудования в каноэ, привязанные к покосившемуся деревянному пирсу. Пайк Чалмерс появился из хижины с тяжелой винтовкой на плечах, крест-накрест опоясанный патронташем, в котором блестели гильзы толщиной в человеческий палец. Его лихой вид дополняли пояс с револьвером, висевшим на правом бедре, и длинный нож на левом. Шляпа Чалмерса напомнила Римо детские фильмы про Тарзана. Ее широкие поля были загнуты на австралийский манер и украшены полоской леопардовой шкуры.

Рассаживаясь по лодкам, участники экспедиции разбились на две группы по три человека. Кучинг Кангар занял место на носу ведущего каноэ, доктор Стокуэлл и Сибу Сандакан устроились у него за спиной. Римо, Одри и Чалмерс плыли на второй лодке. Римо уселся на корме, Чалмерс – впереди, а Одри между ними.

– Чтобы хорошо грести, нужно быть крепким парнем, – бросил Чалмерс, презрительно ухмыляясь.

– Я не из слабаков, – отозвался Римо. – Надеюсь, вы помните.

Чалмерс нахмурился.

– Я никогда ничего не забываю, сынок, – сказал он.

– Рад это слышать.

Первые полмили пути дались без особого труда. Каноэ легко скользили вниз по течению, но, если бы экспедиции удалось достичь цели, двигаясь по главному руслу реки, это было бы чересчур просто. Полчаса спустя после отплытия из Дампа-ра Римо увидел, что ведущее каноэ свернуло налево, к востоку. Кучинг Кангар направил лодку в извилистую протоку, проходившую под плотным покровом деревьев, практически полностью скрывавших солнце.

Теперь, когда каноэ шли против течения, гребцам пришлось потрудиться, но Римо легко управлялся с деревянным веслом, погружая его в воду то с одного борта, то с другого и продвигая лодку вперед. Сидевший перед ним Чалмерс начал обливаться потом еще до того, как главное русло исчезло из виду. На его зеленой рубашке проступили темные мокрые кляксы. Чалмерс не смотрел на Римо, зато Одри то и дело оглядывалась. Ее улыбка в искусственных сумерках казалась кокетливой.

Слишком много осложнений, думал Римо. Но сейчас с этим ничего нельзя было поделать. Лучшим и единственным образом действий для него была неусыпная бдительность. Он должен был внимательно присматриваться к членам группы, пытаясь уловить

признаки того, что кто-то из них интересуется не столько динозавром, сколько ураном.

А что, если все они окажутся именно теми, кем представляются? Что делать, если путешествие окажется пустой тратой времени?

Что ж, не его дело. Все свои задания он получал от Смита, не имея возможности принимать самостоятельные решения, которые расходились бы с мнением шефа КЮРЕ. Если Смит на сей раз ошибся и экспедиция доктора Стокуэлла представляет собой сумасбродную затею, охоту за доисторическими животными, то пусть будет так. Римо выполнит задание и не станет жаловаться, если ему никого не придется убивать. В таком случае путешествие можно будет считать отпуском за казенный счет, да еще с таким приятным (и бесплатным) приложением, как Одри Морленд.

Но только не сейчас.

Порой бывает куда проще выявить врага, нежели убедиться в его отсутствии. Римо будет действовать, исходя из предположения, что кто-то из членов экспедиции, а может, сразу несколько, замышляет вероломство – до тех пор, пока не уверится в том, что Харолд В. Смит ошибся.

И будет управляться с врагами по мере того как они станут выказывать свое истинное лицо.

* * *

Спустя полтора часа после отплытия экспедиции Стокуэлла к покосившемуся пирсу Дампара причалил скоростной катер с единственным пассажиром на борту. Это был невысокий хрупкий на вид человек, с ног до головы одетый в черное. Цвет, покрой и материал его костюма повергли жителей Дампара в изумление – до сих пор никто из них ни разу в жизни не видел черного шелкового кимоно. Еще большее удивление вызвала обувь незнакомца – простые сандалии, сплетенные из тростника, в то время как большинство путников, забредавших в эти места, носили тяжелые туристические башмаки.

Удивление по поводу наряда вновь прибывшего не шло ни в какое сравнение с тем замешательством, которое испытали местные жители, определив его возраст. Это был пожилой человек – впоследствии кое-кто утверждал, что было бы правильнее назвать его глубоким стариком, – с лысым черепом и жалкими седыми прядками волос, ниспадавших на уши. Еще у него были тоненькие усики, которые, впрочем, выглядели на

азиатском лице гостя вполне уместно. Население Дампара пустилось в рассуждения относительно его национальности, длившиеся до следующего дня. Кто этот старик? Японец? Китаец? Вьетнамец?

Приезжий был корейцем, но правильной догадки не высказал никто. Местные жители ошиблись, показав себя менее проницательными, чем они воображали.

Морщинистый незнакомец прибыл без багажа, имея при себе лишь вязаную сумочку, притороченную к поясу. Он был столь худ и тонок, что женщины селения затеяли спор по поводу того, что случится, если поднимется ветер. Одни утверждали, что старик свалится с ног, другие утверждали, что он улетит прочь.

Хорошо еще, что местные жители привыкли к незнакомцам и были достаточно благоразумны, чтобы держать свои соображения при себе. Какой-нибудь недоумок вполне мог бы поглумиться над стариком или позубоскалить на его счет с приятелями, а невоспитанные дети – высмеять незнакомца или даже побить его камнями. Тот факт, что Дампар и его обитатели до сих пор пребывают в добром здравии, является вполне убедительным свидетельством того, что ни одно из этих прискорбных событий так и не произошло.

Старик уединился с хозяином гостиницы и принялся торговаться с ним, не назвав ни своего имени, ни дела, которое привело его в Дампар. А хозяин и не спрашивал, поскольку излишнее любопытство могло впоследствии выйти боком, если бы случилась какая-нибудь неприятность.

Внешность незнакомца не располагала к расспросам. Скорее, представлялось благоразумным побыстрее выяснить, что ему нужно, сойтись в цене и отправить его восвояси.

Старик спросил каноэ, мешок риса и больше ничего – ни карт, ни проводника, ни походной одежды или утвари, необходимой для путешествия в джунглях. Он совершенно ясно дал понять, что надеется вернуть лодку обратно, но может случиться и так, что это будет невозможно, поэтому он предпочитает не арендовать, а купить каноэ. Хозяин назвал цену, но, взглянув на посуровевшее лицо незнакомца, передумал. В конце концов, одна лодка – чепуха. За то время, пока будут срастаться его кости, сыновья сделают сотню таких.

Второе предложение оказалось вполне приемлемым. Старик кивнул, улыбнулся и вынул из сумочки три монеты различного размера. Хозяин видел такие монеты впервые в жизни. На них были изображены профили разных незнакомых людей, но все три были отлиты из настоящего полновесного золота. Хозяин убедился в этом, тщательно опробовав монеты на зуб, и скрепил

сделку рукопожатием.

Секунду спустя он осторожно поглаживал свои пальцы, размышляя, откуда у хрупкого старичка такая железная хватка.

Потом незнакомцу пришлось подождать возвращения двух юнцов, отправленных хозяином за лодкой, веслом и джутовым мешком риса. Завидя подростков, сгибавшихся под тяжестью каноэ, старик перехватил его, без видимых усилий поднял над головой и спустился к реке. К этому времени на берегу собралась толпа, однако жители Дампара умели держать язык за зубами. Они не стали отпускать замечаний или приставать к старику с расспросами. Они молча стояли и наблюдали за тем, как тот выгреб на середину реки и скрылся в южном направлении.

Все сошлись на том, что это был самый необычный день в истории деревни. Сначала прибыли круглоглазые в сопровождении малайца и отправились в Тасик-Бера искать там Нагака. Следом за ними появился маленький старичок, которому следовало бы сидеть дома где-нибудь в Токио, вместо того чтобы бродить безоружному по малазийским джунглям в своем черном шелковом кимоно. И тем не менее кое-кто утверждал, будто бы у старичка куда больше шансов уцелеть, чем у американцев со всем их хваленым оснащением.

По крайней мере старичок не собирался искать чудовище, которое пожирает людей живьем и пользуется их костями вместо зубочистки.

* * *

Было около часа дня, когда Кучинг Кангар причалил к берегу и посигналил второму каноэ, предлагая последовать своему примеру. Вытащив лодки на сушу, участники экспедиции взвалили на плечи рюкзаки, и Римо предложил доктору Стокуэллу свою помощь. Он вызвался нести оборудование для видеосъемки, которое лишь ненамного утяжелило бы его ношу, зато Римо получал возможность исследовать поклажу профессора и выяснить, нет ли в его багаже чего-нибудь, напоминающего счетчик Гейгера.

– Главный русло поворачивай здесь на юг, – объяснил Кучинг Кангар. – А мы идти дальше на восток, к Тасик-Бера. Вон туда.

С этими словами он указал на сплошную стену деревьев, казавшуюся совершенно непроходимой. Однако, присмотревшись внимательнее, Римо заметил нечто вроде тропинки, которую, вне всяких сомнений, протоптали звери, которые спускались к реке на водопой, выбрав это направление в качестве пути наименьшего

сопротивления. Если эта местность похожа на Вьетнам, подумал Римо, то джунгли должны быть испещрены тысячами потайных тропинок, многие из которых никуда не ведут, а на других круглые сутки кипит жизнь.

Любую хорошо утоптанную тропу можно было считать пространством для игры в хищника и добычу, «пищевой цепью» в ее простейшей, примитивной форме. Начиная с этого мгновения путешественникам следовало держать ухо востро, опасаясь всего подряд – от змей до рыщущих тигров и стараясь не попасть в меню лесного охотника, никогда не ведавшего страха перед человеком.

Пайк Чалмерс скинул винтовку с плеча. К предохранителю он даже не прикоснулся, но Римо подумал, что Чалмерс вполне мог привести оружие в состояние боевой готовности еще до того, как покинул хижину – загнать патрон в патронник, снять предохранитель, – и теперь можно было ожидать чего угодно, в том числе и несчастного случая. Кто помешает Чалмерсу споткнуться и, падая, словно невзначай нажать спусковой крючок? И кто осмелится винить Чалмерса, если его пуля снесет Римо голову?

– Только после вас, – ухмыляясь, процедил Чалмерс, как только экспедиция углубилась в дебри леса.

– Я сам могу постоять за себя, – отозвался Римо. – Тяжелая артиллерия нужнее там, впереди, на тот случай, если мы встретим слона или кого-нибудь еще.

– Да, пожалуйста, вы идти со мной, – распорядился проводник и остановился, дожидаясь, пока великан займет свое место в строю. Стокуэлл шел третьим, Сибу Сандакан двигался следом за профессором, Одри Морленд была пятой, а Римо прикрывал тылы.

Пока все идет хорошо, подумал он. Шагая последним, Римо получал возможность наблюдать за всеми спутниками и должным образом реагировать на любые поползновения Чалмерса, шедшего во главе группы. К тому же, хотя остальные и не догадывались об этом, поставив Римо замыкающим, они обеспечили себе такую защиту с тыла, с какой не могли сравниться никакие ружья, если, конечно, экспедиция не наткнется на динозавра.

Давайте не будем увлекаться фантазиями.

По мнению Римо, экспедиция скорее встретила бы в джунглях Элвиса Пресли или пришельца, прибывшего из другой галактики. Римо ничуть не удивился бы, узнав, что высоколобые ученые попросту решили устроить себе бесплатный отдых в девственных лесах и заодно погоняться за призраками, но был бы искренне

изумлен, если бы поиски увенчались успехом.

С другой стороны, Римо был вынужден отдать должное сочинителям легенд. Если им потребовалось выбрать точку на земле, где могло происходить все что угодно, то сердце полуостровной Малайзии было идеальным местом. Римо и без поучений шефа КЮРЕ понимал, что здесь бывали очень немногие белые люди, да и те задерживались слишком недолго, чтобы оставить сколько-нибудь заметный след. Что же до туземцев – если, конечно, здесь обитало какое-нибудь племя, – то они были бы только рады, если бы им удалось скрыться от глаз любопытных гостей с Запада и жить, как жили многие поколения их предков, хотя и подвергаясь опасности оказаться в зубах ящера. Если бы у них была возможность выбирать, туземцы не колеблясь предпочли бы иметь дело с лесными зверями, даже самыми чудовищными, чем с белокожими людьми, которые являются в джунгли с винтовками и фотоаппаратами, разрушая сложившийся порядок вещей.

Римо мельком подумал, что бы сказал Чиун о цели их поисков, если забыть о его страстном желании заполучить волшебный драконий клык. Удивлен ли он, или его раздражает самонадеянность ученых, вознамерившихся вырвать у планеты все ее тайны?

Покуда голову Римо занимали праздные рассуждения, его чувства продолжали впитывать впечатления, сообщаемые кипением жизни вокруг. Они были не одни в лесу. Уши Римо улавливали скрип грызунов, копошащихся в подлеске, шорох птиц и обезьян, перелетающих с ветки на ветку над головой. Римо заметил змею, скользнувшую по тропинке за спиной Одри, но распознать ее он не успел.

И было что-то еще.

Чувство, которое Римо не смог бы описать. Это был не запах и не звук, но что-то говорило ему, что за ними следят. На расстоянии, осторожно и умело. Римо не мог сказать, кто это был – человек или зверь.

Возьми себя в руки, подумал Римо. Ты грезишь наяву.

Беда лишь в том, что он знал, что не спит.

Искусство, которое преподавал ему Чиун, пробуждало в человеке чувства и ощущения, о которых он даже не подозревал. Обучение требовало времени и усилий, но, раз овладев этой наукой, ты пользовался ее секретами без труда. Это было так же просто, как слышать произносимые вслух слова или открывать глаза, чтобы видеть.

За путешественниками кто-то следил, в этом не было никаких сомнений.

Римо чуял слежку нутром, но предпочел оставить свои мысли при себе. Во-первых, он не смог бы убедить остальных в своей правоте – разве что продемонстрировав им мощь Синанджу, отправившись на поиски и отыскав человека (или животное), идущего по их следам, но у Римо не было ни малейшего желания раскрывать свое истинное лицо. Во всяком случае, сейчас. А голословные утверждения лишь убедили бы спутников в том, что он – трусоватый неврастеник, испугавшийся непривычной обстановки. Римо, конечно, снес бы насмешки, но у него была иная, более серьезная причина скрывать то, что он знал.

Если Смит не ошибся и в группу затесался лазутчик, то в его распоряжении вполне могли оказаться посторонние помощники на тот случай, если придется копать, носить тяжести или избавляться от лишних свидетелей. Сколько их, этих помощников? Римо оставалось лишь гадать. Их могло быть и два, и двенадцать, а то и больше, если за поисками урана стоит крупная влиятельная организация.

Численность противников не пугала Римо, но раздражала. Чиун не раз говорил, что умелый ассасин всегда старается получше узнать врага и, борясь с ним, пускает в ход любые средства, позволяющие избегнуть нежелательных обстоятельств и свести к минимуму опасность. Устранить главу государства можно было только в том случае, если за его жизнь была назначена солидная награда, в то время как мелких пешек, преследующих ассасина, следовало уничтожать в любое время и в любых количествах.

Спокойно, сказал себе Римо.

Ему не составило бы ни малейшего труда вернуться назад, покинув на время группу, и выяснить, кто (или что) крадется по следам экспедиции, но Одри Морленд могла бы оглянуться и, не увидев Римо, поднять панику, которая в лучшем случае закончилась бы неудобными расспросами. Поэтому Римо решил, что в настоящее время достаточно и того, что он знает о преследователе и будет настороже на тот случай, если чужак приготовится нанести удар. Тогда Римо придется действовать, хотя бы для того, чтобы защитить себя.

А пока его главной задачей было наблюдать за доктором Стокуэллом и другими участниками экспедиции, пытаясь выяснить, кто из них более всего похож на человека, лелеющего собственные тайные замыслы. Наибольшие подозрения вызывал Чалмерс, но он был слишком прямолинеен в выражении своих чувств. Впрочем, это мог быть коварный отвлекающий маневр.

Доктор Стокуэлл был образцовым ученым, лошадкой в шорах, которая знает только свое пастбище... или это только казалось?

Что двигало профессором – желание отвлечься от скучной преподавательской деятельности? А может, находка урана сулила доходы, в сравнении с которыми профессорский оклад в Джорджтауне выглядел жалкими крохами?

Римо подумал об Одри Морленд. Под маской естествоиспытателя скрывалась лукавая, сладострастная личность, которая была и навсегда останется тайной для многих ее приятелей. Не прячется ли за этими двумя лицами третья, алчная натура, с нетерпением дожидающаяся дня, когда будет выплачена награда, которая обеспечит Одри безбедное существование?

Помимо остальных, Римо не мог сбрасывать со счетов и Сибу Сандакана, официального соглядатая малайского правительства. Заместитель министра или его начальник нимало не затруднились бы отправить солдат следить за экспедицией на тот случай, если путешественники обнаружат что-нибудь – уран или динозавра, не важно, – а правительство впоследствии наложило бы на добычу руку, надеясь пополнить оскудевшую казну. А если Сандаканом овладеет жадность и он решит оставить находку себе, рассчитывая сбагрить ее на черном рынке? Кто помешает солдатам подчиниться приказу чиновника, коль скоро они уверены, что он действует по распоряжениям свыше?

Слишком много подозреваемых, сказал себе Римо. Однако мысль о том, что среди его спутников сразу двое или трое сообща замышляют темное дело, казалась ему маловероятной. Тем больше у настоящего лазутчика причин держать под рукой подкрепление.

Путешественники шагали несколько часов, останавливаясь через каждую милю-две пути для короткого отдыха, и наконец вышли на лужайку двадцати ярдов в ширину и около тридцати в длину. Римо услышал шелест воды, протекавшей невдалеке к северу от лужайки.

– Здесь мы устраивай лагерь на ночь, – сказал проводник и сбросил тяжелый рюкзак.

Глава 9

– Интересно, откуда в джунглях могла взяться такая прогалина? – промолвил Стокуэлл, снимая с плеч поклажу и обращая свой вопрос ко всем присутствующим.

Первым отозвался проводник.

– Говорят, когда-то давно здесь отдыхай большие великаны, – сказал он. – Во время сна они сбивай деревья.

– Великаны, – пробурчал Чалмерс. – Чушь собачья.

– Это явление легко объяснить составом почвы, – заявила Одри Морленд, ни дать ни взять ученый-ботаник в своей лаборатории. – Здесь имеет место недостаток питательных веществ либо отклонение в толщине плодородного слоя земли.

– Версия с великанами мне больше по душе, – сказал Стокуэлл. – Она более... романтичная, что ли.

– Здоровенный увалень храпит и сшибает деревья. Что же тут романтичного? – спросил Чалмерс.

– Вы меня не поняли, мистер Чалмерс. Романтика не имеет ничего общего с похотью или, скажем, потным телом. Особый душевный настрой, своеобразный ход мыслей...

– Нет уж, увольте. Я предпочитаю мыслить ясно и отчетливо.

Путешественники быстро поставили палатки. Одри запуталась в растяжках, и Римо пришел ей на помощь.

– Тут очень тесно, – сказала Одри, хмурясь.

– Так и должно быть, – заверил ее Римо. – У каждого из нас своя отдельная палатка.

– А вы думали, я соглашусь делить кров с кем-то еще? – спросила женщина, удивленно вытаращив глаза.

– Придется вам привыкать к тесноте.

– За мной дело не станет, – отозвалась Одри и пробралась к выходу, прижавшись к Римо грудью.

Он вышел следом, глядя на удаляющийся зад Одри, которая направилась к деревьям, покачивая бедрами.

– Одри! – тревожным голосом воскликнул доктор Стокуэлл.

– У меня возникла маленькая интимная потребность, Саффорд. Не беспокойтесь, со мной все будет в порядке.

Пайк Чалмерс смотрел вслед уходящей женщине, но, уловив взгляд Римо, с дерзким видом повернулся к нему, положив руку на револьвер. Словно ковбой, подумал Римо и опустил глаза, сделав вид, что не заметил вызова. Пускай забавляется. Пока.

Придет время – и ему, возможно, придется обращаться с Чалмерсом более жестко, но сейчас Римо не видел такой необходимости. Дай дураку веревку, а уж он найдет, как

повеситься. Римо посадит англичанина на поводок, и пусть вешается, если ему так хочется.

Словно сговорившись, пятеро мужчин дождались возвращения Одри, которая справила «интимную потребность», и только после этого возобновили подготовку лагеря к ночлегу.

– Нам нужно сухое дерево для костра, – объявил Кучинг Кангар.

На поиски дров отправились доктор Стокуэлл и Сибу Сандакан.

– Будь осторожен, Саффорд, – предупредила Одри.

– Мы не будем заходить далеко, – отозвался профессор, приняв ее слова за проявление искренней заботы.

– Нет ли здесь поблизости реки? – осведомился Римо, старательно изображая неопытного новичка.

– Вон туда, – ответил проводник, тыча костлявым пальцем на север в сторону деревьев. – Недалеко.

– Я принесу воды, – сказал Римо, отыскав среди кухонной утвари кофейник.

– Я помогу вам, – вызвалась Одри. Она нашла еще одну емкость и отправилась следом за Римо.

Лагерь быстро пропал из виду, но Римо по-прежнему отчетливо слышал раздающиеся на лужайке голоса. В лесу обнаружилась другая тропинка, еще уже той, по которой они шли всю вторую половину дня. Вторая тропинка вела прямиком от лужайки к речке.

– Вы впервые в джунглях? – спросила Одри.

– В Азии – впервые, – солгал Римо. – Я порядком истоптал Западное полушарие.

– Искали там змей?

– И их тоже.

– Какая у вас интересная волнующая жизнь.

– В ней случаются свои тяготы.

– Могу себе представить.

«Это вряд ли», – подумал Римо, а вслух сказал:

– Трудно поверить, что вам так уж наскучило ваше существование. Судя по всему, вы не принадлежите к тому типу людей, которые продолжают упираться рогом даже тогда, когда обстоятельства загонят их в угол.

– Неужели? К какому же, по-вашему, типу я принадлежу?

– В душе вы – искательница приключений. Вам нравится ходить по лезвию бритвы.

– Но это еще не значит, что я готова пренебречь безопасностью.

– Да, разумеется. И все же...

– Что?

– Мне трудно представить, что вы удовлетворились бы спокойной рутинной работой.

– Что ж, это правда.

Они вышли на берег, и Римо подумал, что ручей несколько крупнее, чем он ожидал. По его оценке, ширина потока в том месте, где они находились, составляла около двадцати футов, а глубина была такая, что дно ручья не просматривалось уже в двух-трех футах от края воды.

– Так вы говорите, здесь нет крокодилов, – сказала Одри, поигрывая пуговицами своей грубой хлопчатобумажной рубахи.

– Во всяком случае, я бы не рекомендовал купаться.

– Почему?

– Во-первых, по причине загрязнений.

– Загрязнения здесь, в таком месте? В это трудно поверить.

– Я имел в виду всевозможных паразитов, – пояснил Римо. – От микроорганизмов до пиявок и глистов. Нам придется кипятить воду, прежде чем употреблять ее в пищу. И, кстати, отсутствие крокодилов указывает на то, что здесь водятся опасные рыбы.

Одри скорчила гримасу:

– Спасибо, доктор Уорд. После ваших слов от райских кущ не осталось и следа.

– Вы ведь сами хотели, чтобы за вами кто-нибудь приглядывал.

– Да, это так.

Наполнив сосуды и вернувшись в лагерь, они застали там Сибу Сандакана и профессора Стокуэлла, собравших достаточное количество дров, чтобы развести большой костер. Римо поставил воду кипятиться, а Чалмерс тем временем взял свой «магнум-уэзерби» и пошел в лес осмотреться. Подумав о том, что англичанин ускользает из его поля зрения с большой снайперской винтовкой в руках, Римо забеспокоился, но возражать не стал. Вздумай Чалмерс устроить побоище в лагере, ему пришлось бы убрать всех свидетелей, а это, судя по всему, не входило в его планы.

Разве что он с самого начала намеревался вернуться из джунглей в одиночку.

Вечерняя трапеза была проста и незамысловата. Сушено-мороженый бефстроганов в пластиковых упаковках несколько размягчился под действием нагрева, являя собой изрядный образчик пищи, которую подают на третьеразрядных авиалиниях. Сдобренный щедрой порцией крепкого черного кофе, ужин оказался достаточно сытным. Выпив кофе, Римо почувствовал, как по его жилам разлилось возбуждение, благодаря которому он

мог сохранять бодрость столько, сколько потребуется.

Овладевая искусством Синанджу, Римо научился сокращать до минимума потребность организма во сне, до последней капли используя любую возможность отдохнуть. Он мог легко обходиться без сна по нескольку суток и дремать на ходу, обращая на окружающее ровно столько внимания, сколько требовалось, чтобы не угодить в ловушку или западню. К тому же он неплохо отоспался в Куала-Лумпуре и Дампаре. Если среди ночи что-нибудь произойдет, он хотел быть наготове и действовать со всей возможной эффективностью.

Долгий путь на каноэ и пешком оказал на его пятерых спутников различное воздействие. Проводник не выказывал и следа усталости, но для человека, привыкшего к путешествиям по родной земле, это было вполне естественно. Пайк Чалмерс тоже казался бодрым, зато Сибу Сандакан и профессор Стокуэлл начали зевать еще за ужином и быстро свернули разговор, упомянув о раннем подъеме и долгих днях пути, ожидающих экспедицию. Одри Морленд, казалось, задремала у костра, но немедленно встрепенулась, как только профессор окликнул ее по имени и предложил отправляться на боковую.

– Да, так я и сделаю, – сказала она и отправилась к своей палатке, мельком взглянув на Римо, но его мысли были далеко.

Как только экспедиция расположилась на ночлег, Римо перестал ощущать присутствие таинственных преследователей. Создавалось впечатление, что они остановились, отдалившись от лагеря на безопасное расстояние, желая предотвратить случайную встречу в темноте. С их стороны было бы неразумно совершать набег на лагерь в первый же день, когда путешественники еще не начинали своих поисков, подумал Римо, однако ему трудно было судить о намерениях чужаков, которых он и в глаза не видел. Ведь если кто-то из его спутников воспользовался экспедицией лишь как прикрытием на предварительном этапе, собираясь с самого начала избавиться от попутчиков и продолжать поиск урана на свой страх и риск, сегодняшняя лужайка могла бы оказаться столь же удобным местом для убийства, как и любое другое.

Но ведь мы не добрались даже до Тасик-Бера, сказал себе Римо. Прежде чем экспедиция окажется в том районе, где погибла партия Терренса Хоппера, пройдут по меньшей мере сутки. На их месте я бы скрывался в лесу до тех пор, пока будущие жертвы не подвели бы меня поближе к цели, а может, даже выполнили часть вспомогательных работ.

Подумав о том, что ожидать от совершенно незнакомых людей осмотрительных рациональных действий было бы

ошибкой, Римо пожелал спутникам доброй ночи и забрался в палатку, притворившись спящим и дожидаясь, пока заснут остальные. Пайк Чалмерс, покончив с ужином, просидел у костра еще около часа, надраивая свой «уэзерби». За это время он и словом не обмолвился с проводником-малайцем. Кучинг Кангар залез в палатку последним, как будто в его обязанности входило уложить подопечных в постель и подоткнуть им одеяла.

Прошло еще около тридцати минут, в течение которых Римо внимательно прислушивался к звукам, проникавшим сквозь тонкие стены палатки. Уверившись в том, что все остальные спят, он осторожно выбрался наружу и, скользнув мимо костра бесшумной тенью, скрылся среди деревьев.

Несколько мгновений он стоял на краю лужайки, закрыв глаза и стараясь проникнуть своими чувствами во тьму, не обращая внимания на пение птиц, жужжание насекомых и рычание хищников. Наоборот, его насторожило бы отсутствие этих звуков, а также, в еще большей степени, шумы, которых большинство людей не в силах избежать – шорох подошвы, ступившей на камень или песок, куда более подозрительный, чем треск ломающихся прутьев; металлические звуки, далеко и отчетливо разносящиеся в лесу; чихание и шепот, шелест ткани, прикасающейся к телу.

Не уловив ни одного из этих звуков, Римо зашагал к речке, наслаждаясь одиночеством. Летучие мыши уже вышли на охоту и метались низко над водой, ловя в воздухе насекомых. Где-то слева плеснула рыба, а на дальнем берегу, почуяв запах Римо, зарычало какое-то более крупное создание.

Доброй охоты.

Секунду спустя Римо услышал приближающиеся шаги и обернулся, готовясь окликнуть вновь прибывшего. Он уловил запах Одри Морленд задолго до того, как среди пятен лунного света появился ее туманный силуэт. При виде Римо, выступившего из темноты, женщина подпрыгнула и издала негромкий вскрик.

– Господи! Рентой! – Даже испугавшись, Одри говорила шепотом, словно желая сохранить эту встречу в тайне от остальных.

– Что, не спится? – спросил Римо.

– Какой там сон! Вокруг так много интересного, а экспедиция такая короткая...

– Через неделю вы запоете по-другому.

– Ни за что, – ответила Одри. – Это ведь приключение, которое случается раз в жизни, как вы полагаете?

– Полагаю, ваш пыл уляжется уже в ближайшие дни, –

заметил Римо.

– Надеюсь, этого не произойдет.

Внимание Римо привлекло едва заметное движение в ветвях дерева рядом с Одри, и его рука метнулась со скоростью, недоступной взгляду женщины.

– Что...

Римо поднес к лицу Одри извивающуюся змею, сжимая ее пальцами чуть ниже треугольной головы. Тело змеи струилось вдоль его предплечья. Изучив окраску ее чешуи, Римо улыбнулся.

– Trimeresurus flavoviridis, – сказал он.

– Ядовитая?

– Острая боль и внутренние кровоизлияния, – сообщил Римо. – Но нельзя исключать и обильного кровотечения из места укуса.

С этими словами он бросил змею в реку. Змея шлепнулась в воду, тут же вынырнула на поверхность и поплыла к противоположному берегу.

– У вас отменная реакция, – похвалила Одри.

– Без этого не обойтись.

– Вы спасли мне жизнь.

– Рад оказать вам услугу.

– Чем я могу вас отблагодарить?

– Ну...

– Молчите. Я уже придумала.

Увидев, что Одри начинает расстегивать пуговицы рубашки, Римо заметил:

– Я ведь предупреждал вас насчет купания.

– Уж не думаете ли вы, что я собралась окунуться?

Одри стянула с себя лифчик, и Римо подумал, что он ей совсем не нужен. У нее были округлые тугие груди, успешно противостоявшие закону тяготения, и коричневые соски, которые при дневном свете почти наверняка оказались бы розовыми.

Одри скинула блузку и принялась проворно расстегивать пояс. Пряжку заело, Одри раскраснелась, но все же справилась с ремнем и потянула вниз замочек «молнии» джинсов. Потом возникла короткая заминка, когда очередь дошла до обуви. Одри ухватилась за Римо, ища поддержки, и наконец стянула джинсы, обнажая бедра и ягодицы.

Нижнего белья на ней не оказалось.

– Это и есть то, что женщины называют боевым облачением? – спросил Римо.

– Смотря по тому, к какому бою готовишься.

– Мы с вами едва знакомы.

– Не беда. Сейчас познакомимся поближе.

– Вы так полагаете?

Одри подалась к нему, излучая бархатистое тепло.

– Я хотела бы увидеть, что вы еще умеете, кроме ловли змей, – сказала она.

И Римо показал, на что он способен. Он приступил к делу неторопливо, пустив в ход один из тех приемов, которым Чиун обучал его на ранних этапах овладения искусством Синанджу. Пальцы Римо сомкнулись на пояснице женщины, едва коснувшись ее кожи и заставив Одри вздрогнуть. Легко проведя пальцами по линии, разделявшей ее ягодицы, Римо медленно поднял руки, следуя плавному изгибу позвоночника женщины и щекоча тыльную сторону ее шеи. Одри затрепетала, чуть слышно застонала и, сцепив ладони на затылке, прижалась к Римо, едва держась на ногах.

Плотская близость – это совокупность двух составляющих, психологической и физиологической, первая из которых опирается на воображение, а вторую обеспечивает должное сочетание давления, трения, тепла и холода. Синанджу признает три различные методики доведения женщины до любовного экстаза: первая занимает двадцать семь ступеней, вторая – тридцать семь, третья – пятьдесят две. Чиун был непоколебимо уверен, что только корейские женщины способны пройти весь путь целиком и остаться в здравом уме.

Римо принялся ласкать Одри, начиная с внутренней поверхности ушных раковин и постепенно переходя к шее. Он нащупал ее пульс и легонько постукивал по жилке в такт биениям сердца; из уст Одри вырвался вздох наслаждения, и пальцы Римо скользнули к ложбинке ее горла. Ноги женщины окончательно ослабли, и теперь она всем своим весом оттягивала книзу плечи Римо. Он приподнял Одри, шагнул вперед и, прислонив ее к стволу ближайшего дерева, поднял ее руки и сомкнул пальцы женщины на ветви.

– Держись покрепче, – велел он.

– Быстрее!

Римо проник в ее лоно, и Одри судорожно вздохнула. Когда утихли сотрясавшие ее тело спазмы, окончившись едва заметной непроизвольной дрожью, он сказал:

– А теперь повторим.

– Не могу!

– Можешь.

– Я не выдержу.

Но она выдержала, хотя на этот раз ее тело едва не превратилось в трясущееся желе. Потом пришло избавление, завершившееся легкой приятной истомой.

Они улеглись рядом на мшистой земле, и через несколько мгновений Одри обуял приступ смеха. Чтобы приглушить звук, она прижалась лицом к груди Римо и продолжала хихикать, не в силах остановиться.

– Что тут смешного? – спросил Римо.

– Ничего. Господи! Я только... – Одри нерешительно умолкла и добавила: – Я только что осознала, что вы и вправду не из тех, кто кричит от любви.

– Я кричу про себя, – ответил Римо.

Одри была в порядке, хотя ее глаза по-прежнему сверкали стеклянным блеском, и Римо похвалил себя за то, что сумел сдержаться и ограничился первыми тринадцатью ступенями. Было бы весьма неудобно тащить Одри сквозь джунгли на носилках, а смирительной рубашки у них не было.

– Пора возвращаться, – сказала Одри и потянулась за одеждой, с трудом шевеля конечностями.

– Я помогу вам.

– Спасибо, не нужно. Я еще не разучилась одеваться.

Тем не менее надеть джинсы ей удалось лишь с третьей попытки. Наконец она обрела равновесие, и завершение процесса облачения прошло относительно гладко. Теперь Одри выглядела более или менее спокойной.

– Где вы этому научились? – спросила она. – В Нью-Орлеане?

Римо улыбнулся:

– И здесь, и там. Я не упускаю возможности научиться чему-то новому.

– Это уж точно. Судя по всему, таких возможностей у вас было хоть отбавляй.

– Я стремлюсь доставить партнеру удовольствие.

– Ваши стремления восхитительны, – сказала Одри. – Я с нетерпением жду повторения. Вот только соберусь с силами.

– Если у нас будет свободное время, – заметил Римо.

– Ничего, время мы найдем, – отозвалась женщина и, подойдя к нему, легко прикоснулась губами к его щеке. – Будет лучше, если мы вернемся порознь, – добавила она.

– Да, пожалуй.

Проследив за тем, как она уходит, Римо проверил пульс и давление крови. И то и другое было в норме, чуть ниже среднего. Выждав пять минут, он двинулся к спящему лагерю.

Из-за деревьев за ним наблюдали чужие глаза, но Римо не заметил слежки.

Глава 10

Прохаживаясь утром по лагерю, Римо отметил, что рассвет застал членов экспедиции в различном расположении духа. Стокуэлл и Сибу Сандакан казались изнуренными и явно чувствовали себя не в своей тарелке, хотя оба были преисполнены видимой решимости продолжать путешествие. Пайк Чалмерс по своему обыкновению хмурился, на его лице была написана скука, однако жесткий блеск в глазах англичанина подсказывал Римо, что мысли охотника заняты тщательно скрываемыми планами. Вокруг глаз Одри Морленд расплывались темные круги, словно от усталости, особенно заметные в лучах раннего солнца, но в ее походке ощущались бодрость и свежесть. Она направилась к лесу, который отныне служил ей отхожим местом и, поравнявшись с Римо, сказала:

– Я уже много лет не спала так крепко. Из вас вышла бы прекрасная сиделка, доктор Уорд.

– Стараюсь не потерять профессиональных навыков, – ответил Римо.

– Так я и подумала. Не тратьте сегодня слишком много сил, – добавила женщина, проходя мимо. – Они пригодятся вам нынче ночью.

– Сделаю отметку в своем блокноте.

Завтрак, как и ужин, состоял из замороженной пищи – комковатой яичной массы с соблазнительными на вид, но совершенно безвкусными кубиками мяса и овощей. Может быть, кто-нибудь и согласился бы счесть это месиво омлетом, но Римо не назвал бы его так даже под пыткой.

На его взгляд, единственным достоинством этой омерзительной снеди было то, что она исчезла в мгновение ока; никому и в голову не пришло наслаждаться завтраком – путешественники торопливо очистили тарелки и всей толпой спустились к реке, чтобы вымыть посуду. С того мгновения, когда начинался завтрак, прошло едва сорок минут, а они уже уложили весь багаж, включая палатки.

Покинув лужайку, путники вышли на другую тропинку и вновь двинулись на восток, и Римо показалось, что джунгли чуть-чуть изменились. На вид это был все тот же обычный тропический лес, но в самой атмосфере ощущалось нечто зловещее. Римо вряд ли сумел бы описать словами свои чувства, лишь мог бы сказать, что ему чудилась некая опасность, если не явная угроза. На новой тропинке было не развернуться, и джунгли подступали со всех сторон еще ближе, чем вчера, зато москитов стало намного

больше, к тому же им на помощь явились тучи жалящих мух и гнуса.

За ними продолжали следить, в этом не было никаких сомнений. Соглядатай находился где-то неподалеку, держась на почтительном расстоянии, но не упуская экспедицию из виду.

Римо вновь подумал, не стоит ли вернуться, подстеречь чужака и, застав его врасплох, выяснить, кто он и чего хочет. Но Одри непрестанно оглядывалась и, невзирая на жару и укусы насекомых, бросала Римо улыбки, и он сознавал, что женщина тут же поднимет тревогу, как только обнаружит его исчезновение. Он решил отложить набег на лагерь предполагаемых врагов до темноты, если, конечно, сумеет выкроить время ночью.

А пока Римо сосредоточил внимание на дороге и своих спутниках. Перед ним, обильно потея, шагала Одри, и ленивый лесной ветерок доносил до него пряный запах ее тела. Римо отогнал назойливые мысли и по очереди присмотрелся к остальным, начиная с проводника и далее вдоль колонны. Он заметил, что путешественники выносливы по-разному, но пока никто из них не валился с ног от усталости. Шествие возглавлял следопыт-малаец, двигаясь размеренным шагом, не требуя от подопечных сверхчеловеческих усилий. Судя по всему, он ни на минуту не забывал о самом пожилом участнике похода и через каждую сотню ярдов оглядывался на Стокуэлла, желая убедиться, что профессор еще не выбился из сил.

Пока все шло нормально.

Три часа спустя они остановились на пятнадцатиминутный привал, и Одри, лукаво подмигнув Римо, устроилась рядом со Стокуэллом.

– Скажите, Одри, – заговорил профессор, – не находите ли вы чего-нибудь необычного в местной растительности?

Одри задумалась, потом покачала головой.

– Ничего особенного, Саффорд, – сказала она. – Большинство растений, которые нас окружают, принадлежат к простейшим видам – грибки и папоротники, – но доисторических среди них нет. Во всяком случае, я не заметила ни единого растения, которое считалось бы вымершим.

– Значит, это самые заурядные джунгли?

– В сущности, да, – ответила Одри. – Но не забывайте, мы ведь ищем не растение, а животное. Мне кажется, для выживания древних видов изоляция куда важнее, чем специфическая флора. Даже травоядные, и те достаточно гибки в вопросах питания, если, конечно, не считать медведей коала.

Кучинг Кангар прислушивался к разговору с видимым интересом, хотя догадаться, понимает ли малаец смысл беседы,

было невозможно – до тех пор, пока он не сказал:

– Нагак кушай мясо.

Профессор Стокуэлл моргнул и нахмурился:

– Значит, он плотоядный?

Малаец пожал плечами и повторил:

– Кушай мясо.

– Полагаю, вы узнали об этом от соплеменников?

– Нагак скушай мой датук, – сообщил проводник, переходя на малайское наречие.

– Его деда, – перевел Сибу Сандакан.

– Что? – изумленно воскликнул Стокуэлл. – Уж не хочет ли он сказать...

– Мы слышать его крики, – заявил проводник, перебивая профессора, – и бежать к реке, куда он ходи за водой. Найти его рука. Кири.

– Левую руку, – пояснил Сибу, заметно побледнев.

– И еще следы Нагака, – добавил Кучинг. – Вот такой огромный.

Он развел ладони на расстояние около фута, потом вновь опустил руки на колени. Судя по всему, воспоминания о погибшем родственнике нимало его не взволновали.

– Когда это произошло? – поинтересовалась Одри.

– Два года назад. Или три.

– Чушь собачья, – подал голос Пайк Чалмерс. – Это был самый обычный крокодил.

– Такой большой крокодил не бывает, – отозвался малаец. Если его и обидела неприкрытая насмешка, прозвучавшая в словах Чалмерса, то он ничем этого не проявил.

– Тут есть над чем подумать, – изрек профессор. – Это... я хочу сказать...

– Нагак кушай мясо, – вновь повторил проводник, едва заметно дернув уголком губ. Он поднялся на ноги, вскинул на плечи рюкзак и добавил: – Теперь мы идти дальше.

* * *

Мастер Синанджу следовал за экспедицией, не испытывая ни малейших затруднений. Даже отыскать место на реке, где путники высадились на берег, предприняв неловкую попытку спрятать каноэ, оказалось детской забавой. Они укрыли лодки в папоротниковых зарослях, не позаботившись замести оставленные ими борозды, а вся земля вокруг была испещрена отпечатками обуви.

Когда экспедиция двинулась по суше, задача Чиуна еще упростилась. Тяжелые башмаки оставляли вмятины, которые заметил бы даже слепой, нащупав их своей тростью. Были и другие следы – надломленные деревца, сбитая кора там, где ствол оцарапала чья-нибудь поклажа, перевернутые камни, под которыми копошились черви. Папоротники и ветви, срезанные лезвием мачете, когда путникам приходилось прорубать дорогу в тех местах, где тропинка заросла особенно густо. Обширные отпечатки ягодиц там, где они останавливались для отдыха.

Римо вел себя осторожнее прочих, но даже и он оставлял следы, которые мастер Синанджу обнаруживал без особых усилий. У Римо было одно оправдание; если бы ему предоставили возможность выбирать, он вне всяких сомнений, предпочел бы более подходящие обувь и одежду.

Чиун отправился в дорогу на следующий день после отбытия экспедиции Стокуэлла. Дав путешественникам переночевать в Дампаре, он нанял катер, который давал возможность быстро сократить разделявшее их расстояние. В тот миг, когда мастер Синанджу приобрел каноэ, отказавшись от услуг сопровождающего – он торопился и решил грести сам, – его отставание от экспедиции исчислялось полутора часами и сократилось до сорока минут, когда Чиун пристал к берегу и старательно укрыл лодку в таком месте, где ее можно было обнаружить только после долгих тщательных поисков.

К этому времени Чиун уже начинал ругать себя за излишнюю поспешность. Он мог бы нагнать Римо и его спутников самое большее за час и взять их под защиту, впрочем, ему вовсе не хотелось быть нянькой.

Однако, прошагав по джунглям около пятнадцати минут, Чиун понял, что давать знать о себе ученику слишком рано. Перед ним встала более насущная задача, с которой надлежало управиться в первую очередь.

За экспедицией увязался «хвост».

Неведомые чужаки двигались за экспедицией, опередив Чиуна. По его соображениям, они прибыли на место еще до того, как партия Стокуэлла покинула Куала-Лумпур. До сих пор они не беспокоили группу, но были вооружены, а значит, представляли опасность – во всяком случае, для белокожих людей, не владеющих искусством Синанджу.

Мастер Чиун уловил присутствие противника еще до того, как прошел по суше полмили. Он потратил несколько минут, изучая запахи и иные следы, позволившие ему убедиться в том, что враг находится совсем рядом. Чиун покинул тропу, проскользнул, словно привидение, сквозь чащобу и вышел на

вторую дорожку, параллельную первой. Ее покрывали отпечатки старых истертых подошв. Следов было больше, чем оставляли члены группы Стокуэлла. Мастер Синанджу насчитал на тропинке семнадцать отчетливо различающихся следов, среди которых были две пары отпечатков сандалий, вырезанных из покрышек негодных автомобильных шин. В воздухе витал запах ружейного масла.

В тот день Чиун следил за чужаками, наблюдая за их перемещениями, считая головы и стволы. Это были малайцы и два китайца – именно они носили сандалии, – а их оружие и пестрое облачение, от камуфляжных солдатских курток до рубах из линялой дерюги, свидетельствовали о том, что перед ним кучка партизан. Чиун не знал малайского, а китайцы ни слова не промолвили на родном языке, поэтому мастеру оставалось лишь гадать о том, с какой целью они преследуют экспедицию Стокуэлла. В любом случае их намерения, хотя и неясные, вряд ли можно было счесть добрыми.

Чиун подумал, что лучше: рассеять банду, напав с тыла, или, обогнав врагов и зайдя спереди, прикинуться дряхлым немощным странником и дождаться, когда они приблизятся и окажутся в пределах досягаемости, но в конце концов решил повременить. В неясной обстановке, не подвергаясь немедленной опасности, настоящий ассасин ограничивается сбором сведений, чтобы, изучив противника, действовать с наибольшим эффектом.

Напомнив себе это правило, Чиун прекратил наблюдение и отправился на поиски следов экспедиции Стокуэлла. В первый день пути он прикрывал Римо и его товарищей, и, когда они остановились лагерем, продолжал следить за ними из-под нависающих ветвей огромного дерева. Чиун подумал, не стоит ли проскользнуть в лагерь и поговорить с Римо, но он верил в то, что ученик сам обнаружит их общего врага, к тому же пока ему нечего было добавить – разве что описание внешности противников.

Как и следовало ожидать, к этому времени женщина начала отвлекать Римо от его обязанностей. Судя по тому, с какой готовностью она обнажила перед Римо свое тело после столь короткого знакомства, эта женщина была бесстыдницей, лишь немногим лучше проститутки. Чиун не мог понять, кроется ли за ее развратными действиями продуманная стратегия, преследующая неясные цели, или же она из тех женщин, которых белые люди называют потаскухами, лишенными моральных устоев и сдержанности.

Как бы то ни было, поведение Римо вызвало у Чиуна неодобрение. Мастер Синанджу был человеком высокой

нравственности и не уставал изумляться неразборчивости нынешней молодежи. И все же неудовольствие Чиуна было вызвано не столько тем, что Римо согласился удовлетворить похоть женщины вопреки неоднократным напоминаниям учителя, который предостерегал его от пустой траты жизненных сил, особенно когда он выполняет задание Императора Смита, сколько вопиющим пренебрежением вековыми традициями искусства Синанджу.

Любовную игру полагалось начинать, отыскав пульс женщины и заставив его участиться. Римо, казалось, напрочь забыл об этом правиле. Чиун подумал, что его манеры, вероятно, испорчены воспоминаниями о Джин Рис. Он пропускал важнейшие ступени, а другие повторял по два раза, и остановился, не завершив даже основного ритуала погружения женщины в экстаз. Чиун не мог отрицать, что партнерша Римо и без того получила удовлетворение, но тем не менее решил впоследствии переговорить с учеником и напомнить ему о необходимости неукоснительного соблюдения предписанной последовательности этапов.

Некоторое время Чиуну казалось, что Римо заметил присутствие учителя, укрывшегося в темноте, но женщине удалось отвлечь его внимание чарами своего тела. Для белокожей самки она была очень даже недурна, но мертвенная бледность ее кожи и чрезмерная пышность округлостей вызывали у Чиуна брезгливость.

Лучшими женщинами на земле были кореянки.

Наутро, позавтракав горстью холодного риса, Чиун наведался к партизанам и, убедившись, что они снимаются с места, торопливо вернулся к лагерю Стокуэлла. Он не сомневался, что если враги собираются напасть, они скорее всего дождутся ночи, и все же счел нелишним заранее разведать путь, по которому будет двигаться экспедиция. При этом он намеревался оставаться незамеченным, не давая проводнику-малайцу заподозрить присутствие посторонних.

Когда враги нападут – если они вообще нападут, – Чиун будет рядом.

* * *

Отвратительные вонючие джунгли начинали тяготить Лай Ман Яо. Он и его солдаты двое суток дожидались прибытия американской экспедиции и вот теперь вынуждены тащиться черепашьим шагом, сопровождая янки на пути к безлюдному

Тасик-Бера. Лай Яо с огромным удовольствием напал бы на путешественников и перебил бы их до последнего, разумеется, пощадив женщину, которая перед смертью могла бы позабавить его людей. Но шла война, и Лай Яо выполнял приказ командования. Поэтому он должен был подождать, пока круглоглазые не найдут то, что ищут.

Приказ Пекина был особенно строг в этой части. Преждевременное нападение могло погубить всю затею, и такой поступок рассматривался бы как предательство, заслуживающее высшей меры наказания.

В случае необходимости Лай Яо мог неделями жить, питаясь рыбой, рисом и сушеным мясом. Но еще до тех пор, когда ему осточертеет такое существование, его противники либо обнаружат искомое, либо откажутся от продолжения экспедиции, и тогда у Лай Яо появится повод расправиться с ними, каков бы ни был исход.

Разумеется, было бы куда лучше, если бы они нашли то, что искали, и, прежде чем погибнуть, передали находку в руки Лай Яо.

Да, так было бы лучше всего.

Лай Яо принадлежал к числу шести миллионов этнических китайцев, проживавших в Малайзии. Он знал свою родословную до тринадцатого колена и нипочем не согласился бы назваться малайцем. Он навсегда останется сыном Китая и, будучи преданным солдатом Поднебесной Империи, не подчинится никаким распоряжениям, кроме приказов из Пекина.

Шесть лет назад ему велели сколотить небольшой партизанский отряд, включив в него на равных правах коренных малайцев, и организовать народно-освободительное движение, которое должно было свергнуть конституционную монархию и проложить путь социалистическому режиму, созданному по подобию китайской модели. В Малайзии было немало людей, стремившихся уничтожить прогнившую, погрязшую в коррупции власть, заменив ее пропекинским правительством. Пусть коммунизм в России и ублюдочных странах Восточной Европы уже мертв, зато в Азии он продолжает процветать, и к его программе следует относиться с должным почтением.

Подобно многим иным поручениям Пекина, нынешнее задание содержало слишком много приказов и слишком мало информации. Лай Яо получил распоряжение дождаться американцев и получить некие сведения, которые ему должен был передать внедренный в экспедицию лазутчик. Далее эти сведения полагалось передать в Пекин, а круглоглазых уничтожить. Шпиона тоже нельзя было оставлять в живых; вместо китайского

золота, которое он рассчитывал получить в награду, его ожидала расплата свинцом.

Жестокий безжалостный план не вызывал у Лай Яо иных чувств, кроме воодушевления. Он желал лишь, чтобы быстрее прошли дни ожидания и можно было расправиться с круглоглазыми. Охота за людьми всегда была и оставалась его любимым развлечением.

Проще всего было бы еще прошлой ночью взять лагерь в кольцо и исполосовать автоматным огнем палатки и их обитателей, не дав круглоглазым проснуться и сообразить, что происходит. С той же легкостью он мог бы захватить членов экспедиции и пытать их поодиночке до тех пор, пока не станет ясно, зачем они организовали эту жалкую экскурсию в район Тасик-Бера.

Американцы сумасшедшие, это всякий знает. Вместе с тем они хитры и коварны. Лай Яо отмахнулся от газетных статей о живых динозаврах, сочтя их прикрытием истинной цели путешествия, в чем бы она ни состояла. Хозяева Лай Яо никогда не делились сведениями с простыми солдатами. Им было достаточно того, что Лай в нужное время появится в нужном месте и выполнит порученную ему работу. Если он оплошает, его ожидает наказание. В случае удачи наградой ему будет моральное удовлетворение, которое сулил успех.

Порой, прежде чем погрузиться в ночной сон, Лай Яо думал, что ему ясны корыстные побуждения жителей Запада. Материальное благосостояние было наркотиком, чем-то вроде религии, но Лай понимал его притягательность. Деньги, дома, роскошные автомобили и женщины обладали непреодолимой властью над большинством людей, не знавших диалектики. Лай Яо впитал ее законы всем сердцем, но даже и ему были не чужды земные страсти.

А что, если он, раздобыв сведения, столь необходимые Пекину, воспользуется в собственных целях? Что тогда? Хозяева будут в ярости, но что они, в сущности, могут ему сделать? Убийцы, присланные из Китая, окажутся в Паханге чужаками, в то время как Лай Яо чувствовал себя здесь как рыба в воде. Он уничтожит преследователей или скроется от них – по собственному выбору. Набив карманы деньгами, Лай Яо сумеет удержать врагов на расстоянии.

Разумеется, предать Пекин означало бы предать народную революцию. Шесть последних лет – четверть своей жизни – Лай Ман Яо посвятил попыткам утвердить в Малайзии торжество коммунизма. Что ждет его, если он даст задний ход и, пусть с опозданием, отречется от председателя Мао и его учения?

Богатство.

Его подчиненные ничего не поймут. Они беспрекословно слушаются приказов и доверяют Лай Ман Яо, как он всегда доверял своему начальству. Отряд, находившийся под его командованием, состоял из крестьян, разорившихся фермеров и попрошаек, которых Лай подобрал на улицах. Теперь они считали себя солдатами и были рады подчиняться человеку, который дал им возможность начать жизнь заново. Они не станут задавать вопросов и не бросят его в опасности. Для них Лай Ман был чем-то вроде Господа Бога на земле, в то время как пекинские хозяева казались людьми, которые находятся слишком далеко, чтобы заслуживать серьезного внимания.

При этом Лай Ман отлично понимал, что у хозяев есть веские причины для всего, что они делали. Он мог не знать, зачем ему поручают убить того или иного китайца или малайца, зачем нужно взрывать или поджигать то или иное здание, но мотивы существовали всегда. В этот раз, получив инструкции Пекина, Лай Ман намеревался доискаться, какую цель они преследуют, и решить, не стоит ли запустить руку в этот пирог, устроить нечто вроде аукциона и дождаться покупателя, который предложит наибольшую цену.

В Куала-Лумпуре у него были знакомые, которые могли утрясти все детали, – дельцы, достаточно нечистые на руку, чтобы взяться за любое дело, в котором были замешаны большие деньги. Главной трудностью было установить такую цену, которая обогатила бы самого Лай Мана и удовлетворила бы возможных партнеров, но не отпугнула возможных покупателей. Для этого нужно было точно знать, какой товар у него в распоряжении, его официальную стоимость и цену на черном рынке. Располагая этими сведениями, можно было удвоить, а то и утроить запрашиваемую сумму.

Первым делом следовало сосредоточить всю информацию в своих руках, избавиться от посредников и отыскать место, где он мог бы укрыться, пока Пекин будет бушевать. Судьба подчиненных не волновала Лай Ман Яо. Если кое-кто из них падет жертвой китайских карателей, тем лучше. Более того, Лай Ман мог бы намеренно подставить их и, сбив погоню со следа, обеспечить себе спокойную жизнь, когда не нужно поминутно оглядываться через плечо.

Прозорливость. Терпение. Смелость. Лай Ман Яо был щедро наделен этими качествами, и не только ими. До сих пор, выполняя задания пекинских хозяев, он ни разу не давал промашки.

Не ошибется и теперь.

Он будет богат, чего бы то ни стоило. И если ему удастся вынырнуть из небытия, чтобы как следует насладиться богатством, он найдет способ потратить денежки.

* * *

К полудню атмосфера джунглей сгустилась, став еще более влажной и тягостной, чем накануне. Что это, думал Римо, – перемена погоды или климатические особенности той территории, на которую они вступили, то самое обстоятельство, что превращало эту область в самый гибельный район диких джунглей Малайзии?

За последние пять часов Римо увидел больше змей и ящериц, чем за любой день своей предыдущей жизни, если, конечно, не считать походов в зоопарк. Большинство гадов ускользали от внимания остальных участников экспедиции. Они свисали с ветвей либо торопливо уползали, прячась в подлеске рядом с тропинкой. Однако около часа назад группе пришлось сделать неожиданную незапланированную остановку, когда проводник наткнулся на сетчатого питона, перегородившего путь. Пайк Чалмерс в мгновение ока скинул с плеча винтовку, но профессор Стокуэлл и Кучинг Кангар отговорили его открывать огонь по змее. Малаец срезал шестифутовую палку и потыкал ею толстую лоснящуюся рептилию, раздразнив ее и вынудив убраться с дороги.

– Какой огромный! – промолвила Одри, глядя вслед уползавшему гиганту длиной в двадцать футов.

– Если повезет, это будет самое крупное создание, которое встретится нам в пути, – отозвался Римо.

– Хотите сказать, если не повезет, – возразила Одри, бросая ему проказливую улыбку. – Неужели вам не хотелось бы вернуться в Америку, везя с собой детеныша бронтозавра?

– Боюсь, нам не удастся протащить его через таможню, – заметил Римо. – Во всяком случае, в моем доме не разрешается держать животных.

– Какой кошмар. Даже крохотных котят?

– Если я почувствую себя одиноким, – отозвался Римо, – я всегда могу поглазеть на животных в зоомагазине.

– Вы сами не знаете, какого удовольствия лишаетесь, – сказала Одри.

– Не стану спорить.

Кучинг Кангар счел остановку из-за питона очередным привалом, и теперь группа вновь отправилась в путь. По оценкам

Римо, с тех пор, как они покинули лагерь, температура поднялась на одиннадцать градусов, а если учесть возросшую влажность, любое движение становилось тяжким трудом. Путники обливались потом, и даже дыхание требовало ощутимых усилий. Римо предпринял необходимые меры для регулировки температуры тела и дыхания, позволив себе чуть-чуть вспотеть, но так, чтобы не затрачивать слишком много жизненной энергии. Его спутники изнывали под тяжестью поклажи, словно вьючные животные, переносящие груз через непроторенную чащобу.

Римо едва чувствовал свой рюкзак. Он двигался вместе с грузом, вместо того чтобы бороться с ним, и легко держался размеренной поступи, которой шагала группа. Нельзя сказать, что экспедиция побивала рекорды скорости пешего передвижения, но особой нужды в этом, по-видимому, не было. Если проводник и вправду был так опытен, как о нем говорили в Дампаре, он должен был уметь соразмерять расстояние, которое предстояло покрыть, с количеством припасов, находившихся в распоряжении экспедиции и выносливостью каждого из ее участников. Что же касается динозавра, думал Римо, то он либо существует, либо нет. В обоих случаях его внимание всецело занимал уран, а не доисторические рептилии.

Он понимал, что было бы нелишне узнать поближе людей, преследовавших экспедицию. Римо уже давно отверг мысль о том, что за ними крадется хищник; ни одно из знакомых ему животных не могло до такой степени интересоваться людьми, чтобы двигаться за ними второй день подряд, упустив прошлой ночью возможность напасть на спящий лагерь. К тому же ощущения Римо подсказывали, что это люди, причем явно имеющие какое-то конкретное намерение.

Может быть, они дожидаются того мгновения, когда экспедиция достигнет своей цели?

Какой именно цели? Римо представил себе партию конкурентов, охваченных ревнивым стремлением добыть динозавра и преследующих экспедицию с того мгновения, когда она высадилась на берег реки. Это предположение казалось маловероятным. Конкурирующая группа вряд ли упустила бы возможность поднять шумиху в прессе, придав состязанию характер сенсации.

Нет, думал он, шагая по земле, которая становилась все более мягкой и топкой, их наверняка интересует уран. Это соображение, в свою очередь, неизбежно вело к двум возможным выводам. Во-первых, преследователь мог всего лишь подозревать профессора Стокуэлла в том, что он и его группа ищут уран. Другая и более зловещая, по мнению Римо, версия состояла в том, что чужакам

точно известно о намерениях экспедиции – или ее части – найти залежи радиоактивного материала, скрывшись под личиной охотников за динозаврами.

Римо мог бы поближе рассмотреть преследователей еще прошлой ночью, если бы его не отвлекла Одри. Признавая, что свидание доставило ему немало удовольствия, Римо тем не менее решил в дальнейшем сосредоточиться на своем задании.

Впрочем, это сосем не значило, что он намеревался оттолкнуть Одри. Римо мог бы пропустить еще несколько ступеней любовного искусства Синанджу и несколько ускорить процедуру, чтобы сберечь время на поиски в джунглях после того, как женщина отправится спать.

Грязная работа, думал он, мысленно улыбаясь. И все же кто-то должен ее сделать. Будем считать это задание еще одной жертвой своему долгу и Императору Смиту.

Посмотрев на часы и сверившись с солнцем, Римо пришел к выводу, что до той поры, когда им придется искать место для ночлега, осталось еще несколько часов. Он не знал и не мог знать, есть ли у проводника на примете такое место или он надеется отыскать его по пути. В любом случае преследователи окажутся где-нибудь поблизости.

Римо чувствовал их присутствие – в настоящее мгновение чужаки находились к юго-востоку от экспедиции Стокуэлла – и нимало не сомневался, что сумеет выследить их в темноте. Даже если им достанет сообразительности не разжигать костер, люди все равно издают запах, переговариваются и производят другие звуки, которые служат прекрасным маяком во тьме.

Оставался последний вопрос – что делать Римо, когда он настигнет преследователей? Прикончить их на месте или, потянув время, выяснить, что у них на уме?

Ведь при удачном стечении обстоятельств неведомый доселе враг мог бы помочь Римо выявить лазутчика, затесавшегося в экспедицию. И если ему все же придется избавиться от преследователей, он должен расспросить их, прежде чем убить.

– Эй вы там, позади! – окликнула его Одри, слегка задыхаясь. – Как дела?

– Справляюсь, – сказал Римо, надеясь, что его голос звучит достаточно устало.

– Не перенапрягайтесь, – посоветовала женщина, лукаво подмигивая. – Нынче ночью вам потребуются силы.

– Только об этом и думаю, – отозвался Римо.

Глава 11

Экспедиция остановилась на ночлег на более тесной, чем накануне, лужайке. Джунгли подступали к лагерю еще ближе, а речка оказалась меньше по размерам и протекала еще дальше от лагеря, чем вчерашняя. Первым делом проводник-малаец взялся за мачете и, потратив полчаса, прорубил узенькую тропинку, ведущую от места стоянки к единственному источнику воды. К тому времени, когда он закончил, все, кроме Одри Морленд, успели поставить палатки. Римо вновь предложил ей помощь, ни капли не сомневаясь, что на сей раз женщина могла бы справиться самостоятельно.

– Уж не знаю, что бы я делала без вас, – шепнула Одри.

– Внутренний голос говорит мне, что вы выдержали бы это испытание, – ответил Римо.

– Что ж, это так, – сказала женщина, улыбаясь. – Но, боюсь, мне пришлось бы несладко.

Незадолго до заката Кучинг Кангар отправился на разведку, а остальные присели отдохнуть перед ужином. Пайк Чалмерс демонстративно расположился в отдалении от ученых и принялся протирать свою громадную винтовку замшевой тряпкой, устроив из этого действия целый спектакль.

– Должно быть, наша цель совсем недалеко, – заявил Стокуэлл, рассматривая карту. – Через несколько миль покажется западный палец озера.

– А где же Тасик-Бера? – поинтересовалась Одри.

– С формальной точки зрения мы уже вошли в его пределы, – ответил Стокуэлл. – Однако все до единого слухи о чудовище поступали с дальней восточной стороны. Мы обойдем озеро вокруг в поисках следов, но я боюсь, что великий Нагак едва ли так легко согласится предстать перед фотокамерами.

– Это уж точно, – ввернул Чалмерс, нимало не скрывая насмешки, прозвучавшей в его голосе.

Профессор повернул к нему лицо.

– Вы опытный охотник, мистер Чалмерс, – сказал он. – Как бы вы предпочли действовать в нынешних обстоятельствах?

– Смотря по тому, на кого я охочусь, – ответил англичанин. – Как правило, есть три возможности. Если вы ищете конкретное животное – скажем, людоеда, который беспокоит местных жителей, – вы можете отправиться туда, где его видели в последний раз и нагнать мерзавца по свежим следам. Второй способ – это, разумеется, приманка. Вы прячетесь в кустах или лезете на дерево, оставляете приманку на открытом месте и,

изготовив оружие, дожидаетесь появления изголодавшегося хищника. И наконец, если эти ухищрения не дали результата, вы можете установить круглосуточное наблюдение за ближайшим источником воды. На кого бы вы ни охотились, он нуждается в питье.

– Какой метод вы рекомендуете в данном случае? – осведомился Стокуэлл.

Англичанин подумал и пожал плечами:

– У нас нет свежих сведений о местонахождении зверя, поэтому мы не сможем выследить его, не зная, откуда начинать поиски.

– А если нам удастся найти лагерь предыдущей экспедиции? – спросил Стокуэлл.

Чалмерс нахмурился:

– Для этого нам должно чертовски повезти. Даже если мы найдем лагерь, даже если там остались следы, они уже устарели. Отправиться на поиски по старым следам и найти что-то... нельзя сказать, что это невозможно. Но маловероятно.

– А прочие способы, о которых вы упоминали?

– Насколько я понимаю, вы и сами не знаете толком, что представляет собой наше чудовище, знаете лишь, что это какое-то доисторическое животное. Я прав?

– Ну...

– А значит, вы и понятия не имеете, чем оно питается, если не обращать внимания на бред умирающего и россказни о съеденных дедушках. Так?

– Данные, которыми мы располагаем, свидетельствуют о его принадлежности к классу плотоядных, – ледяным тоном заметил Стокуэлл. На его щеках проступил гневный румянец.

Чалмерс пренебрежительно фыркнул:

– У вас нет никаких доказательств. Туземные суеверия и последние слова сумасшедшего в счет не идут. Если в округе бродит чудовище, я должен увидеть его собственными глазами.

– Для этого мы и приехали сюда, – заявил Стокуэлл. – Мы платим, и достаточно щедро, за ваши советы, которые помогут нам превратить слухи в реальность.

– Коли так – слушайте. Мы не можем воспользоваться приманкой, не зная, какую пищу предпочитает наше чудовище. И если оно действительно плотоядное, то я должен напомнить, что единственной приманкой, которую я видел в течение двух последних суток, были мы сами.

– В таком случае...

– В таком случае мы можем либо надеяться набрести на следы чудовища, либо затаиться в удобном месте и ждать.

– Не проще ли исследовать джунгли? – предложил Стокуэлл.

– Вы имеете в виду, обыскать лес?

– Ну... В общем, да.

– Скажите, доктор, вы ведь не охотник?

– Нет, но теоретически мое предложение должно сработать...

– Вряд ли, – отозвался Чалмерс, едва скрывая презрение.

– Просветите нас, господин Чалмерс. И поподробнее, – сказал профессор.

– Бродить по лесу имеет смысл только в том случае, если вы ищете птиц и мелких зверей, – сообщил Чалмерс. – Спугнув их, вы стреляете, как только они пытаются взлететь или убежать. Порой этот способ годится для охоты на более крупную живность, но лишь если вам удалось окружить жертву, если вы заранее приготовили позицию и у вас есть загонщики, которые выводят зверя на стрелков. Улавливаете мою мысль?

– До сих пор – да.

– Тогда уясните следующее, доктор, – продолжал Чалмерс. – У нас нет загонщиков. Нас шестеро, и более ни души. К тому же мы не знаем, где обретается чудовище – если оно вообще существует, – а в его распоряжении несколько сотен квадратных миль, на которых оно может резвиться, пока мы будем бесцельно ходить кругами.

– Если вас послушать, наша задача представляется совершенно безнадежной.

– Чертовски трудной, я бы сказал. Между прочим, вы знали об этом, отправляясь сюда.

– Каков же будет ваш совет?

– Первым делом мы должны обойти вокруг озера в поисках следов. Если повезет – что ж, тем лучше. В противном случае я бы предложил исходить из того, что такое громадное животное должно хотя бы раз в день спускаться к озеру на водопой. Озеро в джунглях – лучшее место для хищника, ведь его не минует ни одно травоядное. Рано или поздно все они приходят сюда попить и пощипать травку. Крупные кошки, отправляясь на охоту, непременно устраивают засаду у воды. И гиены тоже. Я не вижу причин, которые мешали бы вашему дракону поступать точно так же.

Как только Чалмерс произнес эти слова, в лагерь вернулся проводник, но доложить ему было нечего. Следующие полчаса путешественники заготавливали воду и дрова, разжигали костер и распаковывали кухонные принадлежности. На ужин сегодня было сушено-мороженое жаркое, состоявшее из волокнистых кусков говядины и овощей, напоминавших своей консистенцией резиновую подошву. Римо с радостью ограничился бы чашкой

риса, но у него не было выбора.

За ужином шла вялая беседа, и за трапезой не засиделся никто. Второй день похода по джунглям изрядно подточил силы профессора, столь же утомленным казался и Сибу Сандакан. Долгий путь наложил свой отпечаток и на Одри Морленд, но, судя по алчным взглядам, которые она бросала на Римо, женщина обладала неистощимыми запасами энергии. Пайк Чалмерс продолжал оставаться самим собой, ничем не проявляя усталости, если не считать влажных пятен на его рубашке защитного цвета.

Путешественники в рекордное время очистили котелки и, торопливо сходив к реке, оставили их сохнуть до завтрака. Покуда они занимались мытьем посуды, Стокуэлл неудержимо зевал. Потом все расселись у костра, и на джунгли опустилась темнота, пронизанная ночными звуками.

– Мы все ближе и ближе, – заявил профессор. – Я уверен в этом.

– Надеюсь, – сказала Одри, не отрывая от Римо многозначительного взгляда.

– Если завтра мы успеем добраться до озера засветло, сможем тут же приступить к поискам.

– Полагаю, все согласны, что вновь открытые виды ни в коем случае не должны подвергаться опасности? – спросил Сибу.

– Еще бы, – изрек Стокуэлл. – Само собой разумеется.

– Надеюсь, самозащита не возбраняется? – осведомился Чалмерс.

– Нет, но только в пределах закона, – ответил малаец.

– Дело в том, что я не привык очень уж внимательно разглядывать животное, которое пытается меня съесть. Надеюсь, вы понимаете, о чем я толкую.

– Здесь не предвидится особых затруднений, – подала голос Одри. – Вы ведь не верите в динозавров.

– Нагак, он рядом, – объявил Кучинг Кангар. – Я думай, мы его скоро найти.

– Как бы ни называлась эта тварь, – сказал Чалмерс, обращаясь ко всем присутствующим, – я не намерен служить ей закуской к обеду. Если все с этим согласны, я спокоен.

– Полагаю, сейчас самое время напомнить о том, что нам пора спать, – вмешался Стокуэлл. – Как вы знаете, завтра нас вновь ожидает ранний подъем.

Нынешний вечер оказался повторением предыдущего. Путешественники постепенно разбрелись по палаткам. Пайк Чалмерс засиделся дольше остальных, а последним на покой отправился Кучинг Кангар. Еще до того, как он завернулся в

спальный мешок, Римо принялся обдумывать план дальнейших действий, пытаясь сообразить, чего захочет от него Одри, и решая, какие ступени пустить в ход, чтобы удовлетворить ее как можно быстрее и сберечь время для разведки в лагере преследователей.

Разумеется, он мог легко улизнуть от Одри, однако такой поступок сулил больше вреда, чем пользы. Одри принялась бы искать его в джунглях, вполне могла попасть в беду и уж, конечно, не преминула бы заглянуть в его палатку, вздумай Римо оставить ее с носом.

Нет, подумал Римо, рисковать не стоит. В жизни случаются вещи и похуже, а он был совершенно уверен, что сумеет ублажить женщину и подарить ей крепкий сон, потратив максимум полчаса. Как только она благополучно уйдет в палатку и уснет, у Римо будут развязаны руки, он сможет вернуться к своим обязанностям и отправиться в темную непроглядную чащобу.

Выждав еще двадцать минут, он выскользнул из палатки и осторожно пробрался вдоль края лужайки к тропинке. Несколько секунд спустя Римо оказался у ручья и затаился в тени, скрываясь от лунного света. Он решил дать Одри десять минут, и если она к этому времени не появится...

Его ушей коснулись звуки крадущихся шагов. В следующее мгновение Римо увидел Одри, которая подошла к воде, нерешительно замерла на месте и посмотрела налево, потом направо.

– Рентой?

– Я здесь.

Женщина повернула к нему лицо.

– Ах вот вы где, – сказала она. – Я не слышала, как вы покидали лагерь.

– Так и было задумано, – ответил Римо. – Надеюсь, остальные тоже не заметили моего ухода.

– Остальные спят без задних ног, – промолвила Одри, придвигаясь ближе. – Полагаю, вы научились двигаться беззвучно, охотясь за змеями?

– Порой бывает важно не поднимать шума.

– Истинная правда, – отозвалась Одри, расстегивая пуговицы блузки, прикрытой бледно-розовым шарфиком. – Я постараюсь не шуметь, если вы составите мне компанию.

Учтивый ответ Римо был прерван коротким звуком, донесшимся со стороны лагеря. Звук был тихий, но Римо расслышал его совершенно отчетливо.

Резкий металлический звук, похожий на клацанье затвора.

– Оставайтесь здесь, – распорядился Римо.

– Что? Зачем?

– К нам пожаловали незваные гости. Делайте, что вам велено и не высовывайтесь.

– Я...

Но Римо уже не слышал ее слов. Он мчался по тропинке со всей скоростью, на которую был способен, словно тень, скользящая в ночи. У самой лужайки он свернул направо и принялся петлять среди деревьев, изготовив все свои чувства к встрече с опасностью. Его ноздрям потребовалось не более секунды, чтобы уловить запах немытых человеческих тел, пропотевшей одежды и оружейного масла. Прислушиваясь к шорохам, Римо насчитал десять – пятнадцать человек, взявших лагерь в кольцо.

Как он мог не заметить их, покидая лужайку? И как они могли пропустить Одри Морленд? Римо подумал, что уловить запах неприятеля ему помешал порывистый ветер, то и дело менявший направление. К тому же его отвлекала мысль о предстоящем свидании.

Чиун поспешил бы объяснить оплошность ученика обычной небрежностью, но в этот раз дело оказалось куда серьезнее. Просчет, допущенный в полевых условиях, ставил под удар жизнь участников экспедиции и мог сорвать выполнение задания. И если Римо хотел исправить ошибку, он должен был действовать как можно быстрее, пока события не приняли угрожающий характер.

Нащупав своими чувствами ближайшего противника, Римо определил, что тот находится в двадцати шагах, и покрыл это расстояние, перемещаясь длинными бесшумными шагами. Перед ним стоял малаец с автоматом «АК-47» и пистолетом на бедре. Бандит наблюдал за спящим лагерем, дожидаясь сигнала к атаке.

Кто они – убийцы или просто разведчики?

Впрочем, безразлично. Римо не мог рисковать.

Он подошел к бандиту со спины и сломал ему шею, прежде чем несчастный осознал, что он здесь не один; подхватив обмякшее тело, Римо осторожно уложил его на землю, словно ребенка в люльку, и положил автомат поперек груди хозяина.

Покончив с первым, Римо отправился на поиски следующего. Второй бандит оказался выше, чуть старше и был вооружен точно так же, как первый. Он стоял, прислонившись спиной к дереву, поэтому Римо не мог приблизиться к нему сзади. Зайдя слева, он одним ударом проломил бандиту череп, заткнув свободной рукой его рот, чтобы избежать лишнего шума.

Сколько их еще? Был только один способ узнать точное количество чужаков, но...

В этот миг в лесу начался ад кромешный. С противоположной стороны поляны донесся чей-то крик, и тут же послышался шум тел, продиравшихся сквозь джунгли. Не зная языка противника, Римо тем не менее угадал команду к наступлению.

Стрельба началась только с появлением Пайка Чалмерса, который вылетел из своей палатки и увидел бандита, приближавшегося к нему с западной стороны. Рявкнул «уэзерби-магнум», и чужак осел на землю, словно пластмассовая кукла, угодившая в огонь. При виде поверженного врага Чалмерс торжествующе взвыл.

Тут же застучали автоматы, и, хотя Римо показалось, что он услышал одинокий голос, требовавший прекратить огонь, бандиты и не подумали взять себя в руки. Каковы бы ни были их первоначальные намерения, кое-кому из нападавших явно не терпелось прикончить круглоглазых на месте.

Римо настиг третьего бандита, пробиравшегося среди деревьев, и уложил его одним резким ударом, пронзив его сердце, легкие и селезенку. Труп распластался на земле, дернулся и замер в неподвижности. Где-то на поляне за спиной Римо послышалась дробь автоматных очередей, разорвавших ночную тишину.

Римо бросился на звук и увидел Чалмерса, стрелявшего в сторону деревьев. Стокуэлл выкликнул имя Одри и, не услышав ответа, высунулся было из палатки, но в ту же секунду пуля подняла фонтанчик пыли в нескольких дюймах от его лица и загнала профессора назад в укрытие. Сибу Сандакан сидел в палатке, словно надеясь, что хлипкие матерчатые стены защитят его от выстрелов. Проводник-малаец куда-то исчез.

Должно быть, он уже на полпути домой, сказал себе Римо, гадая, встретят ли они когда-нибудь Кучинга Кангара вновь и останется ли в живых кто-нибудь из тех, кому потребуются его услуги, вздумай он вернуться.

Внимание Римо привлекли звуки длинной очереди, раздававшиеся неподалеку, – еще один бандит-малаец поливал огнем лагерь, нимало не заботясь о том, куда летят пули и кого поражают. Римо утихомирил его самым простым способом, запрокинув голову стрелка и толкнув его туловище вперед. При этом позвоночник бандита аккуратно переломился у основания черепа.

Итого пять бандитов, считая убитого Чалмерсом. По расчетам Римо, они прикончили около трети врагов менее чем за минуту, однако численное преимущество по-прежнему было на стороне нападавших.

В это мгновение послышался крик, и Римо тут же узнал голос

Одри Морленд. Перед его мысленным взором возникла картина – Одри ждет его у реки, потом начинается стрельба, женщина идет к лагерю, раздираемая любопытством и страхом. Она шагает по узкой тропинке, приближаясь к звуках схватки, но тут на дорогу выскакивает бандит и... Приняв решение, Римо протиснулся сквозь деревья и метнулся к поляне, которая к этому времени превратилась в стрелковый тир.

Пайк Чалмерс заметил его приближение, но либо не узнал Римо, либо ему было безразлично, в кого палить. Ствол его винтовки повернулся, беря Римо на мушку. Чалмерс закрыл один глаз, прижав другой к окуляру оптического прицела. Легкое движение пальцем – и пуля, способная остановить на бегу слона, угодит в грудь Римо.

А может быть, и нет.

Римо привычно уклонился от летящего свинца; он упредил выстрел Чалмерса, сделав шаг в сторону, который нимало не замедлил его продвижения вперед. К тому времени, когда англичанин, сообразив, что его пуля не достигла цели, схватился за массивный затвор, Римо уже пробегал мимо, зацепив на ходу кончиком пальца ствол винтовки и бесцеремонно опрокинув охотника на спину.

Тем самым он спас жизнь Чалмерсу, хотя это и не входило в его планы. В тот самый миг еще один бандит поднялся из травы на краю поляны и прицелился в стоящего великана, но его очередь пронзила пустой воздух, а Чалмерс, упав на землю, оказался чуть ниже линии огня.

В следующее мгновение Римо уже стоял перед испуганным противником и, нанеся молниеносный удар локтем, размозжил его лицо, превратив в кашу лобную кость и мозг. Бандит, не издав ни звука, повалился, выпустив из безжизненных пальцев бесполезное оружие.

Тем временем в лагере вновь послышался грохот «магнума», но Римо не услышал свиста летящих пуль. Видимо, падение на землю сбило Чалмерса с толку, либо ему на мушку попался другой противник, приближавшийся к месту стычки.

В стороне от тропинки справа от Римо раздался еще один крик Одри. Прежде чем взять правильное направление, он уложил очередного бандита, на сей раз – китайца с мрачной физиономией. К стволу его автомата был примкнут штык, и китаец совершил ошибку, сделав выпад клинком вместо того, чтобы выстрелить от бедра. Впрочем, он вряд ли спасся бы, пустив очередь из автомата, но его попытка действовать штыком значительно упростила задачу Римо.

Он разоружил врага, без труда выхватив у него автомат, и

теперь «Калашников» оказался у Римо, превратившись в его руках в простую железную дубину. Чтобы раскроить китайцу череп, хватило бы и легкого прикосновения, но Римо задержался еще на мгновение, развернул оружие другим концом, взмахнул им, словно копьем, проткнул противника острием штыка и, прежде чем бандит упал, пригвоздил его к стволу ближайшего дерева.

Одри не подавала голоса, но Римо уже успел зафиксировать направление, откуда донесся ее последний крик. Пробежав десять или пятнадцать ярдов, он очутился в нужной точке – он был уверен в этом, – но, как оказалось, слишком поздно.

Под его ногами захлюпала топкая болотистая почва, похожая на торф, а через несколько шагов начались зыбучие пески. Трясину покрывал неглубокий слой затхлой воды, над пенистой поверхностью которой носились тучи насекомых. В лунном свете мелькнуло цветное пятно.

Бледно-розовое.

Это был шарфик, которым Одри Морленд укутывала шею.

Римо ухватился за висячую лиану и вошел в воду, шаря свободной рукой в грязи, но под ногами не оказалось ничего, кроме плывуна, который обволок Римо, словно густая овсяная каша. Здесь не было твердого дна, и болото начало засасывать ноги и ягодицы Римо, грозя затянуть его под воду целиком.

Наконец трясина дошла до подбородка, и Римо отказался от дальнейших поисков. Взявшись за лиану, он начал подтягиваться, перебирая руками, пока наконец не вытащил себя из зыбуна на сухой берег.

Господи Иисусе!

Одри пропала.

Прошли секунды, прежде чем Римо оправился от потрясения. Он привык к смерти в самых разных ее обличьях, но даже и его сердце не было высечено из камня. Какие бы чувства он ни питал к Одри, была ли то обычная похоть или нечто большее, ее печальная участь заслуживала хотя бы нескольких мгновений скорбного молчания.

Но вот истекли и эти секунды, Римо поднялся на ноги и повернулся лицом к лагерю, внезапно осознав, что автоматы умолкли. Ночную тишину вспорол последний выстрел Чалмерса, словно ставя точку в затянувшейся беседе и давая Римо понять, что по крайней мере один из участников экспедиции, застигнутых неприятелем на лужайке, остался в живых.

Как выяснилось, уцелели все.

В тот миг, когда Римо добрался до края поляны, профессор Стокуэлл стоял рядом с Чалмерсом у огня, а Сибу Сандакан вылезал из своей палатки. В ту же секунду из-за деревьев вышел

проводник, судя по всему, живой и невредимый.

– Надеюсь, никто не...

Стокуэлл увидел палатку Одри, пробитую пулями, и слова замерли у него на устах. Профессор упал на четвереньки, заглянул под брезентовое полотнище и обнаружил, что там никого нет.

– Одри! Одри! – завопил он, но его призывы остались без ответа. – Где она?

– А где наш змеелов? – осведомился Чалмерс, быстро осмотрев пустую палатку Римо.

– Кто? Доктор Уорд? Хотите сказать, он тоже исчез?

– Похоже на то.

– Господи! Куда они подевались? Что здесь произошло?

Вместо того чтобы выйти на поляну и удовлетворить любопытство профессора, Римо бесшумно, словно опавший лист, отодвинулся назад, в темноту. Торопливый подсчет трупов показал, что многим противникам удалось скрыться невредимыми, а он вовсе не собирался их упускать. Невзирая на темноту, ему не составило бы особого труда взять их след и гнаться за врагами, пока те не остановятся отдохнуть.

И уж тогда он получит ответы на все вопросы или по крайней мере насладится местью. В любом случае этой банде более не суждено устраивать засады в районе Тасик-Бера.

Спутники Римо сгрудились у костра, а Чалмерс стоял на часах. Осмотрев ближайшие окрестности, Римо убедился в том, что нынче ночью повторное нападение им не грозит. Враг отступил, вероятно, отправился зализывать раны, но Римо не имел права рисковать. С бандитами следовало покончить раз и навсегда.

Глава 12

Окончательно выбившись из сил, Лай Ман Яо окликнул своих уцелевших солдат и приказал им остановиться. Форсированный марш в тропическом лесу уже сам по себе непростая работа, но мчаться сквозь джунгли ночью стократ тяжелее. Сосчитав своих людей в лунном свете, Лай Яо обнаружил, что он потерял восемь человек, то есть ровно половину отряда.

Хуже всего было то, что Лай так и не смог ясно понять, что произошло и почему его замысел провалился.

План был прост, прямолинеен и предусматривал любые случайности. Лай Яо обдумал его со всех возможных точек зрения и пришел к выводу, что даже если один-два солдата не выдержат и вступят в бой, не дожидаясь команды, это не будет играть особой роли. В конце концов им противостояли четверо круглоглазых, лишь один из которых имел кроме ножа огнестрельное оружие. Если он вздумает сопротивляться, семнадцати обученным солдатам не составит никакого труда подавить его противодействие.

Лай Яо сидел и размышлял, припоминая подробности схватки и пытаясь уловить то мгновение, когда его замысел дал трещину, провалившись у него на глазах. Сказать наверняка было невозможно, ведь Лай был не в состоянии присматривать за каждым из своих солдат. Все шло по плану до того мгновения, когда он дал сигнал к атаке, велев своим людям ворваться в лагерь и захватить круглоглазых, пока их разум затуманен сном.

Белокожий гигант с винтовкой проявил себя с самой неожиданной стороны, и Лай Яо был вынужден это признать. Вместо того чтобы праздновать труса, этот круглоглазый мерзавец начал стрелять. Лай видел, как тот свалил одного из его солдат и выстрелил еще несколько раз, прежде чем нападавшие отступили. Потеряны восемь человек, и кто знает, сколько из них убиты, а сколько ранены в этой скоротечной схватке...

Ранены?

Лай Яо почувствовал, как его внутренности сворачиваются тугим клубком, словно змея, изготовившаяся к атаке. Что, если один или несколько его солдат попали в плен живыми? Что, если у них развяжется язык?...

Лай Яо отогнал эту мысль. Всех их, хотя и наскоро, обучили терпеть пытки, да, впрочем, это и не важно, сознаются они или нет. Лай Яо всегда был достаточно осторожен, чтобы держать смысл порученной задачи в тайне от подчиненных, делясь важными сведениями только с Сан Лео Ма, своим помощником.

Он потерял Сан Ма – тот наверняка был убит, и Лай Яо переживал эту утрату наиболее остро. Он не мог доверять малайцам так, как соотечественнику. Малайцы были хороши в роли пушечного мяса, вполне годились для выполнения грязной работы, но когда в конце концов придет революция, народную армию возглавит и поведет к победам китаец – возможно, сам Лай Ман Яо.

Но, прежде чем это случится, он должен завершить «простое» задание с теми людьми, что у него оставались, попытавшись собрать хотя бы осколки первоначального замысла.

В случае неудачи рассчитывать на снисходительность и понимание со стороны Пекина не приходилось. Связник совершенно отчетливо дал понять Лай Яо, сколь важна порученная ему миссия и сколь неприятными, даже гибельными могут оказаться последствия провала.

Яо продолжал сидеть и размышлять и наконец вспомнил звук, который на мгновение привлек его внимание в самый разгар боя, когда все стреляли.

Это был вопль, женский крик, раздавшийся в стороне от лагеря.

Вероятно, кричала круглоглазая дамочка. Но как она оказалась в джунглях? Что она делала там, в темноте? Проще всего было предположить, что женщина пошла справить нужду. Жители Запада предпочитают облегчаться в уединении, как будто их дерьмо – нечто священное, могущее вызвать зависть остального мира. Быть может, круглоглазая сучка покинула лагерь до того, как бойцы Лай Яо окружили поляну и заняли свои позиции, и потому никто ее не заметил?

Зачем же она кричала?

Она начала орать только после того, как солдаты открыли пальбу, вспомнил Лай. Вероятно, она испугалась выстрелов, закричала и тут же умолкла. Может быть, ей хватило ума понять, что крики выдают ее местонахождение? Или на женщину наткнулся кто-нибудь из солдат и утихомирил ее навеки пулей или ножом?

Лай Яо прикрикнул на своих людей и, потребовав тишины, убедился, что они внимательно слушают. После этого он задал вопрос, но ни один из солдат не признался в том, что видел женщину. Судя по их озадаченным физиономиям, у Лай Яо не было причин подозревать кого-либо во лжи.

Если женщина мертва, значит, ее прикончил кто-то из пропавших людей Лай Яо. Это не имело особого значения, если не принимать во внимание то обстоятельство, что Лай до сих пор не знал, кто из участников экспедиции его связник. Ему вдруг

пришло в голову, что он вполне может не узнать этого никогда. Если ему придется напасть и перебить остальных, это означало бы полный провал, который вызвал бы неотвратимое возмездие Пекина.

Лай Яо решился напасть на американцев, подчинившись минутному порыву. Ему надоело бродить по джунглям с заданием, выполнение которого могло затянуться на долгие недели и оказаться пустой тратой времени, если круглоглазые не найдут то, что искали. Вместо этого Лай на свой страх и риск решил захватить чужестранцев в плен, допросить и выяснить, кто из них его союзник. Получив необходимую информацию, он предполагал позволить круглоглазым продолжать экспедицию, но с небольшими изменениями. Отныне они должны были находиться под неусыпным наблюдением и выполнять другую задачу, забыв о детских сказочках про динозавров, обитающих в лесу. Лай Яо заставит их искать уран, а когда найдут, копать землю в поисках образцов, избавляя тем самым его людей от неприятной обязанности.

Потом можно будет отправить чужаков лицезреть своих круглоглазых богов.

Лай Яо провалил операцию, и ответственность за неудачу целиком лежала на его совести. Он подумал, не свалить ли вину на Сан Лео Ма, но понял, что это бесполезно. Дружба дружбой, но Пекин вряд ли поймет, отчего Лай Ман Яо, руководитель отряда, уступил свои полномочия подчиненному, да еще с таким катастрофическим результатом.

Единственный путь к спасению заключался в том, чтобы выправить положение. Создавшиеся условия требовали быстрых, энергичных действий. Не было и речи о том, чтобы вступать с противником в переговоры, «зарыв томагавк в землю», как говорят у них в Соединенных Штатах. Успех придется вырвать силой, а численность отряда уже сократилась вдвое. Былое соотношение сил три к одному упало почти до двукратного преимущества, к тому же, когда дело дошло до самообороны, американцы проявили неожиданную прыть.

Лай Яо сознавал важность фактора внезапности, но понимал также и то, что достичь ее во второй раз будет несравненно труднее.

– Молчите и слушайте, – велел Лай Яо своим солдатам. – Сейчас я объясню, что нам следует делать.

* * *

Обнаружить беглецов оказалось проще простого. Охваченные паникой, они и не подумали заметать следы. В крайнем случае Римо мог бы отыскать их, ориентируясь по волнам страха, которые они излучали, но бандиты оставили множество отпечатков ног, помятые кусты и сломанные ветви. Кто-то из них, перезаряжая на бегу автомат, уронил пустой магазин и бросил его валяться на земле.

Погоня за дилетантами – скучнейшее занятие.

Бандиты пустились в бегство, опередив Римо на семь-восемь минут. Разумеется, они лучше знали окрестности, но вряд ли могли очень уж быстро бежать в кромешной темноте. Римо напряг все свои способности, отточенные годами уроков Синанджу, и уже две минуты спустя услышал панический топот удиравших чужаков. Ему даже пришлось замедлить шаг, чтобы не нагнать беглецов на ходу, спровоцировав тем самым беспорядочную стычку во тьме.

Римо ни капли не сомневался в своих силах, но первым делом нужно было раздобыть интересующую его информацию. Он ничуть не боялся вступить в схватку на тропе, но понимал, что в таких условиях ему вряд ли удастся выявить главаря, чтобы сохранить его целым и невредимым и допросить после того, как будут уничтожены остальные. Поэтому Римо решил продолжать погоню за бандитами до тех пор, когда они остановятся передохнуть – по его расчетам, это должно было произойти в течение ближайших тридцати минут, – а потом действовать по обстоятельствам, разработав более последовательный план.

Сначала думай, потом действуй, многократно наставлял его Чиун. Это не значило, что Римо всякий раз должен был погружаться в долгие размышления, углубляясь в дебри военной тактики и философии, но действовать сгоряча, вслепую, не взвесив все за и против, считалось непростительной глупостью.

Шла двадцатая минута погони, когда бандиты наконец избавились от первого испуга и, не заметив явных признаков преследования, решили остановиться. Они рассыпались по маленькой поляне, заросшей папоротником. Трое встали на караул, а остальные шестеро уселись в кружок, склонившись друг к другу головами.

Римо внимательно осмотрел их и проскользнул мимо часовых с легкостью человека-невидимки. Главарем шайки оказался китаец. Он обращался к своими людям по-малайски, и, хотя Римо не знал ни слова на этом языке, ему не составило особого труда догадаться, что бандиты обсуждают происшествие, случившееся во время набега на лагерь Стокуэлла. Главарь начал разговор с опроса подчиненных, но ответы его не удовлетворили,

и он принялся что-то втолковывать остальным, а Римо тем временем приступил к активным действиям.

Он начал с дозорных. Подобравшись к ближайшему часовому, он обрушился на него из темноты и подхватил тело и оружие, прежде чем они упали на землю. Римо полностью сосредоточился на своих движениях, выбросив из головы воспоминания об Одри и позабыв обо всем, кроме тонкостей выполняемого приема.

Прежде чем нанести удар, представь его во всех подробностях и дай мышцам прочувствовать каждый шаг.

Дело сделано.

Обезвредить второго бандита было ничуть не труднее. Правда, он стоял не так удобно, как первый, поэтому Римо позволил ему услышать свое приближение, шаркнув подошвой по земле, отчего часовой вздрогнул и завертел головой. Римо пришлось сдержаться, чтобы не проломить череп противника – звук треснувшей кости мог привлечь внимание, – и тем не менее его удар достиг цели. Укладывая тело на землю, Римо увидел кровь, хлынувшую из ноздрей и ушей бандита.

Третий дозорный, судя по всему, не имел ни малейшего представления о караульной службе. Он стоял спиной к лесу и внимательно прислушивался, ловя каждое слово главаря. Римо подкрался сзади и легко переломил ему хребет.

Теперь, когда Римо расправился с тремя часовыми, перед ним встало очередное затруднение.

Шестеро оставшихся бандитов были вооружены, по большей части – автоматами Калашникова, и хотя они находились совсем близко, а их расположение скученной группой почти идеально отвечало целям Римо, он вовсе не хотел врываться в толпу, раздавая оплеухи налево и направо, словно в кабацкой потасовке. Во-первых, он не мог быть уверен в том, что главарь бандитов выйдет из мясорубки живым, во-вторых, сомневался, что от китайца будет какой-то прок, если уцелеет только он один.

Отсюда следовал вывод – Римо должен был пустить в ход огнестрельное оружие.

Подумав об этом, Римо досадливо поморщился. Годы пулеметной юности давно миновали, а искусство Синанджу подняло его на новый уровень, и теперь огнестрельное оружие представлялось ему неудобным и бесполезным. Римо владел сотней приемов убийства голыми руками, а в случае нужды мог превратить в смертельное оружие любой предмет. Пистолеты и винтовки издают шум, оставляют запах и пули, которые идут на баллистическую экспертизу, к тому же от них не так-то легко избавиться – впрочем, сегодня ночью эти соображения в счет не шли. Что бы ни случилось в ближайшие мгновения, полиция

могла вести расследование месяцами и остаться с носом.

Но если бы Римо вступил в схватку невооруженным, ему, вероятно, пришлось бы прикончить всех шестерых, так и не выведав их тайн.

Приняв решение, Римо взял автомат третьего часового и, задрав дуло кверху, выступил на поляну.

– Кто из вас говорит по-английски?

Звук его голоса заставил шестерых бандитов вскочить на ноги, двое из них тут же навели в сторону Римо автоматы. Они были перепуганы до смерти, но, увидев в руках гостя «Калашникова», благоразумно подчинились своему командиру, который выкрикивал распоряжения, судя по всему, требуя сохранять спокойствие.

– Я спрашиваю, кто из вас говорит по-английски?

За этими словами последовала нерешительная пауза. Малайцы недоуменно вертели головами, обмениваясь взглядами, и наконец их главарь поднял руку, будто школьник, которому захотелось в туалет.

– Я, – ответил он.

– Вот и славно. А теперь прикажи своим парням бросить оружие – только без фокусов! – и построй их вон там, – велел Римо, указав стволом автомата на прогалину в десяти – двенадцати футах слева от китайца.

Горе-вояки неохотно подчинились, и лишь отрывистая команда главаря заставила их поспешить. Римо держал их на мушке, пока бандиты складывали оружие в кучу и выстраивались в шеренгу плечом к плечу, словно готовясь к осмотру обмундирования.

Римо мог бы пристрелить их на месте, очередь из автомата скосила бы шеренгу противников, как кегли, но у него созрел иной замысел. Он пересек лужайку в лунном свете под взором шести пар глаз, топча мясистые стебли папоротника, со свистом хлеставшие по ногам.

– А ты присядь на то бревно, – велел он китайцу, указав ему место в нескольких шагах от кучи сваленного оружия.

Этого было вполне достаточно.

– Удобно? – осведомился Римо и, дождавшись короткого недовольного кивка главаря, приступил к делу.

Он замахнулся автоматом, словно дубиной, и принялся наносить удары, поворачивая «Калашникова» то прикладом, то стволом, круша черепа, ребра, глотки, грудные кости и позвоночники. Первых двух бандитов Римо застал врасплох, а троих оставшихся достал на бегу, когда те попытались унести ноги. Бить автоматом было неудобно, к тому же, расправляясь с

четвертым малайцем, Римо сломал приклад, и пятого пришлось кончать руками.

Главарь сидел, ошеломленно наблюдая за избиением своих людей. Увидев тела, распластанные у ног Римо, он даже не стал спрашивать о судьбе трех часовых.

Резкий взмах рукой, и разбитый «АК-47» улетел прочь.

– Ну что ж, – сказал Римо, – теперь поговорим.

– Кто вы? – спросил китаец, когда к нему вернулся дар речи.

– Вопросы задаю я, – ответил Римо и шагнул к бандиту, как бы желая подчеркнуть важность сказанного. – Ты понял?

– Да, я понимай.

– Вы напали на экспедицию доктора Стокуэлла, и я хочу знать, зачем.

– Стокуэлл?

Римо приблизился вплотную, протянул руку, схватил противника за горло и поднял его над землей, заставив китайца болтаться в воздухе и перекрывая стальной хваткой доступ кислорода. Этот нехитрый прием не требовал особого умения, только физической силы.

– По-моему, я недостаточно ясно втолковал тебе условия игры, – сказал он. – Когда я задаю вопрос, ты отвечаешь на него, и не вздумай повторять за мной слова, будто попугай. Надеюсь, мы поняли друг друга?

Римо еще раз легонько встряхнул бандита и швырнул его оземь. Потом он отступил на шаг, освободив достаточно места, чтобы пленник смог встать на четвереньки.

– Мы не знай Стокуэлл, – хриплым голосом произнес китаец, ощупывая пальцами шею. – Никаких имен. Мне сказал, что придут круглоглазые, один из них наш товарищ. Он имей информацию, который я должен передать в... передать дальше.

Римо сделал вид, что не заметил неловкой увертки.

– Кто из круглоглазых ваш связник?

– Мы не знай. Он сам должен показать себя, когда придет время.

– Зачем же вы разгромили лагерь? – спросил Римо. – Откуда вам было знать, кого следует оставить в живых?

– Мой солдаты сошел с ума, – сказал китаец. – Я пытался их остановить, но этот люди плохой воин.

– А теперь они и вовсе никуда не годятся. Хочешь присоединиться к их компании?

Китаец быстро заморгал:

– Не хочу, пожалуйста.

– Тогда говори, какую информацию ты должен был получить.

– Не знай. Круглоглазый знай. А мы только передай ее

дальше.

– Куда именно? Коленопреклоненный бандит нерешительно помедлил, потом качнул головой. Римо взял его за глотку, нащупал нужную точку и прижал ее пальцем. Китаец выпучил глаза, словно на него обрушилась невыносимая боль, о существовании которой он даже не подозревал.

– Это лишь цветочки, – сообщил Римо, отводя руку. – Ягодки впереди. Надеюсь, тебе не захочется попробовать их на вкус.

Китаец устремил на Римо исполненный страдания взгляд. По его болезненно-желтым щекам катились слезы, оставляя блестящие дорожки.

– Последний раз спрашиваю, – продолжал Римо. – Кому предназначались сведения? Куда ты должен был их передать?

Ответом ему было молчание. Римо протянул руку, готовясь продолжать пытку, и в этот миг пленный выпалил одно-единственное слово:

– Пекин!

Что ж, в этом был свой смысл. Китайцы и сами располагают запасами урана, но в наши дни радиоактивный материал оружейного качества никогда не бывает лишним. Сумей Пекин сторговаться с Малайзией либо низложить нынешнее правительство и заменить его коммунистическим режимом, последователи Мао оказались бы на коне. Ценность любого месторождения определяется его богатством, доступностью, простотой разработки и множеством других факторов, но у Римо не было времени на размышления.

Ему удалось выявить участников одной из команд, которые вели игру, и убедиться в том, что в ряды американской экспедиции затесался лазутчик, хотя прямых доказательств до сих пор не было.

– Благодарю за помощь, – сказал Римо китайцу и прикончил его молниеносным ударом, которого тот даже не заметил.

В лесу царила могильная тишина, но Римо знал, что максимум через час после его ухода сюда придут охотники за падалью, привлеченные свежим запахом мертвечины, и на поляне начнется пир.

– Приятного аппетита, – сказал Римо в темноту и отправился в обратный путь к лагерю.

– Я не могу поверить, что они попросту исчезли, – заявил Саффорд Стокуэлл, не отрывая взгляда от костра.

– Быть может, они не в силах дать о себе знать, – предположил Сибу Сандакан.

– Сразу оба? Кстати, чем они занимались за пределами лагеря?

– Именно это я и хотел бы узнать, – сказал Чалмерс, стоявший в отдалении от огня с трофейным автоматом, висящим на бедре.

– Мне показалось... – Профессор Стокуэлл запнулся и покачал головой. – Нет, это невозможно.

– О чем вы, доктор?

– В самый разгар схватки случилось мгновение, когда я был почти уверен в том, что вижу доктора Уорда, – промолвил Стокуэлл, обращаясь к Сандакану. – Мне показалось, что он вынырнул из леса вон там, пересек поляну и скрылся среди деревьев на противоположной стороне. Должно быть, я ошибся. Вы точно видели его, Чалмерс?

– Никаких сомнений, – отрезал великан. – А еще я видел проклятых желтопузых с русскими автоматами, такими вот, как этот. – В подтверждение своих слов Чалмерс взмахнул «Калашниковым». – Я свалил одного из них вон там, – похвастался он, – и, может быть, пристрелил еще парочку.

– Ваши действия заслуживают похвалы, – признал Стокуэлл, – и все же я теряюсь в догадках, отчего нападавшие обратились в бегство. Один ствол против многих, и вдруг они исчезают.

– Все зависит от того, в чьих руках этот ствол, – заявил Чалмерс, горделиво выпячивая грудь. – По-моему, они сообразили, что со мной шутки плохи.

– Где же в таком случае Одри? – опечаленно спросил Стокуэлл. – Готов поклясться, я слышал ее голос.

– Крик, – уточнил Сибу. – Я тоже его слышал.

– Крик раздавался за пределами лагеря, как вы и сказали, – подхватил Пайк Чалмерс. – Ей не стоило шляться по джунглям. И Уорду тоже.

– Господи, а если ее похитили? – выпалил профессор.

– В таком случае можете навсегда с ней распрощаться, – сказал Чалмерс.

– Мы должны попытаться вернуть ее!

– Втроем? Не смешите меня. – Англичанин осекся и торопливо поправился: – Конечно, я могу выследить бандитов и попытаться захватить их в одиночку, это проще пареной репы. Но вы двое лишь сдерживали бы меня, особенно если бы дошло до драки...

В его голосе угадывалась явная насмешка, но ни Стокуэлл, ни Сандакан не спешили переубеждать Чалмерса, отлично сознавая свои скромные возможности в роли солдат.

– Но если она еще жива...

Профессор умолк, подыскивая слова, и в этот миг на поляне появился Кучинг Кангар, который ненадолго отлучался из лагеря,

чтобы попытаться найти следы Одри или пропавшего змеелова. Он вступил в круг света, отбрасываемого костром, и приблизился к огню. В его левой руке болтался рваный грязный кусок ткани.

– Это шарф Одри! – воскликнул Стокуэлл, поднимая трясущуюся руку. – Где вы его нашли?

– В зыбучем песке, вон там, – отозвался Кучинг Кангар, кивком головы указывая на северо-восток в сторону ручья.

– Зыбучий песок? – В устах профессора эти слова прозвучали проклятием.

– Нет дна, – продолжал проводник. – Женщина утонуть, теперь слишком поздно.

– Господи!

– А тот, другой? – спросил Чалмерс.

– Ничего нет, – сообщил малаец. – Много следов, много мертвых людей вокруг. Семь трупов и еще один, которого вы убивать.

– Ах ты, черт! Должно быть, я застрелил больше бандитов, чем думал.

– Только один убит пулей, – сказал Кучинг Кангар. – Остальные убиты рукой. Я найти один человек, там, в лесу, который висеть на дереве, проколотый своим автоматом.

– Что это значит? – спросил Сибу Сандакан.

– Чушь собачья, вот что, – заявил Чалмерс. – Судя по его словам, чертовы желтопузые прикончили друг друга. Какой в этом смысл?

– Но если Проводник утверждает, что они не застрелены…

– Откуда ему знать, ведь он рассматривал трупы в темноте. Кто он такой, черт возьми? Патологоанатом?

– Да, но если речь идет о человеке, которого пригвоздили к дереву штыком, ошибки быть не может, – сказал Стокуэлл.

– Не поверю, пока не увижу собственными глазами.

– Итого восемь трупов, – продолжал профессор. – Сколько пуль осталось в магазине вашей винтовки?

– У меня был еще револьвер, – ответил Чалмерс, нахмурив брови.

– Вы стреляли из него?

На щеках англичанина вспыхнул гневный румянец.

– Если вы доверяете какому-то желтопузому больше, чем моим словам, – что ж, пожалуйста, мне плевать, – сказал он. – Теперь, когда у вас появился новый советчик, на мою помощь не рассчитывайте.

– Будьте благоразумны, господин Чалмерс…

– Мы должны повернуть назад, – вмешался Сибу Сандакан. Его уверенный тон сбил профессора с мысли.

– Назад? – Казалось, это слово внесло в голову Стокуэлла полную сумятицу. – Зачем? Ведь мы почти у цели!

– На нас напали мятежники, и они могут вернуться в любую секунду. Двое наших пропали, причем женщина наверняка погибла. Этого достаточно.

– Вам, может быть, и достаточно, – отчеканил Стокуэлл, впервые за все время повысив голос, в котором прозвучала непреклонная решимость. – Я рискнул своей репутацией и забрался в эти забытые Богом джунгли вовсе не для того, чтобы на полпути повернуть назад, поджав хвост. Если здесь есть что искать, я обязательно найду! Я уверен, Одри поддержала бы меня.

– Но, доктор...

– Мистер Чалмерс, если вы останетесь с нами, получите премию в размере половины обещанного жалованья, – сказал Стокуэлл.

– Удвойте сумму, и я согласен, – произнес охотник.

– По рукам, – отозвался профессор, не задумавшись ни на секунду. – А вы согласны сопровождать нас? – спросил он, повернувшись к Кангару.

– Я получай деньги, чтобы найти Нагака, – ответил малаец.

– Я не могу позволить вам...

– Прошу прощения, господин заместитель, – произнес Стокуэлл, – но если вы твердо намерены идти назад, вам придется отправиться одному. Можете забрать с собой свою долю провианта. В конце концов мы не варвары.

– Я не имею права бросить вас. На мне лежит ответственность за вашу безопасность.

– В таком случае пора спать, – сказал профессор, мрачно сверкая ввалившимися глазами. – Ночь уже кончается, выступаем на рассвете.

Глава 13

Римо добрался до поляны, на которой были расставлены палатки, но присоединяться к спутникам не спешил. Пайк Чалмерс стоял на часах, обвешанный трофейным оружием. Мнимая гибель сулила определенные преимущества, и Римо решил сыграть в Тома Сойера, побывавшего на собственных похоронах.

Впервые нечто подобное случилось с ним в штате Нью-Джерси. «Смерть» Римо на электрическом стуле позволила ему начать новую жизнь. Потом было знакомство с Харолдом В. Смитом. Работа в КЮРЕ. Ну и, разумеется, Чиун и бесконечные часы уроков Синанджу. Поначалу Римо проявлял вполне понятную строптивость, но теперь, взвесив все обстоятельства, он нипочем не согласился бы обратить время вспять и вернуться к былой жизни даже за миллион долларов золотом.

Итак, Римо вторично перебрался через Стикс, но в этот раз его ждали куда более скромные приобретения. И все же он счел нелишним узнать, что будут говорить о нем люди в его отсутствие, тем более что они полагали Римо погибшим. Допрос главаря бандитов не принес существенных результатов, и теперь оставалось лишь ждать и наблюдать. Римо был уверен, что лазутчик вот-вот проявит себя, особенно сейчас, когда путешественники решили продолжать экспедицию, невзирая на понесенные потери.

Это решение несколько удивило его. Зная упрямство Стокуэлла во всем, что касалось ископаемых древностей, Римо тем не менее ожидал, что скорбь по Одри Морленд и грозная опасность, затаившаяся в джунглях, заставят профессора отступить. Вместо этого он закусил удила, выказав удивительную, даже безрассудную отвагу. Легкость, с которой он усмирил Сибу Сандакана и расположил к себе Пайка Чалмерса, соблазнив его взяткой, никак не вязалась с образом робкого, застенчивого ученого. Однако наибольшую тревогу Римо вызывал проводник-малаец и его безразличное отношение к опасностям, которым не было конца.

«Я получай деньги, чтобы найти Нагака», – заявил Кучинг Кангар, как будто в этих словах заключался ответ на все вопросы. Личный опыт Римо свидетельствовал о том, что наемники первыми удирают, когда запахнет жареным – в особенности туземцы, ибо они прекрасно знают местность, опасности, которые она сулит, а также вопиющую неполноценность своих подопечных. А Кучинг Кангар не просто согласился сопровождать

экспедицию, хотя в затылок дышали вооруженные бандиты, – Римо был почти уверен, что малайцу не терпится вновь отправиться в путь.

Что-то здесь было не так, но Римо не мог взять в толк, что именно. Может быть, проводник и есть шпион? Это казалось еще менее осмысленным, ибо Кучингу Кангару было куда сподручнее искать самому, нежели тащить за собой толпу неуклюжих круглоглазых.

Нет. Сплошная нелепица. Каковы бы ни были мотивы поступков Кучинга Кангара, логика подсказывала, что уран – а может быть, даже деньги – здесь ни при чем. За малайцем следовало приглядывать, как, впрочем, и за Чалмерсом, Стокуэллом и даже за Сибу Сандаканом.

Римо сидел и наблюдал за крохотным лагерем. Ночь подошла к концу, и небо осветилось первыми лучами восходящего солнца. Пайк Чалмерс дважды клюнул носом, однако оба раза успел проснуться, прежде чем выпустил из рук трофейный «АК-47». На рассвете он поднял остальных, и путешественники принялись разогревать завтрак в пластиковых контейнерах.

Пища немилосердно воняла, а на взгляд напоминала что-то вроде консервированного говяжьего рагу с овощами.

Римо коротал долгую ночь, предавшись размышлениям. Он уже почти смирился с гибелью Одри Морленд, воспринимая ее смерть как удар судьбы, от которой человек не в силах защититься и которую невозможно изменить. Одри нравилась ему, хотя в этой симпатии было нечто непристойное, и Римо понимал, что их отношения неминуемо должны были закончиться, как только он выполнит свое задание. В свое время они с Джин Рис расстались по-хорошему, и все же в глубине души Римо чувствовал, что семейная жизнь не для него – особенно если принять во внимание выпавший ему жребий. Размышляя об этом, Римо осознал, что его образ жизни чем-то похож на монашеский, но он был доволен своим нынешним существованием, которое нельзя было даже сравнивать с его прошлой жизнью.

Ему будет не хватать Одри, точнее, того наслаждения, которое Римо получал от ее роскошного тела и, в свою очередь, доставлял ей, но он понимал, что эта привязанность преходяща, как, скажем, зуд или простуда. Их общение ограничивалось мимолетными беседами, предмет которых лишь изредка выходил за рамки нынешнего задания Римо. Он понимал, что по окончании работы тут же забудет Одри и вряд ли будет о ней вспоминать.

Эта мысль отдавала черствостью и равнодушием, но тут уж ничего нельзя было поделать, и не только потому, что Римо

принадлежал к числу профессиональных ассасинов, касты людей, всецело сосредоточенных на своей миссии. Последнее обстоятельство доставляло ему боль, страдание, которое могло отчасти унять лишь ощущение сопричастности к деятельности КЮРЕ, которая стояла на страже отчизны, родины свобод. К тому же его прошлая жизнь кончилась, и возврата не было. Теперь Римо принадлежал Дому Синанджу, приняв предписанный им образ жизни, который, с одной стороны, был чем-то, что невозможно променять на уют домашнего очага, а с другой, как бы невероятно это ни прозвучало, – заурядным рутинным трудом.

Путь Синанджу был профессией, и эта работа поглощала Римо без остатка. И смилуйся Господь над тем, кто попытался бы лишить его этой работы.

Римо следил за тем, как поредевшая экспедиция снималась со стоянки, и заметил, что на поляне остались две палатки – его и Одри.

– Мы сможем захватить их на обратном пути, – заявил Пайк Чалмерс. – У нас и без того достаточно груза.

– Да, вы правы, – отозвался профессор, бросая прощальный тоскующий взгляд на палатку Одри.

Путешественники отправились в дорогу в половине восьмого утра, сразу взяв энергичный темп. Кучинг Кангар по-прежнему возглавлял колонну, за ним шагал Чалмерс, забросив свой «уэзерби» за спину и держа в руках автомат. Его похудевший патронташ оттягивали запасные магазины. Профессор Стокуэлл двигался третьим, а Сибу Сандакан волей-неволей занял место Римо в арьергарде. Ему не нравилось быть замыкающим; малаец поминутно бросал испуганные взгляды через плечо, однако шагал быстро, не отставая от остальных.

Римо двигался за группой примерно в двадцати ярдах позади, и через час пути вдруг почувствовал, что за ними вновь следят.

Он замер на месте и закрыл глаза, ощупывая окружающее своими чувствами и впитывая собираемую ими информацию. Посторонних запахов он не уловил, зато услышал звук. Кто-то пробирался сквозь джунгли в двадцати пяти – тридцати ярдах сзади и справа от Римо, в южной стороне. Судя по звуку, это был один человек, и он старался не производить лишнего шума.

Чужак двигался на восток, перемещаясь параллельно экспедиции Стокуэлла, поэтому о совпадении не могло быть и речи. Если принять во внимание обширность малазийских джунглей, вероятность случайной встречи с посторонними людьми казалась пренебрежимо малой, поистине ничтожной.

Римо попытался угадать, кто бы это мог быть – одинокий бандит, которого он упустил прошлой ночью, или кто-нибудь из

жителей Дампара, прослышавший о целях экспедиции и решивший отправиться следом, влекомый любопытством… или алчностью. Римо видел лишь один способ доискаться истины.

Едва различимый звук доносился лишь изредка, но Римо сумел выследить соглядатая. Он двинулся в сторону, откуда слышались шорохи, и уже через пять минут очутился в точке, которую несколько секунд назад должен был миновать чужак. Человек исчез.

Услышав тихий шелест в кустах, Римо собрался с силами, готовясь к прыжку, и в тот же миг охватившее его напряжение ослабло. Из подлеска выскочило животное, похожее на огромную морскую свинку, и с отчаянным писком умчалось прочь. Словно из пустоты, на спину Римо обрушилась невыносимая тяжесть. Косой удар, пришедшийся меж лопатками, швырнул его лицом на землю.

– Если хочешь жить, не теряй бдительности ни на мгновение, – произнес скрипучий голос, доносившийся откуда-то слева и сзади.

* * *

Внезапно все пошло наперекосяк, и Сибу Сандакана охватила тревога. Он с самого начала не хотел заниматься этим делом, не желал отправляться в джунгли, но последние часы пути и вовсе превратились в кошмар. Достаточно уже того, что экспедицию атаковали партизаны, намеревавшиеся перебить ее участников и, судя по всему, сумевшие уничтожить двух людей. А вот теперь старик американец, доктор замшелых костей, требует продолжать путь к разгадке тайны. Подумать только – продолжать искать динозавров, когда экспедиции грозит гибель!

Остальные согласились со Стокуэллом, и в этом не было ничего странного, ибо профессор держал в руках финансовые рычаги и, вероятно, имел право по собственному усмотрению повышать жалованье членам своей команды. На взгляд Сандакана, Пайк Чалмерс был расистом-наемником, готовым на все ради денег, а Кучинг Кангар – обыкновенным крестьянином. Согласившись идти дальше с профессором и делая вид, будто он верит в то, что джунгли населены гигантскими доисторическими ящерами, проводник мог бы разом получить сумму, составлявшую его годовой доход.

Сибу подумал, не стоит ли употребить власть и приказать проводнику отправляться назад. В конце концов он был правительственным чиновником, вторым заместителем министра

внутренних дел и в этом качестве мог потребовать подчинения. К несчастью, жители глухих провинций не жаловали власти, задерживали уплату налогов, а то и вовсе не платили, и были склонны улаживать возникшие разногласия с помощью насилия. Менее всего Сибу Сандакану хотелось, чтобы немытый крестьянин бросил ему вызов в присутствии англичанина и американца, которые бы только позабавились его бессилием.

В сущности, Сибу предпринял попытку вызвать помощь и прекратить экспедицию еще минувшей ночью, когда в лагере началась стрельба. Свернувшись калачиком в палатке и ежесекундно ожидая смерти, он обшарил карманы в поисках передатчика, полученного из рук Гермука Сайяра накануне отбытия из Куала-Лумпура, но прибор исчез.

Охваченный паникой, Сибу вывалил вещи из рюкзака и внимательно осмотрел их по очереди, но передатчика не нашел. Маленькая пластмассовая коробочка, при помощи которой Сандакан должен был в случае необходимости вызвать войска, словно испарилась без следа.

Куда она запропастилась? Сибу воскресил в памяти события последних трех дней, но так и не вспомнил ни единого случая, когда он падал или ронял свой груз. Все это время коробочка оставалась у него под рукой, в кармане брюк. Может быть, она выпала оттуда, когда Сибу доставал платок, чтобы утереть пот с лица, или незаметно выскользнула из кармана, когда он опустился на землю во время одного из привалов? Вес и объем аппарата были незначительны; Сибу перестал замечать его уже через пять минут после того, как экспедиция вылетела на самолете из Темер-Лоха.

Теперь проклятая штуковина могла валяться где угодно.

А это значило, что он оказался в руках Стокуэлла, Чалмерса и проводника. Профессор издевательски предложил ему отправляться в обратный путь, но пробираться в одиночку сквозь джунгли было равносильно самоубийству. У Сибу не было компаса, а если бы и был, это ничего не меняло. Он привык к городской жизни, и единственными ориентирами ему служили таблички с названиями улиц и знакомые здания. Сибу Сандакану было бы проще нарисовать ракету и запустить ее на Луну, чем выбраться из джунглей целым и невредимым.

До сих пор ему удавалось скрывать от остальных свой все возраставший страх. Вчерашний спор был для него чем-то вроде проверки, которую Сибу успешно прошел, ни разу не повысив тон и скрыв дрожь в своем голосе, прежде чем ее заметили остальные. Они и без того считали Сибу слабаком, но если бы они догадались о его страхах, игра пошла бы совсем по другим

правилам. Чалмерс был грубияном и задавакой и нипочем не дал бы Сибу покоя во время оставшейся части пути.

Впрочем, если бы мятежники вернулись, эта часть оказалась бы совсем короткой.

Сибу не испытывал особой горечи по поводу гибели двух американцев, хотя и понимал, какой переполох вызовет это известие, когда оно достигнет Соединенных Штатов. В первую очередь мысли Сандакана занимал ущерб, который будет нанесен его карьере в связи с потерей передатчика и вытекающими отсюда последствиями. Гермук Сайяр и его начальство с нетерпением ждут сигнала о том, что путешественники обнаружили уран, динозавра или любой другой объект, который правительство могло бы захватить, чтобы извлечь выгоду для страны. Их подвела халатность Сибу Сандакана – или подведет, если в этом проклятом лесу действительно есть что-то стоящее, – и он никак не мог рассчитывать на то, что его промах останется безнаказанным.

Его ждет возмездие, в этом нет сомнений, однако в гражданской службе Малайзии существовало множество видов и степеней наказания. Отставка считалось худшей из бед, тяжесть этого наказания усугублялась тем унижением, которое испытывал уволенный, вынужденный объяснять причины своего падения друзьям и родственникам. Сандакан знавал людей, которые совершали самоубийство и по меньшему поводу, но сам он не чувствовал ни малейшего желания расставаться с жизнью из-за работы, которая уже потеряна. Если повезет, он сумеет избежать понижения в должности, а может, даже выговора. Это будет зависеть от дальнейшего развития событий, от того, какой оборот примет путешествие и удастся ли экспедиции найти что-либо интересное.

Прежде чем Гермук Сайяр получит возможность наказать своего подчиненного, Сибу должен вернуться живым. В данное мгновение у него не было уверенности в том, что он сумеет это сделать. Ни малейшей уверенности.

Сибу понимал, что он должен присматривать за остальными – за Чалмерсом в особенности – и готовиться любой ценой спасти свою шкуру. Там, куда они идут, экспедицию могут подстерегать опасности, по сравнению с которыми угроза нападения мятежников окажется детской забавой. Сибу Сандакан не верил в легенды о Нагаке, но в диких джунглях водятся бесчисленные кровожадные хищники, и, пожалуй, ни один из них не отказался бы закусить вторым заместителем министра.

Все обернулось бы иначе, думал Сибу, будь он вооружен. Однако все оружие экспедиции находилось в руках Чалмерса, а

он был не из тех, кто согласился бы делиться своими игрушками с «чертовыми желтопузыми».

Если я выберусь из этой передряги живым, пообещал себе Сандакан, уж я позабочусь, чтобы этого мерзавца лишили визы.

Однако первой и главной задачей было благополучное возвращение домой, и эта задача требована от Сибу всей сосредоточенности, какую только он сумеет проявить в ближайшие дни.

* * *

– И вовсе не нужно было меня бить, – сказал Римо Чиуну, отряхивая пыль с одежды.

– Легкое прикосновение, – отозвался мастер Синанджу. – Если бы ты был настороже, я бы не застал тебя врасплох.

– Ничего себе, врасплох! – рявкнул Римо, закипая. – Я слышал, как ты продирался сквозь джунгли, словно бизон. Видать, ты стареешь.

– Я намеренно позволил тебе услышать свое приближение, – сказал Чиун. – Твоя дерзость неслыханна, даже для белого человека.

– Дерзость, говоришь? Да ведь я испачкал из-за тебя всю задницу!

– Ты упал на лицо, – заметил Чиун. – Впрочем, если речь идет о тебе, особой разницы я не вижу.

– Ах, как остроумно! Должно быть, все эти дни ты сочинял пьеску для бродячих комедиантов, которых слушают стоя.

– Во всяком случае, мне удалось устоять на ногах.

– Зачем же ты проделал весь этот путь? Чтобы принять участие в раскопках?

– Я мастер Синанджу, а не какой-нибудь шахтер. Есть ли здесь драгоценности, которые стоит добывать?

– Может быть, – ответил Римо и повел плечом, морщась от боли, вызванной «легким прикосновением» Чиуна.

– Учитель должен время от времени устраивать экзамен своему ученику, – заявил кореец. – Между прочим, твои навыки оставляют желать лучшего.

– Ты бы посмотрел на тех, других.

– Я и посмотрел, – сказал Чиун. – Были ли у тебя трудности, когда ты их убивал?

– Не городи чепухи.

– Значит, ты пошел по простейшему пути. На ранних этапах овладения искусством воспитанники обучаются, повторяя

элементарные упражнения. Дальнейшее развитие способностей требует самоконтроля, стремления к новым вершинам знания и умения, а также непрерывной тренировки.

– Должно быть, ты насмотрелся передач Салли Струтерс.

– Кого?

– Хочешь овладеть новой профессией? Оно и понятно. Нет такого человека, который был бы доволен своей работой.

– Ты говоришь непонятные вещи.

– Ладно, хватит об этом, – сказал Римо. – Итак, что же заставило тебя отправиться в дорогу?

– Я решил понаблюдать за тобой. Мне показалось, что ты еще не готов к серьезным делам.

– А я-то думал, что мастер Синанджу – лучший в мире учитель.

– Это очевидно. В своих способностях я не сомневаюсь, а вот твои...

– Огромное тебе спасибо.

– Не стоит благодарности. Поправлять ученика, когда этого требуют обстоятельства, – долг наставника.

– И это при том, что ты уже назначил меня преемником Верховного мастера. Что же я такого сделал, чтобы внушить тебе сомнения в моих силах, папочка?

– Пока ничего, если не считать простой небрежности. – Прежде чем продолжать, Чиун несколько секунд подбирал слова. – Я не уверен в том, что ты готов противостоять дракону.

– Что?

– Дракон может оказаться тебе не по зубам. Я не имел права поручать тебе дело, требующее участия Верховного мастера.

– О чем ты?

– Для борьбы с драконом нужны особые навыки. До сих пор в своих уроках я даже не упоминал о них. Я не сомневаюсь в твоей храбрости, Римо, но может так статься, что ее будет недостаточно.

– Успокойся, – посоветовал Римо. – До сих пор нам не попадались ни отпечатки драконьих лап, ни следы снежного человека...

– Итак, решено, – перебил Чиун. – Я не могу позволить тебе двигаться дальше без присмотра.

– Экспедиция ищет уран, – сказал Римо. – Поиски динозавра – это лишь дымовая занавеса.

– Ты уверен?

– Ну...

– Белые люди нередко глумятся над вещами, которых они не видели или не в силах постичь.

– Откровенно говоря, единственные люди в экспедиции, которые верят в динозавра, – это доктор Стокуэлл и проводник. Дракон сожрал его дедушку.

– Дракон съел дедушку профессора?

– Не профессора, а проводника.

– На твоем месте я бы не стал пренебрегать туземными легендами, – сказал Чиун. – Я знаю, этим людям далеко до корейцев, поэтому их видение мира весьма ограниченно, однако их никак нельзя обвинить в невежестве, если речь идет о тех местах, где они живут.

– Суеверия – вот первое слово, которое приходит на ум.

– Даже суеверия порой основаны на реальных фактах. В любой сказке содержится зерно истины, хотя порой ее бывает нелегко обнаружить.

– На мой взгляд, местные легенды послужили экспедиции удобным прикрытием, – продолжал настаивать Римо. – Мне удалось выяснить, что среди моих спутников есть шпион, который работает на китайцев. Главарь бандитов сам мне сказал.

– Он китаец? – спросил Чиун.

– Да.

– И ты ему поверил?

– Он сказал правду.

– Ты пытал его! – торжествующе воскликнул Чиун.

– Я его уговорил.

– Значит, китайцам нужен уран?

– Ему этого не сказали, но доктор Смит думает именно так. Вряд ли Китай стал бы разбрасываться своими агентами, посылая их на охоту за динозаврами.

– Китайцы – загадочный народ, – промолвил Чиун. – В глубине души они, разумеется, хотели бы стать корейцами, но, коли судьба лишила их совершенства, они действуют подобно японцам, восполняя свои недостатки путем тайных происков.

– Нечего сказать, объективная точка зрения, – заметил Римо.

– Я не стану лгать, даже если сама истина пристрастна. Люди, населяющие Землю, были созданы без моего участия, поэтому могу с чистой совестью констатировать факт: все азиаты завидуют корейцам.

– А как же прочие народы? – спросил Римо. Чиун пренебрежительно взмахнул рукой.

– Черные люди завидуют белым, – изрек он. – А белые – самая жалкая из рас. Они завидуют друг другу. Какая глупость! – добавил мастер Синанджу, фыркнув себе под нос.

– Рад был с тобой встретиться, но мне пора догонять остальных, – сказал Римо.

– Как ты объяснишь свое отсутствие?

– Они думают, что я мертв.

– В таком случае твое появление может их удивить.

– Я вовсе не намерен показываться им на глаза. Я с самого рассвета иду за ними следом и наблюдаю издалека.

– Надеясь, что этот «шпион» выдаст себя?

– В настоящий момент лазутчик занимает меня больше всего.

– А твоя подруга?

– Кто?

– Женщина.

– Ты подглядывал?

– По долгу службы.

– Можешь вычеркнуть ее из списка подозреваемых. Она исчезла вчера ночью.

– Я никого не подозреваю. А что с ней случилось? Ее застрелили?

– Нет, угодила в зыбучие пески.

– Еще одно неповоротливое белокожее создание.

– Не стоит говорить так о мертвых.

– О мертвецах говорить легко. Можно не бояться ошибиться. Надеюсь, ты не успел привязаться к этой особи? – спросил Чиун.

– Нет, – ответил Римо.

– Это было бы вопиющей глупостью.

– Понимаю.

– Вот и хорошо. Кстати, тебе не приходило на ум изменить свой замысел?

– Какой замысел?

– Продолжать прятаться от остальных.

– Чем же он плох?

– Ты только подумай, какое воздействие может оказать появление призрака на разум, отягощенный сознанием вины.

– А что? Это идея.

– Ты схватываешь мои мысли на лету, – похвалил Чиун.

– Ну, я побежал. Ты идешь?

– Пойду, когда сочту нужным, – отозвался мастер Синанджу. – Мои старческие конечности...

Римо ухмыльнулся.

– Постарайся поменьше шуметь, – предупредил он. – А то, глядишь, явится снежный человек и решит тобой закусить.

– Умолкни, презренный.

– Увидимся позже, папочка.

– Только если я этого захочу.

Глава 14

За время его отлучки Стокуэлл со своими спутниками ушел вперед на четверть мили, но Римо отыскал их без труда. Экспедиция продвигалась вялым шагом, профессор еле волочил ноги, словно человек, утративший надежду и движимый лишь упрямством. Пайку Чалмерсу, судя по его виду, было безразлично, с какой скоростью они идут, – каждые тридцать ярдов англичанин останавливался и осматривал лес, поводя стволом автомата, болтавшегося у него на бедре. Проводник-малаец замедлил ход, приноравливаясь к неторопливой поступи Стокуэлла, а Сибу Сандакан более всего напоминал выбившегося из сил марафонца, который внезапно обнаружил, что до финиша осталась целая миля.

Римо продолжал ломать голову над предложением Чиуна присоединиться к путешественникам, выйдя за их спинами из леса. С одной стороны, было соблазнительно застать шпиона врасплох, надеясь, что он невольно выдаст себя какой-нибудь необычной выходкой. Однако Римо уже пробовал применить этот прием, но безрезультатно. Помимо всего прочего, не было никаких оснований считать, что нападение бандитов спланировано лазутчиком, а уж тем более имело целью его уничтожение. Римо показалось, что мятежники действовали сгоряча. Желая ускорить ход событий, они не выдержали и нанесли удар на свой страх и риск. В таких обстоятельствах любой из членов экспедиции мог быть удивлен при виде ожившего Римо, но никому и в голову не пришло бы выказывать разочарование.

Кроме Чалмерса, разумеется.

Вчера ночью он явно взял Римо на мушку, и ни нервозность, ни суматоха боя не могли послужить ему оправданием. К тому же он застрелил по меньшей мере одного из нападавших, и это ставило под сомнение подозрения в том, что он является связником бандитов в экспедиции. Скорее всего Чалмерс хотел расквитаться с Римо за памятную стычку в Куала-Лумпуре.

Кто еще из членов экспедиции мог оказаться шпионом? Римо уже успел изучить спутников, но, по его мнению, никто из них не годился для тайных операций. Только Чалмерс с его военной подготовкой, по-видимому, обладал необходимыми навыками, однако его явное презрение к азиатам и недостаток утонченности вынуждали Римо отложить эту версию до тех пор, пока не появятся более весомые доказательства.

Хорошо уже то, что он точно знает о существовании

лазутчика. До сих пор Римо верил главарю бандитов, невзирая на то, что поначалу тот пытался скрыть цель своего задания. Во время нападения китайский шпион предпочел остаться в тени, в результате чего погибли восемнадцать человек.

Скольких еще ожидает подобная участь?

Нельзя сказать, чтобы Римо уж очень беспокоил этот вопрос; он вспоминал о числах только в том случае, если они каким-либо образом мешали ему довести до конца порученное дело. А в этот миг ему нужен был только подозреваемый, которого можно было выделить из толпы и сосредоточить на нем свое внимание.

Если Римо присоединится к экспедиции, спутники могут потребовать объяснений его отсутствия. Разумеется, он всегда мог заявить, будто бы его оглушили, он лишился чувств, потерял ориентацию в темноте, и лишь счастливая случайность помогла ему отыскать товарищей. Но поверят ли они его рассказу? А если не поверят, что тогда?

Римо уже решил было сохранять дистанцию и наблюдать из укрытия, когда Кучинг Кангар замер и предупреждающе поднял руку, давая сигнал остановиться. Римо застыл на месте, вслушиваясь и всматриваясь, ища признаки угрозы.

Он едва не проглядел опасность, и лишь слабое шевеление в кустах перед самым его носом обнаружило присутствие человека. Точнее, нескольких людей, припавших к земле у самой тропы. Римо не слышал их приближения, поскольку незнакомцы не производили шума и не совершали движений, которые выдавали бы их. Что же до человеческого запаха, то, как убедился Римо, рассматривая ближайшего чужака, их обнаженные тела были с ног до головы измазаны грязью, будто слоем краски.

Как только туземцы выскочили на тропу, Чалмерс схватился за автомат, но его внимание было всецело приковано к вновь прибывшим, и он упустил из виду Кучинга Кангара. Прежде чем англичанин успел открыть огонь, проводник взмахнул своим тяжелым кривым тесаком и выбил «Калашникова» из рук Чалмерса.

Выругавшись, великан потянулся за револьвером, но малаец оказался проворнее. Он с рычанием бросился вперед и, прижав лезвие ножа к горлу противника, предостерег:

– Не надо стреляй!

Чалмерс несколько секунд смотрел на него сердитым взглядом, но все же уступил и задрал руки вверх.

У дикарей были копья, луки и стрелы; в толпе тут и там мелькали дубинки. Однако внимание Римо привлекло отнюдь не вооружение туземцев. Он разглядывал их тела и физиономии, и его собственное лицо постепенно мрачнело.

Из двенадцати туземцев, которых он мог рассмотреть, в том числе Кучинга Кангара, лишь шестеро выглядели полноценными людьми, если не считать покрывавшей их грязи. Остальные носили на себе отпечаток разнообразных причудливых уродств, которые придавали им сходство с труппой бродячего цирка. Трое из них, пигмеи с непропорционально большими черепами, сжимали в крохотных руках шестифутовые копья. Четвертый держал дубинку, стиснув ее ладонями, напоминавшими клешни гигантского краба. Массивное туловище пятого подпирали коротенькие ножки, а венчала его карликовая заостренная голова. Рядом стоял человек с одним глазом, расположенным точно в центре лба. У шестого были раздвоенные ступни, похожие на мясистые копыта. Обводя туземцев взглядом, Римо примечал паучьи пальцы, искривленные позвоночники, вывернутые суставы.

Экспедицию обступила толпа уродцев. Увидев окружавшие его изломанные конечности и тела, похожие на маски угрожающие лица, профессор Стокуэлл почувствовал, как его покидают остатки мужества. Слишком много пришлось ему пережить – сначала бандитское нападение, потом смерть Одри Морленд, сгинувшей в зыбучих песках, и вот теперь это стадо кошмарных созданий, вооруженных и, судя по всему, настроенных отнюдь не дружелюбно. А Кучинг Кангар, вне всяких сомнений, был с ними заодно – друг, а может, даже сын их племени. Среди туземцев было несколько человек с нормальными лицами и телами обычной формы – вероятно, проводник экспедиции принадлежал к их числу, играя роль разведчика, который мог общаться с внешним миром, не возбуждая чрезмерного любопытства.

Когда к Стокуэллу наконец вернулся дар речи, он спросил, обращаясь к Кучингу Кангару:

– Что означает это дерзкое нападение? Вы с ума сошли?

Проводник повернул к нему лицо, улыбаясь и продолжая прижимать лезвие тесака к горлу Чалмерса.

– Кое-кто из нас и впрямь сумасшедший, но это нам не помешает. – Его английский заметно улучшился. – Что же до нападения, то наша цель – вы, доктор.

– Я? Зачем же я вам понадобился?

– Для Нагака.

Не сумев уловить намек, Стокуэлл сказал:

– Ну да, конечно. Мы ведь для того и выбрали вас, чтобы найти чудовище.

– Ошибаетесь, профессор. Не вы, а я выбрал вас, – ответил проводник. – Вам не придется искать Нагака. Мы устроим так, что он сам нанесет вам визит.

– Что ж, тем лучше, – произнес Стокуэлл, начиная хмуриться. Только теперь он заметил в голосе Кангара затаенную нотку, которая не сулила ничего хорошего уцелевшим членам экспедиции. – Тем быстрее мы завершим наше предприятие.

– Ваше предприятие уже завершено, доктор, – сообщил малаец. – Отныне вам предстоит играть совсем иную роль.

– Это не сойдет вам с рук, чертовы желтопузые, – прохрипел Пайк Чалмерс.

– Кто сможет нас остановить, сэр? – Кучинг Кангар улыбнулся и еще крепче прижал нож к горлу англичанина. Из-под острия выступила кровь.

– Я вынужден поставить вас в известность, – заговорил Сибу Сандакан, – о том, что я представляю здесь правительство, и если вы причините нам вред, вас ждет...

– Возмездие? – Кучинг Кангар насмешливо ухмыльнулся.

– Да, разумеется.

– Кто же нас накажет? Не вы ли?

– У правительства есть войска...

– Которым вы должны были дать сигнал, – прервал его Кучинг Кангар и, сунув свободную руку в карман штанов, извлек крохотную пластмассовую коробочку. – Вероятно, при помощи этого прибора.

– Где вы его взяли? – потребовал Сандакан.

– У вас, где же еще? – ответил проводник, улыбаясь от уха до уха. – Он вам больше не понадобится.

С этими словами Кучинг Кангар размахнулся и забросил аппарат подальше в лес.

Профессор Стокуэлл не услышал звука его падения.

– Так вы собирались вызвать войска? – осведомился он, вперив взгляд в лицо заместителя министра.

– Только в случае опасности, – заверил его Сибу. – Мы ведь находимся в диких джунглях. Обычная предосторожность...

– Из которой не вышло ничего путного, – отрезал Стокуэлл и, вновь повернувшись к бывшему проводнику, спросил: – Что вам нужно от нас?

– Я уже сказал. Мы выбрали вас для Нагака.

– Будьте любезны, объясните, что это значит.

– Всему свое время, доктор. Прежде чем вы встретитесь со своей мечтой, нам предстоит прошагать немало миль. Путь будет нелегкий, но тут уж ничего не поделаешь. Если вы нас не задержите, мы окажемся на месте к заходу солнца.

– Я постараюсь, – ответил Стокуэлл. В его голосе не было и следа сарказма.

Малаец щелкнул пальцами. Из толпы вышли два его

соплеменника – ухмыляющийся циклоп и карлик, на каждой ступне которого было по шесть пальцев, – и принялись подталкивать Стокуэлла копьями.

– В этом нет необходимости, – заспорил профессор.

– Коли так, поспешим отправиться в дорогу, – сказал Кучинг Кангар.

* * *

Пайк Чалмерс не сопротивлялся, когда измазанные вонючей грязью туземцы отнимали у него «уэзерби», револьвер и охотничий нож. Они не стали ощупывать англичанина, словно полицейские, и тем не менее разоружили его быстро и очень ловко.

Но это еще не значит, что он остался беспомощным.

Поглядывая из-под нахмуренных бровей, Чалмерс насчитал двадцать противников, включая бывшего проводника; большинство из них принадлежали к числу людей, которых в цивилизованном мире называют неполноценными – у них были недоразвитые конечности, лишние пальцы, искривленные позвоночники, деформированные черепа.

У одного из уродов не было губ, у другого вместо носа в центре лица торчало что-то вроде прыща. Какое счастье, решил Чалмерс, что этим кошмарным созданиям достало ума прикрыть свои гениталии набедренными повязками.

Он подумал, не стоит ли ворваться в их толпу и дать им почувствовать крепость своих кулаков. Один удачный тычок в глаз ослепил бы циклопа, а коротышки и вовсе представлялись Чалмерсу безобидными – он мог бы расшвырять их пинками, словно футбольные мячи. Шестеро нормальных на вид мужчин сулили определенную опасность, но если бы Пайку удалось завладеть тесаком или, еще лучше, копьем...

Вот только лучники ему определенно не нравились. При всем убожестве их облика эти карлики управлялись со своим оружием, словно заправские стрелки, и держали луки с натянутыми тетивами, нацелив стрелы в направлении пленников. Чалмерс не мог не заметить длинных наконечников с темными остриями, наводившими на мысль о яде, который делал стрелы смертельными вдвойне.

Чем дольше он наблюдал, тем меньше нравились ему и эти шестифутовые копья. Какая страшная участь – погибнуть с копьем в груди, будто насекомое из коллекции, пришпиленное булавкой к доске. Судя по выражению лица Кучинга Кангара, он был бы

только счастлив, если бы у него появился повод всадить свой тесак в англичанина. Эти проклятые желтопузые все как один неблагодарные подонки.

Придется ждать удобного момента, решил Чалмерс. Сначала нужно выяснить, куда их ведут, а уж потом предпринимать попытку бегства. Чалмерс не понял намеков проводника насчет Нагака, но кто его знает, на что способны дикари с их куриными мозгами, сваренными в генетическом бульоне, которому ох как далеко до совершенства.

Он запомнит дорогу, по которой они пройдут, и приглядится к местным ориентирам, чтобы получить возможность вернуться по собственным следам. Если в конце пути их ожидает какая-либо ценная находка, Чалмерс позаботится о том, чтобы урвать себе львиную долю, а если не выйдет, что ж – он запомнит местонахождение убежища дикарей и вернется сюда позже в компании серьезных ребят, которые знают, что они делают и знают цену жизни – не то что эти высоколобые, которые, случись заварушка, не отличат пистолета от ночного горшка.

Вряд ли мировое сообщество станет оплакивать гибель жалкого племени уродцев, подумал Чалмерс. Более того, стереть с лица земли этот мерзкий рассадник дурных генов – его долг перед человечеством. Если правда выплывет наружу и поднимется шумиха, всегда можно будет сказать, что это был акт самообороны. Пайк сумеет подтвердить свою правоту, предъявив отнятое у дикарей оружие... а может быть, даже трупы жертв недавнего столкновения.

Чалмерс продолжал шагать по тропе, обливаясь потом и с каждой минутой все крепче убеждаясь в том, что он должен бежать в одиночку. За шкуру этого желтопузого ублюдка, Сибу Сандакана, он не дал бы и дохлой мухи, а старик профессор стеснял бы его действия. Вздумай Чалмерс тащить с собой Стокуэлла, когда по их следам мчится завывающая орда туземцев, он наверняка бы погиб. К тому же доктор был превосходной жертвой – его смерть в руках дикарей подняла бы волну протестов от Куала-Лумпура до Соединенных Штатов, и тогда любые карательные меры Чалмерса получили бы официальное одобрение властей.

Да будет так.

К тому времени, когда закончилась первая миля пути, Чалмерс принял окончательное решение. Он будет осторожен, внимателен и не упустит свой шанс.

* * *

Маленькая черная коробочка плыла к нему между деревьями, и Римо выхватил ее из воздуха, осмотрел и сунул в карман. Судя по всему, это был сигнальный прибор. Короткая перепалка между Сибу Сандаканом и бывшим проводником экспедиции дала Римо понять, что он мог бы вызвать войска, нажав кнопку, однако ему вовсе не хотелось, чтобы в джунглях высадилось вооруженное подразделение солдат – во всяком случае, пока.

Засада застала Римо врасплох, но он быстро преодолел замешательство и тут же решил преследовать туземцев и их пленников, выяснить, куда они идут и как может отразиться на его задании такой поворот событий.

В этот миг физические недостатки местных жителей занимали Римо ничуть не больше, чем их самих. Он мог бы назвать несколько причин, способных превратить изолированный народ в племя уродцев. Например, вырождение, генетические отклонения, накопившиеся за долгие поколения в отсутствие притока здоровой крови. Другим возможным объяснением было загрязнение воздуха и воды – нечто подобное произошло несколько лет назад в японском городе Миномата, жители которого употребляли в пищу рыбу, зараженную ртутью. Воздействие инсектицидов и промышленных отходов из географических соображений можно было исключить, но в природе существовали минералы и тяжелые металлы, могущие произвести тот же эффект.

Наконец туземцы и их пленники, прервав размышления Римо, вновь отправились в дорогу. Они продолжали двигаться на восток и, лишь пройдя около полумили, взяли чуть южнее. При этом они сошли с тропы, но дикарей это ничуть не волновало – они вели трех пленников тайными дорожками, по которым еще не ступала нога белого человека.

Римо крался позади, словно тень, держась в отдалении, чтобы не выдать себя, но достаточно близко, чтобы не упустить ни запаха, ни звука. Туземцам было не привыкать к путешествиям в джунглях, но даже и они оставляли следы, заметные всякому, кто имеет глаза. Римо мог бы отпустить их на расстояние дневного перехода, но счел за лучшее находиться рядом с пленниками на тот случай, если внезапно наступит развязка, какова бы она ни была.

Пешая прогулка давала Римо время поразмыслить над словами, которые он подслушал, наблюдая за малайцами и захваченными ими путешественниками. Судя по разговору, пленников вели к Нагаку, чем бы тот ни оказался. Уже само это слово вызывало у Римо раздражение, и тем не менее он решил выждать и посмотреть, что произойдет в ближайшее время.

Выскочить из-за деревьев и напасть на туземцев означало подвергнуть опасности своих бывших спутников. Невзирая на подавляющее численное преимущество противника, Римо не боялся за свою жизнь, но вряд ли смог бы помешать кому-нибудь из дикарей пронзить копьем Стокуэлла, Сандакана или даже Чалмерса, пока он будет расправляться с остальными. Каковы бы ни были намерения туземцев, Римо был готов молниеносно вмешаться в ход событий, если пленников попытаются убить прямо на тропе, но, пока этого не случилось, предпочитал ждать и наблюдать.

Джунгли становились все мрачнее – это впечатление лишь подчеркивал переполненный живностью подлесок и какое-то неясное, почти мистическое ощущение, – но Римо без особого труда следовал за причудливой процессией. Как-то раз он преодолел около четверти мили пути, пробираясь над головами идущих по ветвям. Здесь, у вершин деревьев, в шестнадцати футах над землей, царил совсем иной мир, наполненный созданиями, которые появлялись на свет, жили своей хлопотливой жизнью и умирали, ни разу не спустившись вниз.

Римо подумал, не подождать ли ему Чиуна, но отказался от этой мысли, поскольку не имел ни малейшего понятия о том, где сейчас находится старый кореец, где ему вздумается вновь появиться на глаза и какие планы он вынашивает. Сейчас главной задачей было присматривать за Стокуэллом и его спутниками, не упуская их из виду.

Несомненно, впереди их ожидает неведомое суровое испытание. Римо надеялся, что при благоприятном стечении обстоятельств ему удастся выявить шпиона и тем самым завершить свою миссию. А уж после того, как лазутчик будет уничтожен, можно будет решать, что делать с уродцами и уцелевшими членами экспедиции. И с коробочкой, лежавшей в кармане его брюк.

Что имел в виду Кучинг Кангар, говоря о Нагаке? Создавалось впечатление, что Стокуэлл и его компаньоны захвачены местной религиозной сектой, впрочем, Римо не мог сказать наверняка. Он не видел ничего необычного в том, что люди поклоняются вымышленному чудовищу, а все происходящее прекрасно укладывалось в рамки заурядного мифотворчества, о чем бы ни повествовали легенды – о драконе или племени лесных троллей. Будь у Римо возможность расспросить местных жителей, он ничуть не удивился бы, обнаружив, что уродцы сами распространяют в округе небылицы на сей счет.

Однако в настоящее время о духах и мифах можно было забыть. Римо занимали более насущные дела, кровь и плоть –

туземцы, трое пленных и тот человек, которого он должен был выследить и уничтожить. А привидения и демоны джунглей пусть сами заботятся о себе.

В пределы Тасик-Бера вступил невиданный, зловещий, не ведающий жалости хищник. Он не успокоится, пока не выполнит порученную ему работу.

И если старина Нагак захочет полакомиться добычей Римо, ему придется подождать своей очереди.

Глава 15

Саффорд Стокуэлл шлепнул себя по шее. Жара и неумолчное жужжание насекомых, отдававшееся звоном в ушах, начинали сводить его с ума. Он поставил на карту все, что имел, забрался так далеко, и все это лишь для того, чтобы угодить в лапы первобытных дикарей, так и не достигнув своей цели. Сама эта мысль казалась Стокуэллу нестерпимой. Смерть Одри оказалась напрасной, и все труды экспедиции пошли прахом. И когда он сгинет в джунглях, еще один белокожий человек, павший их жертвой и не сумевший разобраться в происходящем, Джорджтаунские зубоскалы всласть посмеются над его неудачей.

Кучинг Кангар обещал привести экспедицию к Нагаку. И хотя его обещание отдавало неприкрытой угрозой, профессор увидел в словах бывшего проводника обнадеживающий знак. Судя по всему, туземцы собирались умертвить своих пленников, но профессор наделся уговорить их сменить гнев на милость. А если нет, он по крайней мере получал возможность удовлетворить свое любопытство.

Стокуэлл не был антропологом, но отличался эрудицией и глубокими познаниями в области многих научных дисциплин. Он знал, что культовые обряды большинства племен, живущих вдали от «цивилизованного» мира с его наркотиками и «спасителями»-психопатами, основаны на реальных достоверных событиях. Так, в Полинезии бытует культ «авиагруза», восходящий своими корнями к временам второй мировой войны, когда на островах приземлялись машины ВВС союзных войск. Некоторые изолированные племена до сих пор поклоняются моделям самолетов, которые осыпали их небесными благами пятьдесят лет назад; целые поколения аборигенов выросли, ожидая возвращения небесных божеств.

Почему же Нагак непременно должен оказаться выдумкой, продуктом воспаленного воображения какого-нибудь знахаря или колдуна? Не могло ли случиться так, что когда-то в прошлом племя Кучинга Кангара действительно сталкивалось с неизвестным чудовищем, которое в наши дни считается вымершим?

Разумеется, это не значило, что Нагак до сих пор жив или по крайней мере попадался на глаза людям нынешнего столетия. С другой стороны, последние динозавры вымерли более шестидесяти миллионов лет назад, за пятнадцать миллионов лет до появления первой человекообразной обезьяны, поэтому казалось вполне разумным предположить, что человек никак не

мог встретиться с доисторическими чудовищами… разве что некоторым из них удалось каким-то образом выжить.

Разумеется, существовали и другие гипотезы. Нагак мог и не быть динозавром в научном смысле этого слова. Когда Стокуэлл был молод и предпочитал работать в поле, он на собственном опыте убедился в том, как мало известно человеку о жизненных формах, населяющих Землю. Новые виды обнаруживались реже, чем вымирали уже открытые, и тем не менее каждый год приносил замечательные находки. Большинство новооткрытых видов принадлежали к числу «малозаметных» – насекомые, амфибии, рептилии, изредка птица или млекопитающее, и тем не менее то тут, то там появлялось более крупное животное. Так, вплоть до 1912 года никто не верил в драконов с острова Комодо, а первый экземпляр «мифической» кошки Келласа был добыт лишь в 1983 году, и не где-нибудь, а в Шотландии. Доктор Стокуэлл был бы искренне удивлен, если бы на неизведанных просторах джунглей Тасик-Бера не сохранились свои тайны.

Профессор лишь надеялся, что успеет найти разгадку секрета Нагака, даже если ему не суждено поделиться открытием с широкой публикой. Стокуэлл был готов удовольствоваться сознанием того, что он добился своей цели и его последнее напряжение сил было ненапрасным.

Весь день напролет туземцы и их пленники шагали, не останавливаясь ни на минуту. Порой Стокуэллу казалось, что он вот-вот свалится от изнеможения, но всякий раз, когда он спотыкался, кто-нибудь из провожатых принимался колоть его копьем или грубым каменным ножом, пока к профессору не возвращалась энергия и он не устремлялся вперед. Движимый страхом, он время от времени подкреплял свои силы скупым глотком из походной фляжки, но во второй половине дня совсем изголодался, растратив калории, которые нечем было возместить. Желудок профессора рычал, словно запертый в клетке зверь, но окружающие ничего не замечали, и чувство голода постепенно улеглось.

Ближе к вечеру тропинка пошла под уклон, но Стокуэлл решил, что это ему кажется из-за усталости. Согласно топографическим картам, которые он нес с собой, район Тасик-Бера представлял собой заболоченную равнину, плоскую, как стол, лишенную впадин и возвышенностей. Здесь не было гор, а значит, не было и долин. И все же…

Когда над джунглями сгустились сумерки, профессор вдруг понял, что чувства его не обманывают. Тропинку пересек овраг, дно которого постепенно понижалось на расстоянии около сотни ярдов, потом опять шло горизонтально. Деревья, росшие на

склонах оврага, смыкались вершинами, закрывая солнечный свет. Профессор то и дело замечал исчезающие хвосты змей, напуганных приближением людей, и ему казалось, что вот-вот на тропу выползет королевская кобра и изготовится к нападению, раздув свой капюшон.

Наблюдая за змеями, Стокуэлл подумал о Рентоне Уорде, и тут же его мысли захлестнули горестные воспоминания о судьбе несчастной Одри Морленд, погибшей в зыбучих песках.

Внезапно среди деревьев замаячил просвет, яркое пятно на фоне мрачной тьмы. Ступив на открытое пространство, которое чуть дальше вновь сменялось густой чащобой, Стокуэлл остановился, не в силах тронуться с места, пока туземцы не подтолкнули его вперед.

Профессору показалось, что он теряет рассудок. Должно быть, жара повлияла на его мозг, иного объяснения не было.

Он моргнул, потом моргнул еще раз, но все оставалось по-прежнему. Зрелище, открывшееся взору Стокуэлла, было вполне реальным, и спутники профессора тоже увидели его. Пайк Чалмерс застыл, словно превратившись в каменный столб, и лишь копья двух пигмеев заставили его двигаться дальше. К этому времени Стокуэлл собрался с силами и зашагал, хотя и не чуял под собой ног. От возбуждения у него закружилась голова, и он едва не лишился чувств от совокупного воздействия жары, голода, усталости и изумления.

Но он продолжал идти.

Идти, направляясь к древнему тайному городу, который вырос из-под земли, словно по мановению волшебной палочки.

* * *

Всякий раз, возвращаясь домой, Кучинг Кангар испытывал радость и облегчение. Он терпеть не мог посещать окружающий мир, но выбора у него не было. Жестокая судьба отметила его лицом и телом, не похожими на облик других членов клана, «нормальными», если говорить на языке людей, незнакомых с народом Кангара, и тем самым предопределила его назначение – служить мостом между Племенем и внешним миром.

В каждом поколении рождались шесть-семь «нормальных» детей, вполне достаточно, чтобы осуществлять необходимую связь с обществом обычных людей. Это было частью плана великого Нагака, но Кучинг Кангар, хотя и сознавал его гениальность, все же тяготился своей особой ролью. С самого рождения обреченный быть одним из чужаков, он всегда

чувствовал себя изгоем, а другие дети Племени не позволяли ему забыть об этом. Они непрестанно дразнили Кучинга, забрасывали его камнями, когда он пытался принять участие в общих играх, и совершенно ясно давали понять, что он никогда не будет признан своим. Молодые женщины Племени сторонились его, будто «нормальная» внешность была чем-то ужасным и отвратительным. Еще в молодости Кучинг узнал, что со временем старейшины подберут ему «нормальную» супругу, чтобы не прервался род «странных» людей, – даже если для этого придется выкрасть женщину у чужаков.

Допустить полное и окончательное вымирание «нормальных» было нельзя – они служили единственной связью с внешним миром, откуда Племя черпало золото, серебро, драгоценные камни и жертвы, предназначенные великому Нагаку.

Когда Кучинга Кангара отправляли учиться вместе с обычными людьми, он опасался, что его выведут на чистую воду, заметив в его взгляде и манере держаться что-нибудь, изобличающее принадлежность к Племени. Конечно же, он ошибался. При всей своей образованности люди внешнего мира были донельзя глупы. Они ничего не знали о народе Нагака. Более того, они растили своих детей в убеждении, что драконы есть фантазия, выдумка.

Дураки.

Теперь Кучинг Кангар жил, разрываясь между двумя мирами, одной ногой находясь в Городе, другой – вне его. Получив должным образом оформленный диплом, Кучинг забросил его подальше, научился скрывать свою образованность и вскоре приобрел славу лучшего проводника полуостровной Малайзии. Он был по-своему знаменит среди чужаков, которые являлись в джунгли с оружием и фотоаппаратами, чтобы познавать дикую природу, изучать растения и обычаи аборигенов. Кое-кто из них искал нефть и полезные ископаемые, но Кучингу было все равно. Каждый год определенное число его клиентов пропадали в лесу, но всякий раз их исчезновение сопровождалось обстоятельствами, которые никак не отражались на репутации проводника и не позволяли властям заподозрить его в злом умысле.

Нагак то и дело требовал новых жертв, но внешний мир населяли миллионы доверчивых простаков, и каждый сезон приносил обильный урожай охотников до богатств, романтики и приключений, которые, как они надеялись, ждали их в девственных джунглях. Большинство благополучно возвращались домой, но кто мог упрекнуть Кучинга Кангара, если один из его подопечных исчезал, проглоченный «тиграми», «крокодилами» или «зыбучими песками»? Десять лет охоты на чужаков убедили

Кангара в том, что люди внешнего мира обожают трагедию. Гибель знакомых людей делала их собственную жизнь ярче, наполняя ее непонятным удовлетворением.

Вероятно, смерть, пощекотавшая уши и прошедшая стороной, убеждала их в собственной непобедимости, но мысли и побуждения чужаков не интересовали Кучинга. Ему и его Племени было достаточно того, что эти слабоумные по-прежнему лезли на рожон и при этом щедро оплачивали услуги человека, который вел их навстречу смерти.

До сих пор Кучингу не доводилось заманивать в ловушку целую экспедицию, но ведь и группа Стокуэлла была не из обычных. Эти люди искали Нагака – впервые за историю нынешнего поколения чужаки проявили интерес к «примитивным туземным легендам». В последний раз такое случилось за год до рождения Кучинга, когда подразделение британских солдат явилось в джунгли поохотиться на дракона, но их ослепляло собственное неверие, и они были слишком хорошо вооружены, чтобы Племя могло с ними справиться. К тому же солдаты уделяли поискам Нагака куда меньше времени, чем устройству лагерей и тренировкам на выживание. Их проводником был «нормальный» представитель племени, и он позаботился о том, чтобы чужаки не подошли к Городу ближе расстояния дневного перехода.

На памяти Кучинга Город никогда не назывался иначе. Разумеется, Племя не имело собственной летописи, поэтому история Народа передавалась из уст в уста, сохраняемая в памяти «нормальных» и тех, кто был способен достаточно долго удерживать мысли в голове. Город так и назывался «Городом», просто и без прикрас, и состоял из массивных каменных зданий, возведенных в незапамятные времена. Место постройки было выбрано древним пращуром, который первым увидел Нагака и стал поклоняться ему, принося жертвы.

Предания гласили, что поначалу Племя состояло только из «нормальных» людей, и лишь по прошествии нескольких лет жизни в Городе и поклонения Нагаку священный дракон даровал Народу «особых» детей. В первые годы перемен кое-кто из соплеменников пугался, испытывая отвращение при виде «уродов», однако жрец вовремя распознал божественное благословение и объяснил это явление остальным.

У Народа достало мудрости поверить в своего Бога, и Он вознаградил Племя, отделив его от прочих человеческих существ. Он отметил своим знаком тех, кто поклонялся Ему, оставив среди них «нормальных» людей, которые осуществляли связь с окружающим миром. Порой Нагак одаривал «нормальных»

«особыми» детьми, чтобы те не чувствовали себя ущемленными и не винили себя в том, что не сумели должным образом поклоняться Ему, принося достаточно щедрые жертвы.

Город тоже был отмечен знаком Нагака. Подземная река питала каменный фонтан, расположенный на обширном внутреннем дворе, где Племя отправляло многие свои ритуалы. Порой в тьме ночи сама вода, казалось, оживала, рассыпая искры сверхъестественных пляшущих огней.

Благословение Нагака.

Кучинг смотрел прямо перед собой, чувствуя, как радостно забилось его сердце. Всякий раз после долгой отлучки первый же взгляд на Город заставлял учащаться его пульс. Нельзя сказать, чтобы при этом ему в голову приходило слово «прекрасный» – камни, из которых был выстроен Город, обветшали, потрескались и заросли лишайником и ползучими растениями, – но это был дом. Сердце Кучинга принадлежало Городу, его место было здесь, среди соплеменников. Да будет так.

Массивные ворота из прямоугольных деревянных брусьев высотой в тридцать пять футов охраняли часовые, стоявшие на стене. При появлении врагов или пленников один из часовых поворачивался к внутреннему двору и издавал птичий крик, требуя открыть ворота. Эта процедура занимала долгое время – каждая створка весила несколько тонн, а открывать ворота по некоторым причинам дозволялось только «малышам», – но Кучингу некуда было спешить. Он выполнил задание и теперь получит справедливое вознаграждение.

Может быть, думал он, заранее чувствуя пульсацию в чреслах, ему позволят провести ночь с Джелек, трехгрудой женщиной.

– Что это такое? – спросил старик профессор и взвизгнул, когда один из «малышей» ткнул его копьем.

– Город, – ответил Кучинг, будто это слово все объясняло. Впрочем, на его взгляд, так оно и было.

– Вы живете здесь? – В голосе профессора угадывалось изумление.

– Здесь живет Племя, о белый человек. Я принадлежу к этому Племени. Где я, по-твоему, должен жить?

– Я лишь хотел сказать...

На сей раз «малыш» ткнул крепче, и доктор Стокуэлл уловил намек. Он закрыл рот и замолчал, не отрывая взгляда от створок ворот, которые медленно раздвигались, со стоном преодолевая дюйм за дюймом.

– Похоже, тут у вас нечасто бывают гости, – заметил Пайк Чалмерс. – Не так-то просто двигать эти дурацкие бревна, когда кто-нибудь позвонит в дверь.

Из толпы туземцев вышел одноглазый и приблизился к Чалмерсу. Он размахнулся копьем, словно дубинкой, и ударил англичанина, едва не сломав ему ногу.

– Будь ты проклят!

Второй удар швырнул охотника на четвереньки. На его лице застыла растерянная мина.

Ворота распахнулись настежь, и Кучинг Кангар увидел своих соплеменников, которые сгрудились во дворе, рассматривая жертвы, предназначенные Нагаку.

Кучинг улыбнулся и первым вошел внутрь.

Увидев спрятанный в джунглях город, Римо оторопело заглянул в карты. Нет, ошибки быть не могло; он не сошел с ума, не бредил, а город не был миражом.

Карты попросту врали – точнее, были неполны.

Затаившись, Римо наблюдал за тем, как открываются массивные ворота. Трудоемкость этого процесса убедила его в существовании других способов проникнуть в город – на случай непредвиденных обстоятельств. Если в поселении вспыхнет пожар или нападут враги, жители города должны иметь потайной выход, вероятнее всего – несколько.

Задача заключалась в том, чтобы отыскать вход, иначе Римо пришлось бы взбираться по стенам. Не то чтобы это было трудно – камни стен покрывала сеть трещин и ползучие растения, которые могли послужить удобной лестницей. Но стены охранялись, и хотя Римо ничуть не сомневался в своей способности справиться с часовыми, он понимал, в каком затруднительном положении окажется, если кто-нибудь из них проживет достаточно долго, чтобы поднять тревогу.

В таком случае пленникам грозила куда более серьезная опасность, чем самому Римо. Он не мог знать заранее, как поведут себя аборигены, но, судя по первому впечатлению, их вряд ли можно было назвать сдержанными рассудительными людьми.

По странному капризу судьбы Римо сейчас предстояло выручить из беды трех спутников, среди которых был враг, человек, которого он должен был убить по приказу КЮРЕ. Главным затруднением было то, что он не знал, кто из членов экспедиции лазутчик, кого из них следует уничтожить.

Не беда, подумал Римо. Пусть туземцы прикончат всех троих.

Разумеется, это было приемлемое решение, но не самое лучшее. Римо должен был – если сумеет, конечно, – узнать, что случилось с предыдущей экспедицией, и хотя к этому мгновению он уже получил достаточно ясное представление о судьбе Терренса Хоппера и его людей, оставалась последняя задача –

выяснить все, что возможно, о новом урановом месторождении.

Иными словами, Римо должен был проникнуть в древний город, обследовать его и выбраться оттуда.

Он уже собирался приступить к осмотру границ поселения, когда его ушей коснулся звук шагов. Кто-то приближался к городу со стороны джунглей. Судя по звуку, этот человек был один и старался производить как можно меньше шума, хотя и безуспешно. Римо осмотрел стену, убедился в том, что ни один из часовых, стоявших каменными истуканами, не заметил ничего настораживающего, и двинулся навстречу вновь прибывшему.

Выбрав удобный наблюдательный пункт, ветвь дерева на высоте пятнадцати футов над землей вдали от глаз часовых, Римо устроился там и принялся ждать. Через несколько мгновений он заметил силуэт человека, который пробирался сквозь джунгли к городу, судя по всему, не догадываясь о его существовании.

Секунды спустя Римо понял, что этот человек не принадлежит к племени, населяющему город. Его изорванную в клочья, покрытую пятнами одежду никак нельзя было спутать со слоем грязи. Человек поднял голову, и Римо, хотя и не узнал его, увидел, что он не малаец, а черты его лица не искажены уродством.

Улучив момент, Римо спрыгнул на землю за спиной одинокого путника и, вывернув ему руки, прижал ладонь к губам Одри Морленд.

Несколько секунд женщина пыталась вырваться, проявив неожиданную силу, и прекратила сопротивление лишь тогда, когда Римо шепнул ей на ухо:

– Перестаньте трепыхаться, иначе я сломаю вам шею.

Одри кивнула и, как только Римо осторожно отпустил ее, повернулась к нему лицом.

– Вы живы! – выдохнула она. Ей хватило ума говорить шепотом, находясь в стане противника.

– И вы тоже, как я могу видеть.

– Еще бы. А что заставило вас подумать, что я мертва?

– Наш уважаемый проводник нашел в зыбучих песках ваш шарфик, – сообщил Римо, сочтя за лучшее не распространяться о результатах собственных поисков. – К тому же вы так и не вернулись в лагерь. И мы подумали...

– Что я мертва, – закончила за него Одри. – Вы решили, что я погибла, и, как видите, ошиблись. Вот она я, живая и здоровая.

– К чему же этот трюк с исчезновением? – спросил Римо.

– Услышав выстрелы, я испугалась и заблудилась в лесу. Целую ночь я просидела на дереве, но так и не сомкнула глаз. Что произошло там, в лагере?

Римо с трудом скрыл улыбку. Рассказ женщины представлял собой вариацию той самой лжи, которую он собирался преподнести Стокуэллу и остальным, и это обстоятельство придавало словам Одри явственный налет фальши.

– Мне повезло, – ответил он, не вдаваясь в подробности.

– Что случилось с мятежниками?

На сей раз Римо не сумел сдержаться и улыбнулся. Вчера ночью он собственными глазами видел Одри, стоявшую в лунном свете у ручья, вдалеке от лагеря, и покинул ее до того, как послышались первые выстрелы, первые звуки, выдававшие присутствие врага. Она могла знать о нападавших и об их намерениях только в том случае, если...

– Главарь мятежников спрашивал о вас, – сказал Римо.

– Что? – Лицо Одри выражало смущение, страх и гнев одновременно.

– Ваш связник, – пояснил Римо. – Должно быть, в Пекине будут очень разочарованы.

Несколько секунд Одри в упор глядела на Римо, потом утомленно вздохнула.

– Какая муха вас укусила? – спросила она.

– Это не важно. Некоторое время вы успешно играли свою роль, но, боюсь, вам не удалось бы продержаться очень уж долго.

– Что вы имеете в виду?

– Игры в плащи и кинжалы. Вы никудышный шпион, Одри.

– У меня мало опыта, – сказала женщина.

– Это очевидно. Что заставило вас так круто изменить профессию?

– Все очень просто и понятно. Деньги, Рентон. Кстати, вас действительно зовут Рентой?

– Какая разница?

– Полагаю, никакой. Будь вы настоящим профессором, вы бы знали, какая это скука – научная работа. Порой я сама казалась себе ископаемым. Вы можете это понять?

– Это слабая отговорка, если речь идет о государственной измене.

– В мирное время этот термин не употребляется, Рентой. Я внимательно изучила законы и выяснила, что обвинение в шпионаже мне не грозит, поскольку, находясь в Штатах, я и пальцем не шевельнула.

– Если не считать переговоров с представителем Китая.

– Обычная деловая встреча, – сказала Одри. – Мне пообещали миллион долларов, половина – вперед. И премия, как только они наладят поставки урана.

– Сначала его нужно найти.

– Это нетрудно. – Одри подняла левую руку и повернула ее так, чтобы Римо мог увидеть циферблат часов, которые показывали временные зоны всего мира и фазы Луны. Вторая рука женщины осторожно скользнула в сторону. – Бесшумный счетчик Гейгера, – продолжала Одри. – Источник излучения все ближе и ближе.

– Вам потребуется помощь, – сказал Римо. – Вашего связника больше нет.

– Я справлюсь, Рентой. На урановом рынке спрос превышает предложение.

– Когда вы успели научиться всем этим премудростям?

– Я очень быстро усваиваю новые знания, если это требуется.

– Я так и понял.

Из кармана Одри появился пистолет. Римо заметил движение женщины, но не спешил останавливать ее.

– На вашем месте я бы не стал стрелять, – сказал он.

– Почему?

– Наших спутников взяли в плен и повели туда. – Римо ткнул большим пальцем в сторону древнего города.

– Взяли в плен? Кто? Куда повели?

– Не поверите, пока не увидите собственными глазами. Идите за мной, – предложил Римо и, сделав вид, что не обращает на оружие внимания, повернулся к Одри спиной. Продолжая поворачиваться вокруг своей оси, он нанес удар по запястью женщины и выбил из ее рук пистолет.

Одри испуганно замерла на месте. Римо воспользовался заминкой и завершил начатое. Он ударил женщину за ухом, сбив ее с ног и погрузив в беспамятство.

Потом он оторвал рукава ее рубашки, связал одним из них руки Одри за ее спиной, а второй использовал в качестве импровизированного кляпа. Разумеется, при желании Одри могла освободиться, но она должна была прийти в себя лишь через некоторое время, а Римо не собирался надолго задерживаться в городе.

Ему предстояла самая обыкновенная спасательная операция, если не считать поисков урановых залежей. Надев на руку часы Одри со счетчиком Гейгера, Римо почувствовал себя во всеоружии.

Город был отнюдь не изумрудным, ведущая к нему дорога была покрыта не желтым кирпичом, а грязью, и все же Римо отправлялся на встречу с волшебником. А там будь что будет.

Глава 16

Темнота несколько затруднила поиски, и тем не менее десять минут спустя Римо нашел потайной вход в город. Это были маленькие заросшие сорняками ворота у северо-восточного угла высокой городской стены. Часовых тут не оказалось, а сами ворота висели на прогнивших деревянных петлях, которые, хотя и оказали незначительное сопротивление, все же не смогли помешать Римо войти внутрь.

Интересно, когда эти ворота открывались в последний раз, подумал Римо и тут же выбросил эту мысль из головы, решив, что размышлять о вещах, не имеющих отношения к его заданию, было бы пустой тратой времени. В сотне ярдов справа от него простирался обширный двор, в центре которого стоял фонтан, похожий на каменного дракона. Из его утробы вырывалась струя воды.

Римо обратил внимание на фонтан из-за его свечения. Казалось, в воде содержится фосфоресцирующее вещество. Это явление природы показалось Римо столь любопытным, что он решил покинуть свое укрытие и медленно пополз вдоль стены, прислушиваясь к шагам часовых, которые прохаживались по парапету над его головой.

Римо не был ученым, но знал, что вода сама по себе не испускает свет. В море порой можно встретить фосфоресцирующий планктон, а то и более крупные существа, обитателей глубин, свечение которых объясняется химическими реакциями и служит для привлечения добычи или отпугивания врагов. То же самое явление наблюдается у светляков и некоторых жителей подземных пещер.

Почему светится фонтан? Может быть, в подземном источнике обитают микроорганизмы, которые вырываются вместе с водой на поверхность, внезапно вспыхивая яркими огоньками? Ядовиты они или безвредны? Может быть, уродства обитателей города объясняются тем, что они пьют эту воду?

Римо был уже на полпути к фонтану, когда из темноты вынырнули два туземца, шедшие со стороны дальней окраины двора. Римо замер и слился с тенями, наблюдая за тем, как эти двое остановились у фонтана, опустились на колени и вытянули руки, подставляя ладони сияющим струям. Они пригубили воду и обмыли свои мрачные деформированные лица, не переставая произносить нараспев слова, которые складывались в монотонный речитатив, похожий на молитву.

Наконец они поднялись на ноги и двинулись прямиком к

Римо, втиснувшемуся в темный угол стены. Они не заметили его, но Римо успел рассмотреть туземцев, когда те подошли поближе. Один из них был гигант добрых семи футов ростом, со складчатыми углублениями вместо ушей и мясистыми опухолями, которые торчали по обе стороны шеи наподобие жабр. У его спутника, человека среднего роста, была крохотная третья рука, росшая в центре груди. Она извивалась, ощупывая тело своего хозяина, как будто кто-то, спрятавшийся в его грудной клетке – карлик или ребенок, к примеру, – пытался выбраться наружу.

Стрелка бесшумного счетчика проворно метнулась к краю шкалы, но, как только человекоподобные монстры удалились на приличное расстояние, вернулась на место и расслабленно закачалась. Римо во все глаза смотрел на фонтан. Теперь ему было совершенно ясно, откуда взялись уродцы и где находится месторождение урана.

Эти люди веками пили, ели, вдыхали радиацию, плодя детей-мутантов. Словно по велению злого рока, их пращуры построили свой город в эпицентре заражения, которое грозило грядущим поколениям вполне предсказуемыми последствиями.

Не пей воду, подумал Римо и едва не рассмеялся вслух.

Ведь он находился в самом средоточии этого кошмара, вдыхая все тот же зараженный воздух. Судя по показаниям счетчика, кратковременное воздействие местного радиационного фона не представляло серьезной опасности, но у Римо не было ни малейшего желания задерживаться в городе и испытывать судьбу. И словно в насмешку, какой-то выверт психики заставил его почувствовать томительную жажду именно теперь, когда следовало держаться подальше от воды.

Ладно. Найди остальных и беги отсюда, сказал он себе.

Внезапно над городом прокатился пульсирующий гул. Сначала Римо подумал, что это биение его собственного сердца, отдающееся в ушах, но потом узнал приглушенный барабанный бой. Мерный рокот больших барабанов, усиленный акустикой просторного зала, находившегося где-то поблизости.

Ритм барабанов был непривычен для уха Римо, но он мог без труда определить направление, откуда приходил звук, – именно это следовало сделать в первую очередь. Инстинкт подсказывал ему, что, найдя барабанщиков, он отыщет и Стокуэлла с его спутниками.

Укрывшись в темноте, Римо отправился на поиски пульсирующего сердца города.

* * *

Прогулка по джунглям начинала раздражать Чиуна. Нет, он не устал – ему попросту надоело бродить по местности, с которой он освоился уже в первые часы маршрута. Где здесь вызов его мастерству? Невелика доблесть – шагать по грязным тропинкам за группой людей, которые и не думают скрывать свои следы.

Римо продемонстрировал творческую выдумку и фантазию, забравшись на деревья, но Чиун не спешил следовать его примеру. Во всяком случае, пока. Дело в том, что, помимо скучной обязанности следить за грубыми дикарями и белыми людьми – с точки зрения мастера Синанджу, эти понятия означали практически одно и то же, – у Чиуна была еще одна цель.

Он искал след дракона.

Однажды в самый разгар дня Чиуну показалось, что он нашел то, что хотел. Ему в нос ударила струя сильного едкого запаха, уводившая чуть к северу от тропы. Чиун не смог удержаться от соблазна сделать небольшой крюк. То, что он обнаружил, вызвало у Чиуна удивление и вместе с тем разочарование.

Его взору предстала куча дымящихся экскрементов. Весьма солидная, если исходить из привычных понятий, но слишком маленькая для дракона, если принять на веру сведения, почерпнутые из древних легенд. Чиун помедлил и приблизился к куче. Может быть, ее оставил детеныш дракона?

Нет.

Внешний вид и запах испражнений свидетельствовали о том, что их оставило травоядное животное, а ведь всякий, кто имеет голову на плечах, знает, что драконы питаются мясом.

Чиун еще раз обошел вокруг смердящей кучи в поисках следов. Увиденное заставило его задуматься. Эти следы принадлежали не дракону, а другому животному, и его можно было легко догнать. Дело того стоило: Чиун одним махом приобретал оружие и средство передвижения.

Упускать такую возможность было бы глупо.

Чиун пошел по пути, проторенному массивным телом зверя, шагая под углом к направлению движения людей, которых преследовал до сих пор. Он не знал и не мог знать, с какой скоростью перемещается животное, но куча экскрементов была свежая, и Чиун не сомневался в том, что оно где-то рядом.

Какая удача, подумал он, что преследуемые не наткнулись на животное, а оно, в свою очередь, на них. Люди непременно постарались бы его убить, и если бы это им удалось, мастер Синанджу лишился бы удовольствия прокатиться по джунглям верхом.

Увидев, что следы лесного гиганта сворачивают к воде, Чиун

заметил направление и побежал наперерез, подумав, что было бы неплохо перехватить животное у реки.

Он пробежал около полумили, не выказывая и следа усталости, когда деревья внезапно расступились, и впереди послышался звук текущей воды. Чиун замедлил шаг и бесшумно приблизился к реке, подойдя к намеченной жертве со спины.

Он знал о том, что слоны повсеместно используются в Юго-Восточной Азии как вьючные животные. Некоторых из них выращивают специально для работы, других привозят из-за границы – зачастую контрабандой. Толстокожий великан, которого рассматривал Чиун, все еще носил на себе остатки полусгнившей упряжи, которая выдавала в нем беглеца.

А это значило, что он знаком с людьми и, возможно, ненавидит их. Погонщики-азиаты славятся невероятной жестокостью – во всяком случае, по западным меркам, – и в газетах то и дело мелькают сообщения о том, что «норовистый» слон взбунтовался против хозяина, выместив на нем злобу с помощью бивней, хобота и сокрушающей тяжести своего тела.

Чиун не боялся, что слон пропорет его бивнем или затопчет. Он вполне мог бы уничтожить огромного неуклюжего зверя, хотя это и потребовало бы определенных усилий, но у мастера Синанджу был другой план.

Пока слон пил из реки, Чиун обошел его и медленно приблизился с подветренной стороны. Теперь животное не могло учуять его запах, а густое зловоние, ударившее в ноздри Чиуна, было пустячной платой за возможность застать слона врасплох.

Сократив дистанцию до десятка шагов и по-прежнему оставаясь на безопасном расстоянии, Чиун остановился и скрестил руки на груди, рассматривая слона. Из его горла послышался низкий вибрирующий гипнотический звук.

Слон замер. Кончик его хобота застыл на полпути между водой и маленьким пунцовым ртом. Несколько мгновений спустя серое чудовище повернуло голову и посмотрело на Чиуна сузившимися крохотными глазками, в которых сквозило подозрение.

Чиун прекратил выводить трель и обратился к лесному гиганту по-корейски. Он не надеялся, что слон его поймет, но знал, сколь важен успокаивающий голос на первом этапе установления контакта человека и животного. По мнению Чиуна, слон обладал интеллектом наравне с большинством белых людей, которых он знал, а памятью превосходил любого из них. Он наверняка помнил страдания, которые ему причиняли людские руки, но Чиун не сомневался в том, что умный зверь без труда сумеет отличить одного человека от другого.

Чиун продолжал свой монолог около пяти минут. Увидев, что слон не выказывает враждебных намерений, он осторожно двинулся вперед, делая по одному шагу за раз. Он старательно избегал резких движений, продолжая говорить все тем же умиротворяющим тоном, и наконец приблизился к животному вплотную и погладил его шкуру кончиками пальцев. Слон предостерегающе фыркнул, но старый кореец ничуть не испугался и ответил вибрирующим звуком, который подействовал на толстокожего, словно успокаивающее лекарство.

Потом Чиун позволил слону обнюхать себя и ощупать мягким «пальцем» хобота. Так прошли еще пять минут. Кореец улучил удобный момент и приступил к решительным действиям. Как правило, погонщики управляют слонами при помощи команд, приказывая опуститься на колени или поднять себя на спину хоботом, но Чиун предпочел иной метод. Он отступил на четыре шага, разбежался и взобрался по боку серой громадины, как будто там были вырублены ступени. Уже в следующую секунду он сидел на шее гиганта, упираясь коленями в его загривок позади висячих ушей.

Потом была секунда, когда животное вздрогнуло и, казалось, уже было готово развернуться и сбросить седока, но тот вновь издал воркующий звук, и слон успокоился. Чиун позволил ему напиться и слегка подтолкнул толстокожего правой пяткой, заставляя его повернуть к востоку. Еще один толчок – на сей раз обеими ногами, – и Чиун двинулся в путь.

Для того чтобы направить слона по следам экспедиции, потребовалось немало терпения и выдержки, но Чиуну некуда было спешить. Дни утомительного пешего похода по грязным тропинкам подошли к концу.

Теперь Чиун путешествовал со всем удобствами.

* * *

Очнувшись, Одри Морленд первым делом почувствовала немилосердную пульсирующую головную боль. Создавалось впечатление, будто во время обморока в ее череп забралась компания гремлинов, и теперь эти крохотные зловредные существа лихорадочно обустраивают помещение, расставляя мебель по своему вкусу.

Она знала, что ее оглушил Рентой Уорд, хотя самого удара не увидела. Рентой Уорд оказался проворным малым, но не беда: когда настанет время сводить счеты, Одри будет настороже. Как выяснилось, ловкость его рук не ограничивается дойкой змей и

любовной игрой, которая способна довести женщину до безумия.

Руки...

Второе, что заметила Одри, было то, что ее руки связаны за спиной. Еще секунду спустя она почувствовала, что ее губы стянуты кляпом, а дуновение ночного ветерка, холодившее обнаженную плоть, свидетельствовало о том, что доктор Уорд оторвал рукава ее рубашки и пустил их в ход, чтобы лишить Одри возможности двигаться и издавать звуки.

Чтоб его черти побрали!

Однако ноги Одри оставались свободными, и это была первая ошибка Уорда. Десять минут неимоверных усилий, когда Одри уже казалось, что ее позвоночник вот-вот сломается, плечи выскочат из суставов и она превратится в беспомощного калеку, – и наконец ей удалось протиснуть ноги между связанными запястьями и вывернуть руки из-за спины вперед.

Дальнейшее не представляло особого труда. При помощи больших пальцев Одри сдернула кляп с подбородка, впилась зубами в узел, стягивавший ее руки, и рвала его до тех пор, пока не освободилась. Еще несколько секунд ушло на то, чтобы растереть онемевшие конечности и размять суставы, и она почувствовала себя готовой к дальнейшим свершениям.

Потом женщина обнаружила пропажу счетчика Гейгера, и ее охватила волна гнева. Узнав, чем она занимается и какова цель ее поисков, Рентой Уорд, вероятно, направился к месторождению, опередив Одри.

Зачем ему это? О Нью-орлеанском серпентарии можно было забыть – даже если Уорд и разбирался в змеях, Одри сомневалась, что в мире найдется книжный червь-герпетолог, способный одним ударом свалить такого человека, как Пайк Чалмерс. И, кстати, откуда он вынырнул, как оказался за ее спиной? Может быть, вдобавок к прочим талантам Уорд еще и спортсмен? Или агент спецслужбы?

Сейчас это не играло никакой роли. Уорду некоторое время удавалось водить Одри за нос и при этом даже доставить ей удовольствие, но теперь она видела его насквозь. Они преследовали одну и туже цель – во всяком случае, сходные цели, – и, хотя Одри не знала и не могла знать, кто его хозяева, это ей было безразлично. На карту был поставлен миллион долларов, половина которого уже лежала на специальном банковском счету, и Одри не собиралась возвращать ни единого цента.

На тот случай, если Рентой первым наложит лапу на уран, а она не сумеет ему помешать, у Одри был в запасе план бегства с уже полученными деньгами. Разумеется, для успешной

реализации замысла ей в первую очередь нужно благополучно выбраться из джунглей, но Одри по-прежнему сохраняла уверенность в своих силах, невзирая на недостаток опыта и то обстоятельство, что теперь она должна была действовать в одиночку.

Одри твердо намеревалась отыскать Саффорда и его спутников, даже если для этого пришлось бы ползти на четвереньках. Рентой сказал, что экспедицию захватили туземцы, а это значило, что ей предстояло найти большую группу людей, которая оставляет много следов. Это облегчало ее задачу, однако туземцы могли увести Саффорда куда угодно, возможно, прочь от урановых залежей. Лишившись счетчика, Одри потеряла возможность определять, удаляется ли она от месторождения или приближается к нему.

Проклятый Рентой!

Когда она догонит Уорда, его ждет хорошая оплеуха. Впрочем, с ним нужно быть начеку. У этого человека припасено больше трюков, чем у самого Дэвида Копперфильда, и Одри казалось, что ему было бы так же легко убить ее, как оглушить. Что его остановило? Может быть, она сумела внушить Рентону хотя бы призрак симпатии? Удастся ли ей воспользоваться этим обстоятельством и застигнуть его врасплох, когда они встретятся вновь?

Одри заставила себя замедлить шаг и двигаться с предельной осторожностью. Она не хотела потерять все, что имела, включая собственную жизнь. Даже будучи новичком в джунглях, Одри прекрасно понимала, что тропический лес гораздо опаснее ночью, когда хищники выходят на охоту и рыщут во тьме в поисках добычи. Было бы очень глупо погибнуть в когтях пантеры или другого зверя, обходящего после заката солнца свои угодья, закончить свое существование в качестве белковой добавки к рациону громадной кошки.

Секунды спустя она нашла дорогу и, обнаружив, что Рентой бросил ее в нескольких шагах от тропинки, злобно ухмыльнулась. Заметила Одри и то, что ее оставили лежать на земле, где она могла стать добычей кого угодно – от муравьев до столь любезного туземцам Нагака.

Экий джентльмен.

Что ж, прибавим к оплеухе хороший пинок. Не принимай близко к сердцу, старина, это всего лишь маленький подарок от моей ноги твоим мужским сокровищам!

Опасения Одри были напрасными. Невзирая на темноту, отыскать дорогу оказалось не так уж трудно. Отряд, численность которого, судя по всему, возросла до двадцати человек, не тратил

время на сокрытие следов; вероятно, туземцы не боялись слежки на своей родной земле.

Теперь, когда у Одри не было часов-счетчика, она не могла точно определить, долго ли пробыла в беспамятстве, но, судя по темноте и падению температуры воздуха, прошло около двух часов.

Два часа в джунглях – все равно что целая жизнь, а Одри сумела уцелеть. В этом и состоял главный просчет Рентона Уорда.

Сложившееся положение требовало быстрых действий, но Одри шагала по тропинке, не торопясь. Она не могла позволить себе поспешно ломиться сквозь джунгли, издавая шум, который разбудил бы даже мертвого и привлек внимание всех хищников и туземцев в округе. В конце концов Одри вошла в ритм и двинулась вперед размеренным шагом. Не успела она похвалить себя за присутствие духа, как ей пришлось признать, что столь высокая оценка была преждевременной.

Сначала она уловила едва заметный трепет листвы, потом вдруг осознала, что уже несколько минут до нее доносится барабанный бой. Перед ней, словно из ниоткуда, будто из-под земли, появились туземцы. Одри резко остановилась, вскрикнула, повернулась и ринулась прочь, но за ее спиной выросли фигуры, преграждавшие путь к бегству. Женщина замерла на месте, стараясь не поддаться панике, а неясные силуэты тем временем приблизились вплотную, держа в руках копья.

Ее выдал лунный свет, который проник сквозь кроны деревьев в тот самый миг, когда аборигены оказались в тени. Одри увидела двух карликов с уродливыми руками, похожими на клешни краба, и вывернутыми перепончатыми ступнями, напоминавшими ласты аквалангиста. Трое оставшихся были повыше, практически нормального роста, но больше в их облике не было ничего, что позволило бы счесть их нормальными людьми. Один из них был безносый, в середине его лунообразного лица под выпученными глазами зияли два лоснящихся отверстия. У второго была лишь одна рука обычных размеров, а другая подходила скорее пятилетнему ребенку. Последний из этих троих, судя по всему, главарь, и вовсе выглядел ходячим кошмаром – он был безухий и лысый, из-под его обезьяньих бровей сверкали блестящие глаза, а из тонкой щели рта торчали искривленные клыки, похожие на змеиные зубы. Вместо подбородка у него было нечто вроде недоразвитого второго лица, которое пристально взирало на Одри из середины грудной клетки туземца.

Одри не сумела удержаться и, широко раскрыв рот, завопила и продолжала кричать, не в силах сопротивляться ужасным созданиям, которые схватили ее и куда-то понесли.

* * *

Стены города были покрыты изнутри огромными, искусно вырезанными барельефами людей и животных, и некоторые из них, создания колоссальных размеров, вполне могли сойти за динозавров – или драконов. Римо не стал задерживаться у изображений для критической оценки и прошел мимо, следуя рокоту барабанов по направлению к источнику звука. Извилистая дорожка вела мимо светящегося фонтана к сердцу древнего города.

Встречая на своем пути караульных, он по возможности обходил их стороной, но все же был вынужден убить двух туземцев, преграждавших ему дорогу к огромному зданию неопределенной формы, из которого доносилась ритмичная погребальная песнь. Бедняги испустили дух мгновенно и беззвучно, не успев даже осознать тяжесть постигшего их несчастья. Римо захватил тела с собой и крадучись пробрался в помещение, напоминавшее своим видом храм, предназначенный для поклонения громадному ящероподобному божеству.

Вот он, Нагак, подумал Римо и уложил бездыханные тела в нишу у самого входа слева, рассчитывая, что трупы останутся незамеченными достаточно долго, пока он будет осматриваться и искать место, где содержат пленников. Если туземцы обнаружат убитых и поднимут тревогу до того, как он выполнит задуманное, придется действовать по обстоятельствам.

Его окружали покрытые влагой и плесенью стены темного коридора, освещенного далекими огнями факелов, укрепленных на пересечении с другим, более просторным туннелем. Барабанный бой звучал здесь громче, и Римо уловил на фоне пульсирующего рокота мужские голоса, нараспев произносившие слова незнакомого ему языка.

Римо подумал, что этот язык не известен человечеству, если, конечно, верны его подозрения. Это племя вряд ли смогло бы выжить, узнай окружающий мир о его существовании и местонахождении. Сотню лет назад его люди пополнили бы собой труппы уродцев, которые принимали участие в цирковых представлениях и бесчисленных карнавалах Европы и Америки. В наши дни их непременно объявят «бедствующим» народом, и какая-нибудь благотворительная организация отрядит к ним антропологов, врачей и гуманитарную помощь, по пятам которых последуют миссионеры, журналисты, сборщики налогов и полиция. А уж потом, когда будут найдены запасы оружейного урана, нагрянут военные. В этом роде.

Один коридор переходил в другой, и Римо старательно

запоминал дорогу, не забывая всякий раз выглядывать из-за угла на тот случай, если за поворотом его поджидает отряд стражников. Таковых не оказалось, и вскоре рокот зазвучал откуда-то сверху, давая Римо понять, что барабаны и скандирующая толпа находятся у него над головой. Обнаружив узкую лестницу с вырубленными вручную ступенями, он поднялся по ней, не издавая ни звука.

Лестницу перегораживал люк, сработанный из относительно крепкой древесины, – создавалось впечатление, будто бы его, в отличие от потайных ворот, время от времени заменяют. Римо осторожно приподнял его дюйм за дюймом, готовый в любое мгновение развернуться и убежать.

Распахнув люк, он увидел обширное возвышение, напротив которого простирался ступенчатый амфитеатр с каменными скамьями, на которых сидели десятки туземцев. Римо не стал считать их по головам, поскольку его гораздо больше интересовали лица, изуродованные разнообразными мутациями. Казалось, здесь собрались актеры в костюмах персонажей «Звездных войн», дожидаясь начала парадной премьеры – не хватало лишь щупалец и хоботов.

Главными действующими лицами сегодня были доктор Стокуэлл, Сибу Сандакан и Пайк Чалмерс, стоявшие на коленях; чтобы они не смогли подняться на ноги, руки пленников были заведены за спину, а запястья приторочены к лодыжкам. Их шеи охватывали изготовленные вручную веревки, привязанные другим концом к ржавым металлическим кольцам, вмурованным в помост. Над пленниками возвышался предводитель племени, громогласно требовавший от аудитории полного внимания.

Это был человек невероятного роста, способный посрамить любого гиганта национальной баскетбольной лиги. В то время как многие зрители имели по одному глазу, у главаря их было сразу три – два обычных, а третий, торчавший в дюйме над ними в самом центре лба, напоминал глаз зародыша. Его всклокоченные волосы выбивались из-под головного убора, сделанного из чучела огромной игуаны. Ее морда нависала над лицом хозяина, а шкура и хвост прикрывали его спину. Кожа рептилии была украшена ярко расцвеченными перьями, отчего игуана была похожа на сказочного крылатого ящера, но больше на предводителе не было никакой одежды. Не было даже набедренной повязки, прикрывавшей его слоновьи гениталии, которые вкупе с ростом и фигурой туземца свидетельствовали о том, что он – первый парень в городе.

Оторвав взгляд от великана, Римо еще раз осмотрел помещение, заметив отверстия в крыше, сквозь которые проникал

лунный свет, служивший дополнительным освещением вдобавок к огням факелов, укрепленных на стенах через каждые десять – двенадцать футов. Позади, за спинами наводящей ужас публики, виднелась массивная двустворчатая дверь. По расчетам Римо, за ней располагался внутренний двор города, а еще дальше – стены и большие ворота.

Он уже собирался приступить к решительным действиям, уверенный в том, что ему удастся сразить вождя и освободить хотя бы одного пленника, когда зрители вдруг зашевелились и разразились криками, а в задних рядах амфитеатра возникла сумятица. Кто-то барабанил в дверь, и двое часовых поспешили к ней выяснить, в чем дело. Дверь была легче главных городских ворот, но, чтобы ее открыть, все же требовались значительные усилия, и охранники принялись помогать тем, кто находился снаружи.

В дверь ввалились еще шесть туземцев и двинулись сквозь толпу, провожаемые хмурыми взглядами собравшихся, недовольных заминкой. Потом на лицах зрителей возникло неодобрительное выражение, как только они заметили пленницу, вырывавшуюся из рук вновь пришедших.

Одри Морленд.

Римо выругал себя последними словами, но сейчас было поздно терзаться ощущением вины. Он должен был как можно быстрее придумать что-нибудь, пока сборище не начало впадать в неистовство.

Судя по виду вождя и его недвусмысленной реакции на появление яростно отбивающейся блондинки, времени оставалось совсем немного.

Глава 17

Несчастья, без передышки валившиеся на голову Одри Морленд, едва не свели ее с ума. Сначала ее оглушил Рентой Уорд, и она очнулась в чащобе забытых Богом джунглей, связанная по руками и ногам, будто рождественская индейка, которую вот-вот сунут в печь. Потом она вырвалась на свободу, сумела отыскать тропинку и тут же угодила в лапы жутких созданий из фильма ужасов.

Затем – прогулка по темному лесу к древнему, судя по всему, неизвестному людям городу, где пленители провели Одри мимо сверкающего фонтана (уран?) и представили публике, словно вышедшей из глубин каменного века. Спутники Одри стояли на коленях, связанные, а трехглазый гигант выкрикивал невнятные слова, обращаясь к толпе оживших ночных кошмаров.

Ну и что прикажете делать?

Кричать и бороться, словно от этого зависит твоя жизнь – а ведь, в сущности, так оно и было.

Одри дала волю своему раздражению и гневу, брыкаясь, крича, плюясь и царапаясь. Она начала было кусаться, но тут же бросила эту затею – туземцы были с ног до головы вымазаны грязью, происхождение которой было ведомо одному Богу. И все же ее сопротивление принесло определенные плоды. Ее ногти до крови разодрали щеку господина Безноса, вдобавок Одри удалось лягнуть его между ног, отчего туземец повалился на колени и тяжело задышал. Потом на нее набросились пигмеи, намереваясь заколоть ее, но Одри вцепилась в копье и хорошенько дернула; первый карлик врезался в своего похожего на обрубок приятеля, и они оба распластались на земле.

Теперь у Одри было оружие, и она собралась пустить его в ход, но не успела. Кто-то хватил ее сзади дубинкой по голове, отчего в глазах женщины померк свет, а ноги стали ватными. В ту же секунду к ней потянулись грязные пальцы и, отняв у Одри копье, скрутили ее по рукам и ногам.

Теперь пиши пропало, подумала она. Был один шанс, но я его упустила.

Волоча Одри по каменному полу, туземцы приближались к возвышению, где ее ждал трехглазый, проявляя заинтересованность, которую столь трудно скрыть обнаженному мужчине. Впрочем, обладая таким громадным органом, он вряд ли сумел бы скрыть свое вожделение даже под рыцарскими доспехами.

Зрители, в свою очередь, заметили возбуждение главаря, и,

покуда пробудившийся великан поднимался во весь рост, публика принялась выводить ритмичную визгливую песнь.

Чьи-то услужливые руки подняли Одри и швырнули ее к ногам долговязого Джона Сильвера, который нацелил свое мясистое орудие прямо в лицо женщине. Нет уж, подумала она. Поищите себе другую Линду Ловелас.

Барабаны, молчавшие с того мгновения, когда в зале появились опоздавшие со своей пленницей, вновь наполнили амфитеатр зловещим гулом. Кто-то принес кусок веревки и, стянув руки женщины за спиной, привязал их к лодыжкам, обездвижив Одри точно так же, как ее бывших товарищей. Вздумай Одри хотя бы дернуться, у нее был выбор, в какую сторону упасть – налево, направо, на спину или лицом вниз.

Трехглазый гигант и его приятель-циклоп начали раскачиваться перед женщиной, исполняя танец более или менее в такт с барабанным боем. Одри сомкнула веки, чтобы не видеть это зрелище, а в ее мозгу тем временем зашевелились мысли, навеянные старой – и весьма меткой, как она теперь понимала, – поговоркой насчет «участи хуже смерти». Не могло быть и речи о том, чтобы «расслабиться и получить удовольствие» с трехглазым уродом либо с теми, кто встанет за ним в очередь, если начнется самое худшее.

Интересно, размышляла она, может ли человек заставить себя умереть усилием воли?

Ход ее тягостных дум прервал новый звук, доносившийся с улицы. Сквозь окружавший ее хор голосов Одри услышала, как в зале закричал сначала один, а потом другой человек, и их завывания перешли в панический вопль. Раздался сухой треск старой древесины, скрежет и хруст, но даже эти звуки не могли отвлечь внимания женщины от громкого неестественного рева, напоминавшего рычание разгневанного фантастического чудовища.

* * *

Едва затих всколыхнувший воздух хриплый рев, публику охватило неистовство. Как один человек, туземцы вскочили с каменных скамей и бросились в проходы, пробираясь к ближайшему выходу. То и дело слышались крики, в которых Римо, хотя и не знал местного языка, безошибочно угадывал одно слово, произносимое громко и отчетливо:

– Нагак! Нагак!

Не тратя ни секунды на колебания и размышления, Римо

молнией выскочил из люка, пересек возвышение и столкнулся с трехглазым в тот самый миг, когда гигант повернулся к нему лицом, выставив свой чудовищный скипетр наподобие пушки.

Воспользовавшись удобным случаем, Римо схватил трехглазого за член и резко вывернул, отчего его рослый противник натужно покраснел и заверещал, взяв, вероятно, самую высокую ноту в своей жизни. Сокрушительный удар прекратил арию и закрыл навсегда все три глаза великана. Не успел вождь упасть, Римо прошел мимо него, направляясь к пленникам, чтобы освободить их.

Несколько туземцев заметили гибель своего предводителя, и, невзирая на панику и звуки, доносившиеся снаружи, троим из них хватило храбрости вскочить на возвышение и попытаться свершить скорый суд. Угодив в вихрь разрушения, приносимого кулаками и ногами, они отдали Богу души, не успев сообразить, что с ними случилось. Тела смельчаков лежали, распростершись на возвышении, а их покрытые засохшей грязью соплеменники улепетывали со всей возможной скоростью.

– Нагак! Нагак!

Жуткий рев, вызвавший суматоху, становился все ближе и громче. Римо никак не мог установить, откуда доносится рычание, – казалось, он слышит необычайно чистую стереофоническую запись голоса Кинг-Конга, – но все же понимал, что к храму приближается огромное и злобное существо, наводящее ужас на всех, кто попадался ему на пути. Римо подумал, не барабанный ли бой, умолкший к этой минуте, привлек внимание зверя, и было ли его появление частью ритуала туземных сборищ.

Судя по реакции публики, вторжение чудовища в город не было заурядным событием – слишком уж беспорядочным оказалось бегство аборигенов. Они могли поклоняться Нагаку, но совершенно не были готовы к его появлению во плоти в самый разгар церемонии.

С улицы доносились испуганные безумные вопли. То один, то другой голос внезапно умолкал, словно писк цыпленка, угодившего под тесак повара. На фоне криков раздавалось низкое трубное рычание Нагака, эхом отдававшееся под сводами амфитеатра. Создание из преисподней приближалось к распахнутым дверям.

При виде Римо профессор Стокуэлл изумленно открыл рот.

– Доктор Уорд! Откуда вы?

– Отложим расспросы на потом, – ответил Римо. – Вы способны шевелить ногами?

– Прошу прощения...

Римо наклонился и сорвал веревки, которыми был связан профессор.

– Бежать можете, словно за вами гонятся черти?

– Постараюсь.

– Тогда приготовьтесь. У нас мало времени.

– Понимаю.

Римо подошел к Сибу Сандакану, который сидел рядом, и освободил его. Пайк Чалмерс бросил на Римо злобный взгляд – упрямство и гордость боролись в его душе с инстинктом самосохранения, и все же англичанин не стал сопротивляться, когда Римо приблизился к нему со спины и порвал веревки на куски, будто хлипкие нитки.

Последней он освободил Одри Морленд. Распустив узлы, которыми были стянуты лодыжки женщины, Римо поколебался мгновение, развязал ей руки и помог подняться на ноги. На ее лице застыло ошеломленное выражение, и, когда Римо взял женщину за руку и повел в сторону ведущего на сцену люка, Одри даже не подумала проявить строптивость.

– Сюда, – сказал Римо остальным.

– К черту! – рявкнул Чалмерс. – Проклятым желтопузым придется кое за что ответить. Они лишили меня оружия и добычи, и я не уйду отсюда, пока не получу их назад!

С этими словами охотник спрыгнул с возвышения и ринулся к выходу, сбив с ног нескольких пигмеев, преграждавших ему путь. Он уже был на полпути к дверям, когда на порог упала неясная громадная тень, загораживая собой ночное небо.

– Господи, что это такое? – спросила Одри.

Из зала послышались крики туземцев:

– Нагак! Нагак!

Некоторые из них повалились на колени, прижавшись к полу лбами, другие бросились врассыпную, спасая свою жизнь.

– Не может быть, – сказал доктор Стокуэлл. – Что это?...

– Не знаю, – отозвался Римо, – но у меня создалось впечатление, что сейчас мы встретимся с кем-то очень большим и очень сердитым.

* * *

Чиун находился в полумиле от тайного города, когда его внимание привлек барабанный бой, приглушенная ритмичная дробь, которая, казалось, была способна переполошить всю округу. Громадный зверь, на котором восседал кореец, нерешительно затоптался на месте и зарычал, но, как только

Чиун вонзил ему в бока колени и самым внушительным голосом выкрикнул приказ, слон вновь двинулся вперед. Что именно сказал Чиун, не играло роли – он мог крикнуть что-нибудь вроде: «Собачье дерьмо! Саксофон!», и слон все равно подчинился бы. Непререкаемый авторитет мастера Синанджу поддерживали повелительный тон и властность, звучавшая в его словах.

После того как Чиуну удалось вывести животное на тропу и заставить его двигаться к востоку, дальнейшее преследование не составляло никакого труда. Даже в кромешной тьме кореец мог бы легко отыскать группу людей, которые и не думали скрывать своих следов. С равным успехом они могли поджигать по дороге деревья и рисовать стрелки, обозначавшие их путь.

Поначалу кореец опасался, что видимая небрежность преследуемых есть не что иное, как ловушка, хитрый трюк с целью заманить его в западню, но уже очень скоро он отбросил эту мысль.

Люди, за которыми он гнался, были тупоголовыми недоумками – об этом можно было судить хотя бы по звукам барабанов. Чиуну оставалось лишь удивляться, что это племя не было обнаружено много ранее – столь беспечными и неосторожными оказались его представители. Разумеется, следует признать, что до сих пор они имели дело только с малайцами и белыми людьми, но если бы поисками занялся кореец, об их тайне уже давно прослышал бы весь мир.

За четверть мили от города слон вновь заволновался, учуяв на тропе новый след – сильный едкий запах, напомнивший Чиуну вонь змеепитомника в Бангкоке, где он побывал несколько лет назад.

Слон вздрогнул и заскреб по земле громадными ступнями, но в его повадке ощущался не столько страх, сколько гнев. Чиун велел ему двигаться вперед, и животное без колебаний подчинилось, прибавляя шагу по мере того, как запах загадочной змеи становился все сильнее. Слон задрал хобот, словно собираясь издать боевой клич, но единственным звуком, вырывавшимся из его пасти, было шумное разгоряченное дыхание.

Увидев древний город, Чиун ни капли не удивился. Существование человеческого поселения в джунглях вполне укладывалось в рамки текущих обстоятельств, и теперь кореец знал, откуда доносится барабанный рокот. Взглянув на неясные контуры городских стен, Чиун поначалу забеспокоился, опасаясь, что они окажутся труднопреодолимым препятствием – не для него, конечно, а для слона, – но потом заметил в лунном свете широко распахнутые ворота.

В проеме ворот метались человеческие фигуры – казалось, люди никак не могли решить, оставаться ли им на месте или бежать. Чиун заставил слона прибавить скорость, наклонился вперед, обхватил руками гладкую шкуру на голове животного и сидел так, пока ворота не приблизились на расстояние около пятидесяти ярдов. Потом из города донесся рев гнева и голода, издаваемый огромными голосовыми связками.

Неужели дракон? Кто еще мог так рычать?

Услышав этот звук, слон замер на месте, точнее, попятился и успел отодвинуться назад на несколько ярдов, прежде чем Чиун вновь обрел над ним власть. Он хватил слона кулаком по голове – достаточно осторожно, чтобы не повредить животному – и еще раз стиснул его бока коленями. Секунду-другую слон продолжал упираться, но мастер Синанджу был неумолим, и в конце концов корабль джунглей, сначала неохотно, а потом с возрастающей энергией двинулся вперед.

Метавшиеся у ворот туземцы заметили грозившую с фланга опасность лишь тогда, когда слон поднял хобот, взывая к ночи трубным ревом. Дикари обернулись на звук, и Чиун увидел подтверждение тем подозрениям, которые возникли у него во время изучения следов. Перед ним стояла толпа уродцев, в которой был единственный человек нормальной внешности, робко стоявший в стороне. Сейчас было не время раздумывать, как эти люди дошли до такой жизни. В сердце Чиуна не мелькнуло даже искорки жалости, когда он заметил трех туземцев, непоколебимо преграждавших ему путь, в то время как любой здравомыслящий человек при виде атакующего слона поспешил бы убраться подобру-поздорову.

Столбообразные ноги гиганта раздавили двух смельчаков, прежде чем они успели метнуть свои копья; третий туземец, что был повыше ростом, лишь коротко вскрикнул, когда слон обвил его хоботом поперек груди и, выжав воздух из легких, поднял над землей. Вместо того чтобы пронзить дикаря бивнями, он резко мотнул головой и разжал кольцо хобота, швырнув несчастного головой в стену. В момент соударения послышался хруст, безжизненное тело прокатилось по земле десять – двенадцать футов и замерло, скорчившись в грязи.

Высота ворот позволила Чиуну въехать в город, не склонив при этом головы. Он ожидал увидеть на стенах часовых, но там никого не оказалось. Что-то отвлекло их внимание еще до появления мастера Синанджу, а человеческие крики и перекрывавший их громкий рев подсказывали Чиуну, где разворачиваются главные события.

Даже если это и не дракон, думал Чиун, то, во всяком случае,

нечто, чего он до сих пор не видывал, и уже одно это обстоятельство придавало его путешествию смысл.

Мастер Синанджу пришпорил слона. На его губах играла блаженная улыбка.

* * *

Кучинга Кангара не было в Храме, когда в Город пришел Нагак. «Нормальные» считались нечистыми, и им запрещалось принимать личное участие в церемонии жертвоприношения наравне с остальными братьями. Порой запрет раздражал Кучинга, когда он вспоминал об унижениях, которые ему приходилось терпеть, служа Нагаку, но спорить с традицией было бессмысленно.

Строптивость грозила ему смертью.

Появление Нагака оказалось полной неожиданностью для Племени. Нагак всегда терпеливо ждал, пока должным образом приготовленные жертвы выносились из Города и раскладывались на лужайке, утыканной деревянными кольями. Когда он пожирал приносимое, его рев доносился до Города, но мало кто из соплеменников мог похвастаться тем, что видел Нагака собственными глазами. Никто, кроме вождя и его ближайших советников.

Нынче ночью все было по-другому. Может быть, Нагак изголодался более обычного или почуял, что вместо одной жертвы его ждут сразу три. Кучингу оставалось лишь гадать о намерениях Бога, но древние предания гласили, что появление великого Нагака в Городе предвещает грандиозные события.

Точнее, если судить по звукам, – грандиозное кровопролитие. Великий Нагак всегда отличался злобным нравом, но теперь он явно пребывал в бешенстве. Из внутреннего двора доносились вопли людей, исполненные ужасной боли и страха.

Выйдя из своего жилища, Кучинг Кангар замер в нерешительности, не зная, что предпринять. Предки не оставили Племени инструкций на случай прихода Нагака, и жители Города оказались не готовы должным образом откликнуться на его зов. Кучинг нахмурился и прихватил с собой копье – так, на всякий случай, для собственного спокойствия.

Сотня ярдов отделяла тихое жилище Кучинга от блистающего фонтана. Очутившись на месте, он не увидел Нагака, но вокруг лежали тела и отдельные части тел, разбросанные по двору, как будто ребенок чудовищных размеров в ярости набросился на свои игрушки и разорвал их на клочки. Двор был залит свежей кровью,

и в ночном воздухе витал ее острый металлический запах.

Где же Нагак?

Двери Храма были открыты и изнутри доносились безумные крики. Барабаны молчали, их рокот сменил другой звук – утробное рычание, похожее на мурлыканье гигантской кошки. Шепот Нагака.

Кучинг Кангар направился к Храму, и в тот же миг его внимание привлек шум возбужденных голосов у ворот. Там толпилась небольшая группа соплеменников – они собирались покинуть Город, но, казалось, что-то преградило им путь. Кангар остановился и пригляделся, и его взору представилось новое, совершенно неожиданное зрелище.

В ворота входил слон со свернутым хоботом и бивнями, сверкавшими в лунном свете; животное громко трубило, возвещая о своем приближении. На шее серой громадины сидел маленький человек в ниспадающих складками одеждах, с белоснежными прядями редких волос. Он улыбался, наблюдая за тем, как слон раздавил двух братьев Кангара, а третьего ухватил хоботом и перебросил через двор. Великий Нагак мог подождать. Этот незнакомец имел наглость вторгнуться в Город со своим слоном, прихлопнув трех соплеменников, словно мух. Долг повелевал сыновьям Племени оберегать святилище от чужаков, сохраняя тайну Города для грядущих поколений. Даже «нормальные» люди Народа, не допущенные к священным ритуалам, должны были жертвовать своей жизнью ради общего блага.

Теперь Кучинг Кангар знал, что ему делать. Не колеблясь ни секунды, он покрепче перехватил древко копья и метнул его в слона. Губы Кучинга раздвинулись, обнажив сверкающие белые зубы, а из горла вырвался воинственный крик.

Вероятно, убить слона было ему не под силу, но сейчас это не имело значения. Собравшись вместе, соплеменники легко прикончат животное либо вынудят его отступить назад в джунгли. Целью Кучинга был наездник, человек, способный выдать тайну Города внешнему миру.

Бросок Кучинга был безупречен. Он увидел, как копье взвилось по дуге, беззвучно и неумолимо приближаясь к мишени...

Тощий старик каким-то образом умудрился перехватить копье, прежде чем оно вонзилось в него. Кучинг Кангар замер, словно сраженный ударом грома. Неужели такое бывает? Может ли он верить своим глазам, или случившееся есть плод его воображения, вызванный смертоносной аурой Нагака?

Но прежде чем эта мысль оформилась в его мозгу, Кучинг увидел, как старик подбросил шестифутовое копье в воздух,

повернул его другим концом и, поймав, нацелил в ту саму точку, откуда оно прилетело. Ноги Кучинга отказались повиноваться, он неподвижно застыл на месте, и в тот же миг копье пронзило его грудь и вышло наружу под одной из лопаток. Удар швырнул Кангара назад, и он упал бы на спину, если бы трехфутовый отрезок копья не воткнулся в грязь. Покуда его тело под собственной тяжестью дюйм за дюймом сползало по древку, Кучинг не переставая кричал, готовясь соприкоснуться с Матерью Землей.

Не успел. Подчиняясь приказу старика, слон шагнул вперед и раздавил Кучинга огромной круглой ступней. Его последней осознанной мыслью была короткая молитва, обращенная к единственному божеству, которое он знал:

«Отомсти за меня, о великий Нагак!»

* * *

В открытые двери ступил оживший ночной кошмар. Точнее, впрыгнул, поскольку движения незваного гостя очень напоминали птичьи, невзирая на его колоссальные размеры и ящероподобный облик.

Римо показалось, что чудовище больше всего походило на тираннозавра, если бы не притупленный роговой клюв на рыле и шишковатые костистые выросты над глазами. На первый взгляд его длина составляла около двадцати футов, добрая половина которых приходилась на массивный подвижный хвост, при помощи которого динозавр сохранял равновесие, переступая своими тяжелыми задними лапами с трехпалыми ступнями. Его передние конечности напоминали утолщенные человеческие руки с четырьмя пальцами и громадными когтями, предназначенными для удержания бьющейся добычи.

– Цератозавр! – воскликнул доктор Стокуэлл. – Последние представители этого вида вымерли во время юрского периода!

– Попробуйте убедить его в этом, – отозвался Римо, оглядываясь в поисках оружия, которое помогло бы ему держать на расстоянии разгневанное доисторическое существо.

– Этого не может быть!

– А вот сейчас он схватит вас за задницу, тогда посмотрим, – сказал Римо, поднимая с пола копье. По сравнению с огромным рычащим противником оно выглядело жалкой зубочисткой, но ничего лучшего под рукой не оказалось.

Оценив обстановку, Пайк Чалмерс решился на поступок, исполненный отваги и доблести. Он бросился влево, схватил

дрожащего от страха пигмея, поднял его и швырнул в динозавра, словно баскетбольный мяч. Нагак клацнул зубами, подхватил жертву на лету и, дважды стиснув челюсти, мотнул головой и выплюнул истерзанное тело.

Обмануть его не удалось.

Но к этому времени Чалмерс уже бросился наутек и выбежал из храма, отчаянно размахивая руками. Англичанин оказался верен себе. Женщины и дети покидают корабль последними.

Несколько секунд внимание рычащего динозавра было приковано к туземцам, задержавшимся в зале. Двое из них пали ниц, поклоняясь божеству, остальным хватило здравого смысла попытаться улизнуть. Первыми погибли коленопреклоненные просители. Гигантская трехпалая лапа пригвоздила их к полу, а дело завершили зубы, похожие на заточенные железнодорожные костыли. Расправившись с несчастными, цератозавр оглядел храм, выискивая более проворную добычу.

– Пожалуй, нам пора, – сказал Римо.

Из-за его спины доносились стоны Сибу Сандакана и Одри Морленд, охваченных приступом тошноты при виде изуродованных тел, наваленных у подножия возвышения. Профессор Стокуэлл стоял выпрямившись, глядя остекленелым взглядом, словно загипнотизированный.

– Этого не может быть, – пробормотал он и, как бы желая подчеркнуть важность сказанного, добавил: – Невероятно.

– К сожалению, нас никак нельзя счесть несъедобными, – заметил Римо. – Боюсь, нам стоит поторопиться.

С помощью Одри ему удалось вытолкать профессора со сцены за «кулисы». Сандакан шел последним, прикрывая тылы. Нагак издал вопль, напоминавший скрип железа по стеклу, и беглецам не было никакой нужды изучать палеонтологию, чтобы распознать топот огромных когтистых лап, торопливо ступающих им вслед по каменному полу.

Нагак в любую минуту мог устроить обеденный перерыв, и Римо начинал чувствовать себя легкой закуской, которую подают к столу в сыром виде.

Но уж если мне суждено угодить Нагаку в зубы, подумал он, эта тварь подавится лакомым блюдом, прежде чем его проглотить.

Глава 18

Римо провел своих спутников мимо люка, ведущего вниз. Он сделал это намеренно – задерживаться было опасно, причем чем дальше, тем больше, – к тому же ему совсем не хотелось угодить в засаду на лестнице или в извилистых коридорах. При этом Римо шел на риск, поскольку он не успел разведать другие выходы из храма, однако спешка, с которой туземцы улепетывали от своего оголодавшего божества, оставляла надежды на то, что выход найдется сам собой.

Да, туземцы бежали, но отнюдь не все. Многие из них сохранили достаточное присутствие духа, чтобы вспомнить, кто есть они и кто есть то существо, которому поклоняется племя. И даже если Нагак погорячился, убив в Храме нескольких сородичей, чего еще ожидать от разгневанного божества из джунглей? С точки зрения ревностного верующего Нагак мог бы рассердиться куда сильнее, обнаружив, что закуска уже кончилась, а главное блюдо так и не появилось.

За «кулисами» возвышения Римо и его спутники наткнулись на двух пигмеев. Туземцы могли показаться задиристыми петушками, если бы не шестифутовые копья, которые они держали в руках и которыми, судя по всему, прекрасно умели пользоваться.

Карлик, стоявший слева от Римо, сделал обманный выпад, давая возможность своему товарищу напасть спереди. Резким ударом ладони Римо отломил верхушку его копья и, действуя оставшейся частью древка как рычагом, подтянул пигмея поближе и прикончил его, нанеся удар открытой ладонью по шишковатой голове.

Второй туземец мог бы найти спасение в бегстве, но что-то – назовите это храбростью или глупостью – заставило его остаться на месте. Он выставил вперед копье, как будто собирался разворошить осиное гнездо. Наконечник копья был покрыт чем-то темным, возможно, ядом.

Римо не стал дожидаться нападения и ринулся вперед, с легкостью отмахнувшись от мощного удара и выхватив копье из рук противника. Этим можно было ограничиться, но сейчас речь шла о жизни и смерти, и в этой игре у команд не было ни тайм-аутов, ни замен. Пигмей успел выкрикнуть что-то вроде ругательства, последний вызов перед лицом смерти, и в следующее мгновение лежал на полу, заколотый собственным копьем.

За спиной Римо всхлипывала Одри, к горлу которой вновь

подступила тошнота. Остальные лишь молча таращили глаза.

– Идемте, – сказал Римо. – Мы не можем торчать здесь всю ночь напролет.

Он провел своих подопечных среди массивных колонн, вытесанных из жадеита. Любая из них могла бы обеспечить всех китайских скульпторов сырьем на десятилетие вперед, но у туземцев, видимо, не было недостатка в строительных материалах.

Туземцы.

Внезапно Римо осознал, что с тех пор, как он проник в древний город, ему на глаза не попалось ни одной женщины, ни одного ребенка. Они где-то прятались, и Римо оставалось лишь надеяться, что ему повезет и он не встретит женщин, которые, как известно, зачастую оказываются самыми жестокими и свирепыми среди людей примитивных племен – от краснокожих, бывших хозяев Северной Америки, до «современных» народов Бразилии и Венесуэлы.

Беглецы оказались у подножия спиральной лестницы, которая вела вниз и оканчивалась неподалеку от того места, где Римо вошел в храм. Отрезок коридора, видневшийся внизу, был незнаком Римо, зато ему не составило никакого труда распознать намерения поджидавшей их толпы из восьми воинов с дубинками и копьями в руках.

– Держитесь вместе и глядите в оба, – предостерег Римо своих спутников и сбежал по лестнице навстречу врагам.

Туземцы были большими мастерами устраивать засады в джунглях, но их умение вести сражение липом к лицу оставляло желать лучшего. По мнению Римо, уединенная жизнь племени привела к тому, что его бойцам не хватало практического опыта, однако в это мгновение ему оставалось лишь радоваться любому проявлению их слабости.

Три туземца выстроились в ряд и полезли вверх по лестнице, выставив перед собой копья и намереваясь заколоть Римо прежде, чем он успеет оказать сопротивление. Будь на его месте другой человек, эта тактика могла принести успех – Римо был готов отдать туземцам должное, – однако зачастую жизнь и смерть воина напрямую зависят от его способности должным образом проявить себя в исключительных обстоятельствах.

Эти трое погибли.

Проскользнув между остриями копий, он схватил одно из них рукой, а предплечьем другой отмахнулся от удара, нанесенного третьим туземцем, стоявшим дальше других. Римо нанес резкий удар, свалив противника, находившегося справа, завладел его оружием, пронзил двух остальных и бросил их извиваться на

древке, словно бабочек, наколотых на булавку.

Пятеро оставшихся дикарей начали подступать к Римо, двигаясь куда осторожнее своих предшественников, но в этот миг из-за их спин донесся неясный шум, и Римо наконец-то увидел женщин. Некоторые из них несли младенцев, а другие гнали перед собой толпу крохотных уродцев, словно стадо домашнего скота. Вопли женщин отвлекли внимание двух-трех воинов, и этого оказалось достаточно.

Не теряя ни секунды, Римо разбросал противников и очистил себе путь, словно вихрь, поднятый яростным дуновением урагана.

* * *

Пайк Чалмерс сумел взять себя в руки только тогда, когда он оказался на полпути между залом храма и опустевшей площадью внутреннего двора. Он выскочил в двери, свернув по пути шею стоявшему на дороге туземцу и оглядываясь вокруг в поисках спасения. Дикари удирали во все лопатки, и это как нельзя лучше устраивало Чалмерса, который не мог чувствовать себя в безопасности, будучи вооружен одним лишь копьем.

Его винтовки и пистолеты находились поблизости, но англичанин не знал, где их искать. Он не говорил на туземном языке и знал лишь одного человека племени, владевшего английским. Но, судя по тому, что он увидел в дальнем углу двора, несчастный Кучинг Кангар был сейчас не в той форме, чтобы отвечать на вопросы.

Сначала Пайк решил, что Кангар пал жертвой ящера, но потом заметил, что на его трупе нет характерных рваных ран, которыми были покрыты тела прочих туземцев, валявшихся по всему двору. Глядя на изломанные конечности бывшего проводника экспедиции, было бы разумнее решить, что он упал с большой высоты. Однако такое предположение казалось бессмысленным, поскольку останки Кангара лежали футах в пятнадцати от ближайшей стены.

Бог с ним, подумал Чалмерс. У каждого свои трудности.

Только что он пытался обстрелять динозавра без ружья, но теперь, вновь обретя самообладание, Чалмерс не мог думать ни о чем, кроме денег, которые он получил бы, вернувшись домой с головой чудовища, – впрочем, сошла бы любая другая часть его тела. Надежды захватить его живьем не было, а для того чтобы перевезти скелет динозавра целиком, потребовался бы грузовой вертолет. По подсчетам Чалмерса, одна лишь голова чудища весила добрые двести фунтов, а то и более, но он, пожалуй,

удовлетворился бы челюстью и куском шкуры. Любой палеонтолог с головой на плечах подтвердил бы, что они недавно сняты с живого существа, а если бы этот трюк не сработал, Пайк мог бы предъявить скептикам гниющий труп.

За соответствующее вознаграждение, разумеется.

Потом Чалмерс подумал о новых возможностях, которые сулила сложившаяся ситуация. Он мог бы заранее обойти город и наметить места, которые заинтересовали бы людей, достаточно богатых, чтобы заручиться его помощью. Проклятые желтопузые наверняка пожелают урвать свой кусок и даже могут оставить его ни с чем, если ими начнет овладевать жадность. А пока суд да дело, у Пайка будет достаточно времени, чтобы привести на развалины киногруппу и заключить договор о правах на фильм с кем-нибудь из знаменитых режиссеров Голливуда – да хоть с самим Стивеном Спилбергом, черт возьми!

Но первым делом следовало заполучить образец.

Чалмерс повернулся, двинулся назад к храму и был уже на полпути к открытым дверям, когда на площади появился слон. Да не просто слон, а слон, на спине которого восседал древний старикашка, по виду – китаец или японец.

Какого черта?

По-видимому, это жуткое представление и не думало кончаться. Сначала люди-мутанты и их доисторическое чучело, с которым пришлось сражаться Пайку, и вот теперь на него напустили слона с дряхлым азиатом, словно желая посмотреть, как он будет выкручиваться.

Ну ничего. Пайк Чалмерс еще покажет себя.

Сначала он прибавил шагу, а потом пустился во весь опор, направляясь к распахнутым дверям, чтобы скрыться из виду, прежде чем его настигнет слон с престарелым седоком.

И, судя по всему, едва успел.

Динозавр продолжал опустошать ряды своих поклонников. В тот самый миг, когда Чалмерс вторгся в храм, ящер хлестнул гигантским хвостом одного из туземцев. Тот был человеком нормального роста, но с тем же успехом мог оказаться и пигмеем – удар хвоста отбросил его ярдов на пятьдесят и швырнул на кучу мусора у дальней стены зала.

С этой тварью нужен глаз да глаз, напомнил себе Чалмерс, опасливо ступая по центральному проходу. Динозавр мог прихлопнуть человека хвостом с той же легкостью, с какой домохозяйка уничтожает насекомых, орудуя мухобойкой.

Но с Пайком Чалмерсом эти штучки не пройдут, будьте уверены.

Он оглядел обширное помещение в безумной надежде, что

где-нибудь в углу стоит его винтовка. Но нет, оружия в зале не оказалось.

Итак, иного выбора нет. Он должен пустить в ход копье либо отступить.

Чалмерс знал, что для этого имеются особые приемы. Африканские пигмеи убивают слонов при помощи копий и стрел – надо лишь поразить жизненно важный орган зверя, – хотя такая охота порой влечет за собой человеческие жертвы. Сейчас у Чалмерса не было помощников, поэтому он должен был выполнить опасную работу собственными руками.

То есть прикончить динозавра с первой попытки или погибнуть самому.

Судя по тому, что он видел и о чем мог догадываться, единственным уязвимым местом ящера был головной мозг. До него можно был добраться через глаз или нёбо чудовища. Второй путь представлялся более рискованным, поскольку Чалмерс не был уверен в том, что череп динозавра устроен подобно черепу млекопитающих. Но если он будет вынужден прибегнуть к этому способу, придется постараться на совесть.

Чалмерс переступил через лежащего туземца, понимая, что решительный шаг нужно сделать именно сейчас, пока дикари не опомнились и не вернулись в город узнать, чем закончилась стычка между их ящероподобным божеством и теми несчастными, которые, на свою беду, замешкались в храме. По своему опыту Чалмерс знал, что дикарские племена зачастую готовы до последней капли крови защищать предметы своих ублюдочных культов, и нимало не сомневался в том, что туземцы прикончат его, прежде чем он хотя бы попытается напасть на Нагака. С другой стороны, расправившись с ящером до их прибытия, он приобретал славу героя.

Черт побери, в таком случае Чалмерс и сам мог стать чем-то вроде божества!

Еще несколько шагов – и Чалмерсу в нос ударил запах чудовища. Точнее говоря, он ощутил дыхание динозавра, повернувшего к нему морду с клыками, по которым стекала слизь пополам с кровью. Из его горла послышалось нечто среднее между отрыжкой и рычанием.

Нагак метнулся вперед – его молниеносное движение ничем не напоминало медлительную поступь динозавров из кинофильмов. Вместо того чтобы шагать, он бежал, совершая восьми-десяти-футовые скачки, и застал Чалмерса врасплох, не оставив ему времени для спасения. Англичанин не успел даже поднять свое жалкое копье, когда над ним зависла широко раскрытая пасть.

На его теле сомкнулись пятидюймовые зубы, и Чалмерс сумел лишь издать отчаянный вопль, эхом отозвавшийся в зловонной глотке чудовища.

* * *

Судьба белокожего человека, ускользнувшего от Чиуна, нимало не беспокоила мастера Синанджу. Ни защита членов экспедиции Стокуэлла, ни расправа над ними не входили в его обязанности, и он не чувствовал никакого желания заниматься этим, поскольку нянькой его не нанимали. Чиун беспокоился только о Римо, хотя и верил в своего ученика. Несчастные уродливые создания, населявшие город, не смогли бы справиться с Римо, даже если бы они осаждали его толпами, но дракон – совсем другое дело.

Дракон был вполне достоин внимания мастера Синанджу.

Как только белокожий увалень скрылся в храме, из-за угла здания вынырнули три туземца, двое из них были вооружены копьями, а третий, самый высокий из них, – луком. Он натянул тетиву, прицелился, пустил стрелу и изумленно вытаращил свой единственный глаз, увидев, как Чиун вытянул руку, поймал стрелу на лету, сломал ее, словно спичку, и, улыбнувшись, швырнул обломки в сторону.

Потом он пришпорил слона, приказав ему атаковать, и громадный серый зверь подчинился с такой готовностью, словно родился и вырос в Корее. Он низко наклонил голову, гневно взревел и бросился на туземцев.

Противники Чиуна попытались убежать, но их ноги оказались недостаточно быстры. Нагнав дикарей, слон принялся кромсать их бивнями и давить громадными круглыми ступнями. Этот способ расправы казался мастеру Синанджу слишком примитивным, но он сказал себе, что ничтожный враг заслуживает соответствующего обращения. В конце концов эти люди не были корейцами, и среди них не нашлось бы короля или императора, достойного более изощренной смерти.

Чиун должен был обезопасить себя на случай встречи с драконом, которая могла произойти в любую секунду.

Он развернул своего мастодонта в сторону распахнутых дверей дикарского храма. Доносившийся изнутри хриплый рев подсказывал мастеру Синанджу, что дракон встретился с чем-то, озадачившим его и разбудившим кровожадность легендарного чудовища. Чиун решил, что дикари принесли в жертву дракону членов научной экспедиции, но это его не слишком беспокоило,

покуда среди приговоренных к съедению людей не было Римо.

Это было невозможно. Его приемный белокожий сын слишком умен и стремителен для этих детей природы, и Чиун ни капли не сомневался в том, что Римо выйдет победителем, даже если сотни дикарей попытаются припереть его к стене.

Впрочем, мастер Синанджу понимал, что даже опытный ассасин порой допускает ошибки и в этом мире каждый смертен. Кто-нибудь из этих кошмарных созданий вполне мог подкрасться к Римо сзади и успеть пустить стрелу, пока тот будет поворачиваться.

Искорка гнева, сверкнувшая в сердце Чиуна, превратилась в бушующее пламя ярости, затопившее душу старого корейца. Если уродливые мерзавцы хотя бы пальцем тронут его сына и наследника, их не спасет никакой дракон. Чиун разрушит проклятый город, похоронив его обитателей под развалинами каменных стен. Если Римо погибнет, его приемный отец прольет реки крови и проклянет небеса.

Чиун взял себя в руки, пока его настроение не успело передаться слону, который служил ему боевым орудием. Общаясь с дикими животными, следует проявлять терпение – злоба и раздражение могут привести их в безумную ярость.

По прошествии короткого мгновения пульс и дыхание Чиуна вернулись к норме, а жгучий гнев сменился ледяным спокойствием. Теперь он был готов встретиться с драконом и доказать ему, что, если речь идет об убийстве, мастеру Синанджу нет равных.

Слон остановился неподалеку от храма и заглянул в открытые двери, подняв хобот и принюхиваясь к запахам, струившимся изнутри. Вместо того чтобы отступить, он напряженно встряхнулся, и Чиун понял, что слон намерен сражаться. Из крошечного рта животного послышался задорный клич, многократно усиленный могучими легкими трубный звук, вызывающий дракона на битву.

Секунду спустя Чиун заметил неясную тень чудовища, мелькнувшую за порогом храма. Кореец не знал, какую форму оно примет – это мог оказаться крылатый дракон или огнедышащее создание, – но не тронулся с места и сидел на спине слона, поджидая врага.

Существо, выскочившее из дверей, было знакомо Чиуну по телепередаче Уолтера Кронкайта. Это был уменьшенный родич тираннозавра, и самым интересным в нем – кроме самого его существования, разумеется, – оказалась пара человеческих ног, свисавших из омерзительной пасти.

Чиун посмотрел на пропитанные кровью брюки защитного

цвета, на высокие ботинки, и ему стало совершенно ясно, что случилось с тем белокожим увальнем, который несколько секунд назад вошел в храм.

Чиун резко ударил слона пятками, давая сигнал к нападению.

* * *

В тот миг, когда Римо бросился вниз по спиральной лестнице, дикари были уже почти готовы защищаться. Почти готовы, ведь между понятиями «бессмысленный гнев» и «разумное поведение в критических ситуациях» лежит непреодолимая пропасть, а кидаться очертя голову на врага, о котором ничего не знаешь, совсем не значит побеждать. Наоборот, беспорядочное нападение может оказаться самоубийством, и дикари, к своему несчастью, очень скоро убедились в этом.

Их вожак был вооружен одним из тех копий, которые, казалось, изготавливались по единому шаблону. Темный наконечник копья был тщательно отточен. Когда Римо приблизился, оказавшись в пределах досягаемости, острие вырвало клочок материи из его рубашки, но прошло в добром дюйме от тела. Римо отвел копье в сторону и сломал противнику шею, нанеся молниеносный прямой удар. Безжизненное тело повалилось на спину и закувыркалось по лестнице, внеся сумятицу в ряды соплеменников, пытавшихся убраться с его пути.

Далеко уйти им не удалось.

Не останавливаясь, будто смертоносный вихрь, Римо догнал убегавших, круша обескураженных врагов направо и налево. Туземцы уже стали свидетелями гибели четырех сородичей и вполне могли отступить, но теперь им не было спасения – Смерть очутилась в самой гуще их толпы, по очереди касаясь каждого своим ледяным дыханием.

Один туземец попытался перемахнуть через перила лестницы, позабыв о том, что твердый каменный пол находится в двенадцати футах внизу. Римо помог ему преодолеть это расстояние, раздробив пинком тазобедренный сустав дикаря и превратив неуклюжий прыжок в смертельное сальто, на последнем витке которого череп воина раскололся, словно орех.

У лица Римо просвистел заостренный конец дубинки, и он ответил быстрым ударом, который смял грудную клетку нападавшего, вонзив осколки костей в его сердце и легкие. Туземец покатился вниз, разбрызгивая кровь и расставшись с жизнью еще до того, как его тело достигло подножия лестницы.

Двое оставшихся в живых не проявляли особого желания

драться, но бежать было некуда. Один из них все же попытался улизнуть, но Римо нанес короткий удар под лопатку, остановив сердце дикаря и отправив еще один труп катиться вниз по ступеням.

У последнего туземца не оставалось выбора. Он набросился на Римо, ощерив зубы, похожие на змеиные клыки, пронзительно визжа и яростно размахивая толстым древком своего копья. Расправиться с ним было проще простого. Римо отразил нацеленный ему в голову удар, обезоружил противника, перевернул костлявое тело вверх ногами и, перебросив через перила, швырнул его на пол.

Трое уцелевших участников экспедиции следили за ним, вытаращив глаза. Одри даже распахнула рот. Выражение ее лица кое-что напоминало Римо, особенно если бы она закрыла глаза, но сейчас женщине было явно не до секса. Зато на физиономиях Стокуэлла и Сибу Сандакана появилась мина удивления и отвращения.

– Как... Как вам это удалось? – запинаясь, спросила Одри у Римо.

– Я занимался на курсах единоборств, – объяснил тот. – Вы готовы идти дальше?

Из другого туннеля, где-то внизу слева от Римо, донеслись злобные голоса. Беглецы поспешили спуститься по лестнице мимо трупов двух поверженных врагов и оказались в коридоре, который, как надеялся Римо, должен был вывести их под открытое небо. Вернувшись назад, они рисковали вновь столкнуться со сторожами храма, и хотя Римо не сомневался в том, что ему удастся подавить сопротивление туземцев, он не мог быть уверен в том, что его спутники сумеют уклониться от стрел или копий.

Если бы на его попечении оказался лишь один человек, Римо просто схватил бы его (или ее) на руки и помчался бы к ближайшему выходу с должной скоростью. А так быстрота передвижения была ограничена возможностями слабейшего из них – иными словами, темп задавал доктор Стокуэлл. Всю дорогу он стонал, требуя бросить его на произвол судьбы и спасаться самим, а теперь и вовсе обессилел и с трудом волочил ноги. Римо и его спутники теряли драгоценное время.

И все же им удалось отыскать выход и выскочить наружу, прежде чем их настигла погоня. Эта дверь, как и все другие, была сделана из дерева; она вела на опоясывающую храм веранду, которая, судя по всему, выходила во двор справа, за углом здания. Вцепившись в дверь пальцами, Римо оторвал клинообразный кусок длиной в шесть дюймов, прикрыл дверь,

подсунул под нее клин и мощным ударом вогнал его в щель. Теперь, если бы преследователи вздумали покинуть храм через этот выход, им пришлось бы изрядно попотеть.

– Быстрее, – сказал Римо. – Мы опаздываем.

Беглецы окунулись в темноту, двигаясь в сторону двора, откуда слышались звуки схватки – одной из тех смертельных битв, что происходили в доисторические времена.

Глава 19

Одри Морленд шагала вслед за Рентоном Уордом – кем бы он ни был на самом деле – в сторону двора, а в ее голове крутился вихрь мыслей. Судя по звукам, динозавр, которому поклонялись туземцы и которого называли Нагаком, выбрался из храма и, очутившись на площади, устроил там кромешный ад. Одри безошибочно узнала его хриплое рычание еще до того, как увидела чудовище воочию. Она опасалась, что рев динозавра будет преследовать ее в ночных кошмарах долгие месяцы.

Но в этот миг ее внимание было приковано к иному звуку, напоминавшему гудение трубы. Может быть, какое-то другое животное... или туземцы пытаются отвлечь свое смертоносное божество и дуют в рога?

Впрочем, нет. Одри уже слышала эту трубу, но ей никак не удавалось сосредоточиться, извлечь из памяти нужные звуки и превратить их в осмысленный образ. Труба завывала, будто...

Слон!

Дедуктивное мышление в духе Шерлока Холмса не имело никакого отношения к прозрению Одри. Скорее оно объяснялось тем, что в это мгновение женщина вышла из-за угла, за которым расстилалась площадь двора, и увидела перед собой неясные очертания толстокожего.

Это был не просто слон, а слон с наездником, старичком чудаковатой наружности. Его голову венчали пряди седых волос, а тщедушное тело было облачено в некое подобие черной пижамы. Одри видела, что человек этот, хотя и азиат, не принадлежит к племени похитителей. В руках у него не было ни палки, ни кнута, обычных для погонщиков слонов, и тем не менее зверь, похоже, понимал его приказы и подчинялся с видимой охотой... до определенных пределов, разумеется.

Слон внимательно следил за цератозавром, который метался взад-вперед в тридцати футах перед ним. Судя по всему, огромные животные видели друг друга впервые, во всяком случае, не обнаруживали никаких признаков узнавания. В поведении рептилии угадывались подозрительность, гнев и нечто вроде злорадства, какое редко встретишь у живых существ, если не считать человека. Слон, в свою очередь, явно не желал доставить противнику удовольствие лицезреть свой страх. Одри увидела, как он поднял хобот и хрипло затрубил, дразня доисторического хищника.

После секундного колебания динозавр приподнялся на задних лапах, взмахнул громадным хвостом и бросился вперед,

шипя и широко разевая пасть. Если слон и был испуган или обескуражен, он ничем этого не выдал. Вместо того чтобы отступить к открытым воротам, он наклонил голову, свернул хобот и, выставив бивни, кинулся в атаку.

Одри заметила, что погонщик слона предпочел укрыться в безопасном месте, не дожидаясь начала схватки. Он совершил головокружительное тройное сальто, развевая своим кимоно, будто летучая мышь крыльями, и повернулся, глядя на лесных гигантов, которые столкнулись телами, издавая звучный скрип и скрежет костей и плоти.

Все взоры были прикованы к этому мрачному первобытному состязанию. Одри также не была исключением, однако ее мысли отнюдь не ограничивались судьбой двух зверей-гладиаторов. Их неясные фигуры расступились, и женщина отчетливо увидела в образовавшемся просвете далекое мерцание фонтана, сиявшего, будто маяк ее надежд.

Урановая руда залегала где-то совсем рядом, под городом, населенным уродцами. Связь Одри с мятежниками была потеряна навсегда – спасибо Рен-тону Уорду, – но ничто не могло помешать ей передать координаты месторождения китайцам и, выполнив тем самым свои обязательства, получить вторую половину вознаграждения в размере пятисот тысяч долларов. Если потребуется, она не таясь войдет в китайское посольство и обеспечит свое будущее.

Будущее, сулившее богатство и изобилие досуга.

Ей пришло в голову, что вдобавок можно было бы получить премию, сумей она помешать малайскому правительству отыскать уран до того, как в дело вступят ее китайские покровители. Насколько могла судить Одри, кроме нее, о радиоактивном фундаменте города знал только Рентой Уорд. Старый добрый Саффорд пребывал в сказочном мире грез, любуясь цератозавром, словно ребенок, получивший на Рождество новую куклу. Сибу Сандакан мог помешать Одри, но ему потребуется время, чтобы добраться до Куала-Лумпура. А в таком путешествии может случиться всякое – если Сибу вообще сумеет выбраться отсюда живым.

Оставался лишь Рентой Уорд. Судя по тому, что видела Одри, попытки застать его врасплох или оглушить ударом по голове были обречены на неудачу. Подумать только, мастер кунг-фу из нью-орлеанского серпентария! Как только Уорд доберется домой и начнет распространяться о находке, эта легенда долго не продержится.

Если он доберется домой.

Лучше всего, если Рентона прикончит слон или динозавр. Как

ни жаль терять такого замечательного любовника, Одри понимала, что с миллионом долларов в кармане она уже никогда не будет испытывать недостатка мужского общества. Она и без того не жаловалась на невнимание со стороны представителей противоположного пола и все же была уверена, что в Рио-де-Жанейро, на Ривьере и Таити ее ждут более изысканные наслаждения.

Почему бы и нет, в конце концов?

Для начала нужно было отделаться от бывших спутников и спрятаться в надежном месте.

Наблюдая за битвой, развернувшейся перед ее глазами, Одри решила, что более удобного времени не найти.

Следующая остановка – молочная река с кисельными берегами, сказала она себе.

* * *

Уловив краешком глаза быстрое движение, Римо повернул голову и увидел Одри Морленд, которая бежала к стене, отмечавшей границу древнего города. Главные ворота располагались в шестидесяти ярдах справа, но женщина и не подумала свернуть в ту сторону. По-видимому, она собиралась спрятаться за приоткрытой деревянной дверью односкатного навеса, пристроенного изнутри стены.

– Ждите меня здесь, – распорядился Римо, уверенный в том, что подопечные выполнят его приказ, и озабоченный не столько опасностью, грозившей им в то мгновение, сколько перспективой упустить шпионку.

Римо бросил взгляд на сражающихся исполинов и едва успел увернуться от кровавой струи, брызнувшей из левого уха слона, когда острые клыки динозавра оставили на нем четыре борозды. Теперь ухо висело лохмотьями, но слон и не думал отступать. Внезапная боль лишь подстегнула толстокожего, который бросился вперед, неистово размахивая бивнями. Ящер отпрянул и взревел, но прежде чем он отпрыгнул на безопасное расстояние, на его боку заалела глубокая рана.

В этот миг Римо уже мчался во весь опор. По ту сторону каменной арены он заметил крохотную, одетую в черное фигурку Чиуна, наблюдавшего за битвой титанов. Чиун тоже увидел Римо и поднял раскрытую ладонь. На лице старика было написано равнодушное безразличие, как будто он и его ученик случайно встретились где-нибудь в сеульском ресторанчике, а не на залитой кровью площади, где ожившие кошмары лакомились

человечьей плотью.

Римо продолжал гнаться за Одри, зная, что Чиун сумеет постоять за себя в любых обстоятельствах. Он не имел понятия о том, где Чиун раздобыл слона, но, взглянув на цепочку истерзанных мертвых тел, ведущую к воротам, понял, что еще до встречи с Нагаком толстокожему пришлось немало потрудиться.

К этому времени Одри пересекла двор и оказалась в нескольких шагах от навеса, быстро приближаясь к нему. Внезапно она резко остановилась и испуганно отшатнулась. Дверь навеса открылась, и оттуда навстречу женщине выскочил громадный измазанный грязью туземец, потрясая копьем. Еще наддав ходу, Римо услышал вопль Одри, перекрывающий хриплые, ревущие звуки смертельной схватки.

* * *

Наблюдая за битвой, какую не видывали нынешние поколения людей, Чиун тихонько напевал себе под нос. Грубым созданиям не хватало утонченности, и все же зрелище заслуживало определенного внимания. Симпатии корейца принадлежали слону, который служил ему верно и бескорыстно, однако, глядя на ловкие прыжки, дьявольские когти и сверкающие клыки динозавра, его трудно было представить в роли побежденного.

И тем не менее, вспоминая легенды Синанджу, Чиун был несколько разочарован. Он надеялся, что дракон станет размахивать крыльями и плеваться огнем – короче говоря, устроит более красочное представление. В таком случае исход битвы был бы предрешен заранее, а слон не имел бы ни малейших шансов на победу, однако Чиун находил в древних преданиях особую прелесть, хотя и сомневался в том, что громадный ящер мог оказаться хранителем несметных сокровищ.

Его внимание отвлекли голоса, внезапно раздавшиеся сбоку. Чиун повернулся, готовясь сразиться с туземцами, и в тот же миг мимо него просвистело копье. Угодив в слона, оно впилось ему в плечо. Вслед за первым последовали еще два копья, также попавшие в цель. Они не представляли смертельной угрозы для толстокожего, лишь рассердили его. Слон встряхнулся, при этом одно копье упало на землю, но оставшиеся прочно застряли в шкуре.

Чиун ни капли не удивился.

Он насчитал семь дикарей, трое из которых столь легкомысленно расстались со своим оружием, а еще двое

готовились метнуть копья. Они орали, подбадривая Нагака, словно толпа подвыпивших болельщиков на воскресном футбольном матче.

Мастер Синанджу обрушился на туземцев, прикончив двоих еще до того, как они успели осознать грозящую им опасность. Уцелевшие прислужники дракона повернулись к Чиуну, но спасаться бегством было уже поздно.

Слишком просто, думал Чиун, беспрепятственно круша неприятеля и рассекая плоть и кости с легкостью мясника, разделывающего тушу. Борьбы не получилось, и вскоре он покончил с дикарями, поднял одно из валявшихся на земле копий, взвесил в руке и, сочтя его бесполезной игрушкой, нахмурился и отшвырнул в сторону.

Чиун не ведал жалости к врагам. Туземцы сами напали на него, хотя легко могли бы отступить в джунгли и спрятаться там. И если им вздумалось сразиться с мастером Синанджу, было заранее ясно – по крайней мере ему самому, – что их ждет страшная унизительная смерть. Безрассудство лишено достоинства, и старый кореец не почувствовал ничего, кроме презрения к тем, кто готов рисковать жизнью, не имея никакой надежды на победу.

Он вновь обратился к созерцанию схватки гигантов. Было совершенно ясно, что победитель определится в ближайшие минуты.

Мастер Синанджу сочувствовал слону, но если бы ему пришлось заключать пари, он поставил бы все свои деньги на дракона.

* * *

Римо находился в дюжине шагов от навеса, когда туземец вонзил копье в живот Одри чуть ниже ребер и поднял женщину в воздух, словно рыбу, трепещущую на острие гарпуна. Одри вскрикнула, издав дикий, сверхъестественный вопль, в котором было столько же боли, сколько неверия, и Римо увидел, как дикарь запрокинул лицо и открыл рот, ловя губами первые теплые капли, выступившие у нее на лице.

Римо показалось, что у него в голове что-то щелкнуло, а глаза на короткое мгновение заволокла кровавая пелена. Он должен был расправиться с этой женщиной и выполнил бы задание, не испытывая угрызений совести, однако в этом убийстве, напоминавшем сажание на кол, в этой жажде крови было что-то столь варварское и бесчеловечное, что Римо отбросил

колебания и, ощутив прилив яростной энергии, устремился к своей цели.

Туземец увидел своим единственным здоровым глазом приближение Смерти, но сделать ничего не смог. Инстинкт самосохранения заставил его выпустить из рук копье и ретироваться под защиту навеса.

Напрасные надежды. Едва он успел ступить на порог укрытия, Римо ухватил его за волосы на затылке и выволок наружу. Хватило бы и удара в место сочленения позвоночника и черепа, но Римо не позволил дикарю отделаться легкой смертью. Он вытащил противника на открытое пространство, поставил туземца на громадные косолапые ступни и замер, дожидаясь ответных действий с его стороны.

Одноглазый дважды моргнул, пробормотал что-то на родном языке и нанес сокрушительный удар, целясь в голову Римо. Это было последнее движение, совершенное его телом по своей воле. Рука туземца, словно лучина, треснула в запястье и локте и с отвратительным чмокающим звуком выскочила из плечевого сустава. Прежде чем одноглазый успел осознать собственную беспомощность и близость неминуемой смерти, собственная рука туземца хлестнула его по лицу с такой силой, что проломила нос и скулы и срезала передние зубы по линии десен. Еще один удар, расколовший его череп, – и труп дикаря повалился на землю рядом с Одри.

Римо опустился на колени подле женщины и приподнял ее голову, стараясь не делать резких движений, которые могли бы вызвать новый пронизывающий все тело приступ боли. Он не стал вынимать копье, даже не притронулся к нему, понимая, что Одри безнадежна – об этом свидетельствовали капли темной крови, сочившейся сквозь ее рубашку на груди и спине. Спасти женщину мог бы только хирург-травматолог, вооруженный последними достижениями медицины, но в малазийских джунглях трудно сыскать современную операционную. Даже если бы в эту минуту на площадь опустился вертолет, Одри истекла бы кровью либо умерла от шока в первые же минуты полета, задолго до того, как ей оказали бы необходимую помощь.

Римо откинул волосы с ее лица и спросил, как она себя чувствует.

– Дерьмово, – откровенно ответила Одри. – Это нечестно.

– О чем вы?

– Проклятая философия. – Женщина скривила лицо, перебарывая боль. – Полагаю, у вас нет в запасе фокуса на этот случай.

– Боюсь, нет.

– Я так и подумала. Проклятие! Не бросайте меня, Рентой.

– Не брошу.

Одри улыбнулась, бросая вызов судьбе.

– Итак, вы победили.

– Мы играли в разные игры, – ответил Римо. – Могу лишь утешить вас тем, что победа не принесет мне богатства.

– К черту утешения, – прошипела Одри. – Кто-то ведь должен остаться в выигрыше.

– Полагаю, выигрыш поделят без нас.

– Но уж, во всяком случае, не Пекин.

Римо покачал головой:

– На сей раз китайцы останутся с носом.

– Впрочем, плевать. Хотите получить пятьсот тысяч, Рентой?

– Нет, – ответил Римо, не задумываясь.

– Вы уверены? Я скажу вам, где лежат деньги, как их достать, только обещайте...

– Обещаю, и совершенно бесплатно, – прервал ее Римо. – Закройте глаза.

Одри подчинилась, и Римо легким прикосновением к виску навсегда избавил ее от страданий, погрузив женщину в небытие.

Яростный рев и крики боли, разносившиеся по площади, оторвали Римо от тягостных дум. Он поднялся на ноги и повернулся к сражающимся гигантам, вглядываясь в их неясные тени, исполнявшие мрачный танец смерти.

Оставив труп Одри у стены, Римо отправился искать Чиуна.

* * *

Это величайшая битва века, любого века, думал Стокуэлл. «Парк юрского периода» со всеми его спецэффектами можно было отправлять на свалку. Перед глазами профессора разыгрывалась живая картина – никаких тебе миниатюр, сценической крови, голубых экранов или покадровой съемки.

Зрелище было столь реальным, что Стокуэлл даже чувствовал запахи; ему в нос ударил ошеломляющий металлический запах крови, которая плеснула в лицо профессору и потекла по щекам и шее, забираясь под расстегнутый ворот рубахи. Мускусное благоухание цератозавра напомнило ему запах, издаваемый некоторыми видами змей, когда их поймаешь или застанешь врасплох. В начале сражения слон время от времени испускал струю мочи, и теперь над площадью витало аммиачное зловоние, способное даже мертвого поднять из могилы.

Все это игра воображения, думал Стокуэлл, однако он мог бы

поклясться, что земля под его ногами порой ходит ходуном. Ни один человек на Земле – разве что местные туземцы – не видывал прежде ничего подобного, а значит, именно ему, профессору Стокуэллу, суждено стать первым ученым, который поведает об этом всему миру.

Тут он вспомнил об экспедиционном имуществе – фото– и видеокамерах и прочем оборудовании, отнятом туземцами при входе в город. Господи, да ведь это произошло считанные часы назад! А Стокуэлл так и не отснял ни одной фотографии, ни одной видеокассеты, которые послужили бы подтверждением его слов, когда они сумеют выбраться отсюда.

Если сумеют.

Разумеется, у Стокуэлла были свидетели. Несчастный Пайк Чалмерс не шел в расчет, но оставались еще Сибу Сандакан и загадочный доктор Уорд.

И Одри. Куда она запропастилась на этот раз?

Впрочем, сейчас Стокуэллу было не до женщины. Профессора всецело захватило зрелище грубой жестокой силы, развернувшееся перед его глазами. Каждое движение цератозавра казалось ему исполненным поэзии, а само чудовище словно бы сошло с пыльных страниц книг доктора Стокуэлла, покрытых зарисовками доисторических ящеров.

Он увидел, как слон бросился вперед, выставив бивни, но динозавр ловко отскочил в сторону, мотнул головой и впился широко открытой пастью в спину соперника. Из свежей раны хлынула кровь, стекая ручьями по серой шкуре слона и собираясь в лужицу на земле, которую месили громадные ступни, превращая ее в грязь ржавого цвета.

Слон покачнулся и встал на дыбы, словно лошадь, стремясь сбросить с себя противника. Ящер выпустил его спину, повалился на бок и распластался в грязи, не выпуская из зубов рваный клок мяса. Прежде чем он успел вскочить на ноги, слон подскочил к нему и воткнул между ребер хищника длинный бивень, нанеся зияющую рану под его передней левой лапой.

Цератозавр взревел от злобы и боли и отпрянул назад, оставив на правом бивне слона кровавые пятна. Нимало не обескураженный, он метнулся вправо, потом влево – судя по легкости, с какой был выполнен этот прием, чудовище не впервые пускало его в ход. Чтобы не выпустить противника из виду, слону пришлось поворачиваться следом, однако потеря крови и головокружение привели к тому, что его шаги стали неровными, колеблющимися.

Почуяв слабость соперника, ящер приблизился к слону и, увернувшись от сверкающих бивней, вонзил клыки ему в

загривок, резко дернул головой, перемалывая плоть и кости и разбрызгивая кровь. Слон издал стон, жуткий неестественный вопль, беспомощно размахивая хоботом и упираясь всеми четырьмя ногами. Однако "больших размеров и веса было недостаточно, чтобы спастись. Теперь, когда противник очутился вне досягаемости его бивней, слону оставалось лишь метаться из стороны в сторону, стараясь вырваться.

Слишком поздно.

Хруст сломанного позвоночника оказался столь громким, что Стокуэлл явственно расслышал его на фоне шума, издаваемого гигантами. Слон в мгновение ока съежился, словно кто-то проткнул чудовищный воздушный шарик; его столбообразные ноги подогнулись, а брюхо опустилось на землю. Цератозавр все еще налегал на слона сверху, продолжая стискивать зубами его шею. Однако уже в следующее мгновение даже примитивному разуму ящера стало ясно, что сражение окончено.

Динозавр неохотно разжал челюсти и отступил назад, оберегая искалеченный бок. Из раны хлестала кровь, и на расстоянии невозможно было определить, насколько она серьезна. Судя по всему, рана причиняла ящеру невыносимую боль – он даже не задержался у тела поверженного противника, чтобы отведать его мяса.

Более того, на глазах Стокуэлла он повернулся к воротам, намереваясь скрыться в темноте джунглей, простиравшихся за границей городских стен. Он уходил! Еще несколько секунд, и он будет потерян для Стокуэлла навсегда!

Профессор двигался, словно в полусне, едва сознавая, что он торопливо шагает к гигантскому доисторическому ящеру, который в этот миг поворачивался к нему спиной. Почувствовав чьи-то пальцы, схватившие его за рубашку, Стокуэлл решительно вырвался. Уж если он не смог сфотографировать динозавра или посадить его в клетку, то по крайней мере хотя бы пощупает его рукой.

Сейчас или никогда.

Профессор потянулся к извивающемуся хвосту и увидел, что тот движется ему навстречу. Цератозавр не видел Стокуэлла, а если и видел, то обращал на него столько же внимания, сколько медведь гризли на комара. То, что произошло в следующую секунду, было самым заурядным несчастным случаем, в котором больше всех был повинен сам Стокуэлл.

В последний момент он попытался увернуться и поднял руки, защищая лицо, но было слишком поздно. Твердый кончик хвоста молниеносно хлестнул профессора по голове, сорвав клочок кожи с его черепа, и сбил Стокуэлла с ног, повалив его в грязь.

Мир перед его глазами закружился и перевернулся, чернота ночи сменилась кровавым багрянцем, но даже и теперь профессор продолжал наблюдать за чудовищем своей мечты, которое протиснулось сквозь ворота и исчезло в темноте.

Стокуэлл мог поклясться, что видел фигурку одетого в черное худощавого старика, со скоростью ветра скользнувшего вслед за динозавром.

* * *

– Либо мы уходим сейчас же, – сказал Римо, – либо мы останемся здесь навсегда.

Сибу Сандакан поднял Стокуэлла на ноги. Из раны на его голове сочилась кровь, однако было непохоже, что профессору грозит серьезная опасность. Разумеется, он задержит своих спутников в дороге, но им было не привыкать.

– А как же доктор Морленд? – спросил Сибу дрогнувшим голосом.

– Она не идет с нами, – ответил Римо.

– Одри? – Профессору Стокуэллу хватило сил расслышать и узнать имя, но он по-прежнему не мог сфокусировать взгляд.

– Мы встретимся с ней позже, – пообещал Римо.

Вокруг погибшего слона собралась кучка туземцев. Некоторые тыкали животное копьями, другие смотрели на чужаков, указывая на них пальцами и осыпая проклятиями. Римо вполголоса выругался.

Бежать было бессмысленно – туземцам не составит труда отыскать их в джунглях. Будь Римо один, он легко ускользнул бы от дикарей либо устроил засаду и перебил их до последнего человека, но Сибу и Стокуэлл значительно ограничивали свободу его действий. Поэтому он решил, что будет лучше покончить с этим делом сейчас же, не сходя с места. Это означало уничтожить все племя, но Римо совсем не хотелось несколько дней напролет отсиживаться в укрытии, уклоняясь от копий и стрел.

К ним приближались шестеро или семеро туземцев, переговариваясь между собой, и Римо уже собирался выйти им навстречу, когда в грудь их вожака вонзилась стрела, швырнув дикаря на землю. Тут же просвистела вторая стрела, свалив его соплеменника, стоявшего слева, а затем и третья, унесшая жизнь долговязого циклопа, шедшего следом за главарем.

Этого было достаточно. Туземцы взвыли в один голос и бросились наутек. Уже секунду спустя Римо и его спутники оказались наедине с мертвым слоном и несколькими десятками

изуродованных человеческих трупов.

– Отличная стрельба, – сказал Римо Чиуну. – Я вижу, ты не терял времени зря.

– Я был занят совсем другим делом, – ответил кореец. – Я охотился на дракона.

– Ну и?...

– Я не стал его убивать. У него нет ни сокровищ, ни волшебства. Моим сородичам он не нужен.

– Что ж, попытаем счастья в другой раз.

– Во всяком случае, ты нашел, что искал. – С этими словами Чиун кивком головы указал на светящийся фонтан.

– Пускай им занимаются другие. Спасибо, что помог нам, папочка.

– Я должен был удовлетворить свое любопытство, – промолвил Чиун. – Это очень, очень странное и необычное место.

– Можешь повторить свои слова еще раз.

– Бессмысленное повторение слов – верный признак глупца.

– Прости, папочка. Я был не прав.

– Нам пора, – заявил Чиун. – Я и без того пропустил слишком много телепередач.

– Согласен.

Римо вынул из кармана маленький передатчик, нажал кнопку и положил коробочку рядом со слоном. Аппарат не издал ни звука; не заметил Римо и вспышки лампочек.

Если прибор неисправен, это не его забота.

Римо повернулся и двинулся к воротам, догоняя остальных, которые опередили его ярдов на пятьдесят.

Глава 20

Они услышали звук вертолетных двигателей два часа спустя, отойдя от древнего города на приличное расстояние. Сибу Сандакан посмотрел вверх, выискивая источник звука, но плотный полог джунглей закрывал летящий аппарат. Еще не начался рассвет, но даже движущиеся огни не могли проникнуть сквозь нависшие над головой кроны лесных гигантов.

– Похоже, к туземцам едут гости, – сказал Римо, подмигивая малайцу.

Они пустились в обратный путь, уже не опасаясь погони. Покидая город, Римо мельком подумал о цератозавре, но Чиун тут же показал ему место, где чудовище вломилось в лес, двигаясь к северу и оставляя широкий кровавый след. Даже если ящер уцелеет, думал Римо, он еще долго будет обходить город стороной, памятуя о беспокойстве и страданиях, которые ему довелось пережить.

Интересно, способен ли динозавр хранить воспоминания?

Как бы то ни было, отныне ему не суждено слышать рокот барабанов, призывающих великого Нагака, не суждено утолять свой голод человеческими жертвами. Древнему ящеру придется вернуться к старому испытанному способу и добывать пропитание охотой. Ничего не поделаешь – выживает самый приспособленный.

На рассвете экспедиция остановилась отдохнуть. Доктор Стокуэлл изнемог до предела – потеря крови лишила его сил, и Римо был готов прозакладывать свое скудное жалованье, что у доктора вдобавок еще и сотрясение мозга, но, когда Стокуэлл заговорил, создалось впечатление, что старый ученый сошел с ума.

– Мы должны вернуться назад! – выпалил он, когда Сибу Сандакан перевязывал рану на его голове.

– Дышите глубже, профессор, – посоветовал Римо.

– Оно есть, оно существует! Неужели вы не видели?

– Успокойтесь. Мы уже миновали точку возврата.

Чиун сидел поодаль и, хмурясь, вслушивался в напыщенную профессорскую речь. Не надо было знать корейский язык или уметь читать мысли, чтобы понять, как он относится к бывшему руководителю экспедиции.

– Другие! – возопил Стокуэлл, упав на четвереньки. – Должны быть и другие!

– Не волнуйтесь, док. Мы оторвались от погони. Теперь они нипочем нас не поймают.

– Я говорю не об этих уродливых созданиях! – В голосе Стокуэлла зазвучало неистовство. – Я говорю о динозаврах!

– О ком?

– Уж не думаете ли вы, что представитель доисторического вида мог прожить целых шестьдесят миллионов лет? – осведомился профессор, издав нервный смешок. – Какой абсурд! Как вы не понимаете! Они должны размножаться! У динозавра, как и у любого другого живого существа, должны быть предки!

Профессор разразился хохотом, постепенно перешедшим в визгливое хихиканье, могущее послужить звуковым фоном для фильма о психиатрической лечебнице. Римо смотрел на Стокуэлла, чувствуя, как его кожа покрывается мурашками при виде маститого седовласого ученого, который на глазах утрачивал человеческий облик.

– Десятки! – громко возвестил Стокуэлл. – Сотни! Тысячи динозавров! Неужели вы не понимаете?

– Этот человек – безумец, – сказал Чиун, обращаясь к Римо по-корейски, как бы желая пощадить сумасшедшего. – Когда речь идет о драконах, время не имеет значения.

И все же слова профессора заставили Римо задуматься. Если ваша страсть к печатному слову ограничивается комиксами из универмага, вы уверены в том, что на свете обитает один-единственный снежный человек и одно лох-несское чудовище. Однако законы биологии таковы, что никакая, даже самая загадочная тварь не может возникнуть сама по себе. В природе нет такого хранилища, откуда капризная Судьба извлекала бы чудеса, расселяя их по земному шару. С этой точки зрения Стокуэлл вполне мог оказаться прав.

Даже дракону нужны родители.

Уже одно упоминание об этом ставило под сомнение способности Римо к логическому мышлению. Он явился в джунгли, чтобы найти уран, убежденный в том, что охота за динозаврами – прикрытие совсем иных намерений либо плод фантазии стареющего профессора, впавшего в детство. Он оказался прав в отношении Одри Морленд и ее целей, и глубоко заблуждался, если речь шла о Стокуэлле и его поисках.

Что бы это значило? Что это могло значить?

Остановят ли любопытных слухи о том, что динозавр заживо пожирает туристов? Вряд ли кто-нибудь отправится в Тасик-Бера наугад, однако подтверждение сведений о живущем там доисторическом ящере способно многое изменить. Зеленая Преисподняя превратится в желанную цель для всякого ученого, которому достанет сил и упорства взвалить на себя рюкзак, не говоря уж о состоятельных любителях и «спортсменах», готовых

обменять новенький «порш» на возможность взглянуть – или поохотиться – на живое чудовище из минувшей эпохи.

Как только поползут слухи...

Римо посмотрел на Чиуна и, угадав в его глазах понимание, кивнул. Он повернулся к Сибу Сандакану и, не обращая внимания на Стокуэлла, сказал:

– Нам нужно поговорить.

* * *

Во вторник утром Харолд В. Смит принял Римо в своем кабинете в нью-йоркском санатории «Фолкрофт». Это был первый день после возвращения Римо из Малайзии, но он отлично отоспался в самолетах, проведя в кресле тринадцать часов над Тихим океаном и еще девять над континентом, плюс несколько часов вынужденного бездействия во время пересадок в аэропортах Сан-Франциско и Чикаго.

– Полагаю, вам будет приятно услышать о том, что руководство страны заявило свои права на урановое месторождение, – сказал Смит.

– Какой страны? – спросил Римо.

Смит озадаченно моргнул, и на его желтом сморщенном лице появилась удивленная мина.

– Малайзии, конечно, – произнес он. – Неужели вы подумали, что нам не хватает урановой руды?

– Честно говоря, у меня мелькала такая мысль, когда вы отправляли меня на поиски, – признался Римо.

– Это была обычная самозащита, – заявил Смит, откидываясь на спинку своего вращающегося кресла. – И, как видишь, ваши усилия не пропали зря. Вряд ли кому-нибудь захочется, чтобы у Пекина появились новые бомбы.

– Итак, эта история подошла к счастливому концу.

– Да. Между Соединенными Штатами и Малайзией установились прекрасные отношения.

– Не случится ли так, что малайцы уступят Штатам часть урана? – спросил Римо.

Вместо ответа Смит пожал плечами.

– Это не наше дело, – сказал он. – Мы с вами занимаемся разрешением возникших трудностей, и все тут.

– Ясное дело. Кстати, я хочу поблагодарить вас за ту помощь, которую ты оказал нам в джунглях.

– Как я понимаю, Чиун сопровождал вас. Разве этого недостаточно?

– Нам очень не хватало экскурсовода, знакомого с условиями доисторических эпох.

Смит нахмурился и зашуршал бумагами, лежавшими на его столе.

– Есть еще одно обстоятельство, о котором нам нужно побеседовать, – сказал он наконец.

– Слушаю вас.

– Насчет этого динозавра...

– Цератозавра, – поправил его Римо. – В полете я пролистал несколько научных работ. Это хищник, сохранившийся со времен юрского периода, если, конечно, он до сих пор жив. По-моему, эта тварь не успела прочесть в газетах о массовом вымирании своих сородичей.

– То-то и удивительно. – Было ясно, что Смит еще не сказал главного. – Если я не ошибаюсь, доктор Стокуэлл убежден, что там могут быть... э-ээ...

– Другие динозавры, – сказал Римо, заканчивая за него фразу.

– Да.

– Это грозит неприятностями?

– Во всяком случае, не нам, – ответил Смит. – Вряд ли наличие динозавров повлияет на национальную безопасность. Разве что...

– Знаю.

– Если Стокуэлл прав, рано или поздно кто-нибудь попытается их отыскать. Научная общественность не сможет пройти мимо такого открытия.

– Я уже говорил вам – ситуация находится под контролем.

– Во всем, что относится к нашему ведомству, – подхватил Смит. – Профессору Стокуэллу назначен курс лечения, и он проведет несколько недель в «Фолкрофте». Я уверен, что в конце концов он поймет, что стал жертвой иллюзии. Болотная лихорадка, утрата ценного сотрудника, тяготы пути – нет ничего удивительного в том, что он потерял связь с реальностью.

– Вам не удастся засадить его в психушку, – заметил Римо. – Стокуэлл – известный ученый, у него в Вашингтоне тьма учеников и последователей.

– Университет Джорджтауна получил от федерального правительства значительные субсидии, – ответил Смит, желчно усмехаясь. – Его коллеги говорят всем, что профессор Стокуэлл после возвращения из экспедиции решил уединиться, чтобы восстановить силы, и некоторое время намерен воздерживаться от широковещательных заявлений.

– Так в чем же затруднение? – спросил Римо.

– Как я уже сказал, с нашей стороны все в порядке. Но были и

другие свидетели, малайцы, которые тоже могут поднять суматоху.

– Я позаботился об этом, – сообщил Римо.

– Да? И каким же образом? – поинтересовался Смит.

– Я перебросился словцом с чиновником, который приглядывал за Стокуэллом. Чиун помогал мне. И мы сумели убедить Сандакана в том, что любое упоминание о живом динозавре принесет его стране больше вреда, чем пользы.

– И он купился? – В голосе доктора Смита явно угадывалось недоверие. – Готов спорить, малайцы уже печатают билеты для посетителей нового зоопарка.

– Ничего подобного. Правительство Малайзии всеми силами постарается избежать разговоров о том, как их коммандос стерли с лица земли последних уцелевших представителей неизвестного прежде племени и упустили динозавра. Это дурно пахнет, ты не находишь? Представляю, какой убийственной критике их подвергнут Объединенные Нации, не говоря уж о многочисленных лигах защитников окружающей среды. В наши дни слухи о геноциде, распространившиеся в определенных кругах, автоматически влекут за собой туристический бойкот.

– Что ж, это заставит их крепко задуматься, – сказал Смит. – И все же такие известия трудно скрыть. Даже если они попадут на страницы желтой прессы...

– Чепуха, – отрезал Римо. – Мне трудно представить наших неотесаных домохозяек, летящих в Малайзию охотиться на динозавров.

Смит нахмурился и покачал головой:

– И все-таки я опасаюсь, что со временем кто-нибудь да поднимет суматоху. И если это произойдет, начнутся расспросы.

– Может быть. Но к этому времени я уже уйду на пенсию.

– Все мы мечтаем об уходе на пенсию, – сказал Смит. – А вы не думали, что динозавр может угодить в чужие руки?

Последние два слова Смит произнес так, словно от них оставался дурной привкус во рту. Его лицо напряглось, и Римо, как ни старался, не сумел сдержать улыбки.

– Не могу сказать, чтобы это уж очень меня волновало.

– Споры из-за динозавров могут ввергнуть нас в международный конфликт! – сурово изрек Смит.

– Вы собираетесь начать все сначала, – сказал Римо, произнеся фразу утвердительным тоном.

– Нет, – ответил Смит. – Пока нет. Все это нужно хорошенько обдумать. Мы будем ждать и наблюдать.

– Чиун будет очень недоволен.

– Он просил передать вам один маленький совет, – сказал

Римо, подражая пулеметной речи старика, сдобренной корейским акцентом.

– Могу я узнать, что он имел в виду?

– Не будите спящих драконов, – ответил Римо. – Иначе они могут проснуться и ухватить вас за задницу.